ПЛАТОН

ТОМ

XIV

ΑΚΑΔΕΜΙΑ

В Б

ACADEMIA

ТРУДЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО ОБ-ВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ ПЛАТОНА

В 15 ТОМАХ

НОВЫЙ ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. А. ЖЕБЕЛЕВА
Л. П. КАРСАВИНА
Э. Л. РАДЛОВА

ACADEMIA

ПЕТЕРБУРГ
1923

ТВОРЕНИЯ ПЛАТОНА

ТОМ XIV

ЗАКОНЫ И ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЗАКОНАМ

ACADEMIA
ПЕТЕРБУРГ
1923

Настоящее издание отпечатано
в Типографии Российской Академии Наук в количестве 2000 экз.
Ленинградгублит № 8828.

ЗАКОНЫ

Перевод А. Н. Егунова

КНИГА СЕДЬМАЯ.[1]

1

Афинянин. После обсуждения вопроса о рождении детей 788
мужеского и женского пола всего правильнее было бы высказаться об их воспитании и образовании. Оставить это неразобранным совершенно невозможно; но то, что́ мы выскажем, окажется скорее похожим на какое-то поучение и увещание, чем на законы. В самом деле, в частной и в семейной жизни каждого человека есть много мелочей, совершающихся не на виду у всех; здесь, под влиянием личной скорби, наслаждения и страсти, легко возникают противоречащие советам законодателя явления, B
вследствие чего нравы граждан становятся разнообразными и друг на друга непохожими, а это беда для государств. Однако, было бы неблаговидно и, вместе с тем, непристойно дать законы и установить наказания и в этой области: настолько явления эти незначительны, хотя и часты. Но, с другой стороны, если люди привыкнут поступать противозаконно в часто повторяющихся мелочах, то это поведет к гибельной порче даже законов, установленных в письменной форме. Поэтому, хотя и затруднительно дать законы в этой области, тем не менее промолчать невозможно. Однако, надо выяснить мою мысль, вынести C
ее, точно образчик[2], на свет, а то, ведь, сейчас мы говорим, повидимому, как бы во тьме.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Итак, правильно было сказано, что надлежащее воспитание должно оказаться в силах сделать и тела и души наипрекраснейшими и наилучшими.

Клиний. Так что же?

D Афинянин. Чтобы тело стало наипрекраснейшим, нужно, думаю я, просто напросто возрастить его с малых лет в наиболее правильных условиях.

Клиний. Безусловно.

Афинянин. Но разве мы не замечаем, что у всякого живого существа первоначальный рост бывает самым большим и сильным. Это заставило многих спорить о том, что величина человеческого тела с пятилетнего возраста не удваивается в продолжение остальных двадцати лет[3].

Клиний. Правда.

789 Афинянин. Так что же? Разве мы не знаем, что сильный рост причиняет тысячи телесных недугов, если не сопровождается многими соразмерными трудами?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Следовательно, тело тогда нуждается в наибольших трудах, когда получает наибольшее питание.

Клиний. Чужестранец, неужели мы в самом деле предпишем наибольшие труды детям, только что родившимся и самым малым!

Афинянин. Нет, не им, а еще сперва и тем, что̀ питаются в утробе матери.

Клиний. Друг мой, что ты говоришь? Неужели ты разумеешь утробных младенцев?

B Афинянин. Да.—Нет ничего удивительного, если вы не знаете о телесных упражнениях применительно к младенцам такого возраста. Как бы это ни было странно, я хотел бы всетаки выяснить вам этот вопрос.

Клиний. Действительно, это очень странно.

Афинянин. Это явление легче заметить у нас[4], так как там более, чем должно, некоторые люди предаются забавам. У нас не только дети, но даже кое-кто и из старших, воспитывают
C птенцов домашних птиц и приучают этих животных к боям друг с другом. Однако, эти люди невысоко ставят трудные упражнения в движениях, которые сообразуются лишь с целью обучить птицу сражаться; сверх упражнений, эти люди берут птиц—маленьких в ладони, больших в руки — и так-то, неся птицу под мышкой, отправляются гулять далеко, на много стадий, ради здоровья,

не своего собственного тела, а ради здоровья этих птенчиков[5]. Отсюда для человека, способного сообразить, становится ясно хотя бы то, что для всякого тела полезны эти беспрестанные сотрясения и толчки в разных направлениях,—все равно, само ли D оно их над собой производит или испытывает их на качелях, или на море, или при верховой езде, или когда несется при движении любых тел. Благодаря этому мы лучше воспринимаем питательность пищи и питья; стало быть, все эти упражнения могут доставить нам здоровье, красоту и прочую силу.

2

Раз все это так, то как же, спросим мы себя, надо нам, после этого, поступать? Хотите, мы с улыбкой скажем, что мы устанавливаем следующие законы: беременная женщина должна E гулять; младенца надо формировать, точно он из воска, пока он гибок, и пеленать до двухлетнего возраста. Точно так же и кормилиц мы принудим законом, под страхом наказания, постоянно носить младенца в поля или к святилищам или куда-нибудь к родственникам, до тех пор, пока он не сможет стоять на ногах. Но и тогда кормилицам надо остерегаться, как бы малолетние дети, не искривили своих членов при сильном упоре о что-нибудь; кормилицы и тогда должны еще немного потрудиться и носить их, пока дитя не достигнет трех лет. Они должны, по возможности, обладать силой и не быть одной при ребенке. Если все эти условия не будут выполняться, не назначить ли нам наказаний? Или вовсе не стоит этого делать? В самом деле, 790 эта мера вызвала бы чрезвычайно много того, о чем мы недавно говорили.

Клиний. То есть, чего именно?

Афинянин. Много смеха вызвали бы мы; кроме того, женский и рабский нрав кормилицы не дал бы себя убедить.

Клиний. Но в таком случае для чего же, как мы сказали, надо было об этом говорить?

Афинянин. Вот для чего: услышав все это, нравы господ и B людей в государстве свободных придут, очень возможно, к здравому сознанию, что тщетно было бы предполагать прочность

законодательства в вопросах общественных, если не предусмотрено осуществление надлежащим образом и частной жизни граждан. Сообразив это, господа и свободорожденные люди стали бы пользоваться только что указанными законами и, пользуясь ими, хорошо устроили бы свой дом и государство и были бы счастливы.

Клиний. Твои слова очень правдоподобны.

Афинянин. Поэтому мы не оставим и этой области законо-
C дательства, пока не установим занятий, касающихся души даже самых малых детей, таким же точно образом, как мы начали доводить до конца наше рассуждение о телесных упражнениях.

Клиний. Вполне правильно.

Афинянин. И в том и другом случае, т. е. и для тела и для души совсем малых детей, возьмем за основное начало кормление грудью и движение, совершаемое в течение, по возможности, всей ночи и дня. Это полезно всем детям, а всего более самым малым, так чтобы они жили постоянно, если возможно,
D точно на море. К этому надо как можно более приближаться и именно так поступать с новорожденными младенцами. Удостовериться в этом можно еще и из того обстоятельства, что именно это усвоили на опыте и признали полезным кормилицы младенцев и те женщины, чтò совершают священное врачевание людей, находящихся в корибантическом состоянии [6]. В самом деле, когда матери хотят, чтобы заснул ребенок, которому не спится, они употребляют вовсе не покой, а, напротив, движение, постоянно
E укачивая ребенка на руках; они прибегают не к молчанию, а к какому-то напеву, и прямо-таки как бы наигрывают детям на флейте; подобным образом врачуют женщины и вакхическое исступление, применяя такое же движение, но с присоединением еще хореи [7] и музы.

Клиний. Но что же, чужестранец, здесь служит главной причиной?

Афинянин. Это не так трудно узнать.

Клиний. То есть?

Афинянин. И то и другое переживание сводится к болезни, болезнь же возникает вследствие дурного душевного состояния.
791 Когда к подобным переживаниям применяется внешнее потрясение, это внешнее движение берет верх над движением вну-

тренним, заключающимся в страхе и неистовстве. Одержав верх, оно явно производит в душе безветрие и успокоение; тяжкое сердцебиение прекращается. А это, во всяком случае, желательно. На одних это наводит сон; а тем, кто бодрствует, пляшет и играет на флейте, оно дает возможность, с помощью тех богов, кому они приносят благоприятные жертвы, сменить свое неистовое настроение на разумное состояние. Хотя мы коснулись B всего этого лишь вкратце, но и тут есть некоторое убедительное основание.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Если все это производит такое действие, то мы должны вдуматься в то, что̀ можно заметить и на себе: всякая душа, с малолетства причастная боязни, с течением времени еще более приучится к страху. И всякий скажет, что здесь будет происходить упражнение в трусости, а не в мужестве.

Клиний. Да, так.

Афинянин. И, наоборот, мы сказали бы, что занятие, раз- C вивающее с малолетства мужество, заключается в уменьи побеждать боязнь и страх, на нас нападающий.

Клиний. Верно.

Афинянин. Мы скажем, что упражнения совсем малых детей в движениях окажут сильное у нас влияние на одну из частей душевной добродетели.

Клиний. Конечно.

Афинянин. И в самом деле, кроткое душевное настроение является немаловажной составной частью хорошего душевного состояния, точно так же, как тяжелое настроение — дурного душевного состояния.

Клиний. Да.

Афинянин. Каким же образом можно сразу внушить ново- D рожденному это желательное нам настроение? Надо попытаться выяснить, насколько удастся здесь тем или иным образом достигнуть успеха.

Клиний. Да.

3

Афинянин. Я приведу господствующее у нас мнение: изнеженность делает характер детей тяжелым, вспыльчивым и

очень впечатлительным к мелочам; обратно, излишнее и грубое порабощение детей делает их приниженными, неблагородными и человеконенавистниками, так что, в конце концов, они становятся непригодными для совместной жизни.

E Клиний. Каким же образом все государство в целом может воспитывать детей в том возрасте, когда они еще не говорят и не способны вкусить прочего образования?

Афинянин. А примерно так: первый звук всякого новорожденного существа—крик; это не менее касается и человеческого рода, которому в особенности свойствен, кроме крика, и плач.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Поэтому кормилицы, желая узнать, чего хочет
792 ребенок, заключают об этом, поднося ему те или иные вещи. В самом деле, если ребенок замолчит, заметив подносимую вещь, они считают, что хорошо отгадали; если же плач и крик продолжаются, то — не отгадали. Детки обнаруживают свою любовь или ненависть плачем и криком — знаками далеко неудачными. А между тем, этот период длится не менее трех лет; немаловажно, как провести эту часть жизни: худо или же получше.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Разве вам не кажется, что ребенок с тяжелым
B нравом, который никогда не бывает радостным, склонен к плачу и хныканью гораздо более, чем это нужно хорошему человеку.

Клиний. По моему мнению, да.

Афинянин. Так что же? Если попытаться, в течение указанных трех лет, применять всякие средства, чтобы наш воспитанник, по мере сил, как можно меньше подвергался боли, страху и всяческой скорби, то разве, по нашему, это не сделает тогда душу воспитанника веселой и радостной?

C Клиний. Очевидно, что да; в особенности же, чужестранец, если ему доставлять много развлечений.

Афинянин. Здесь, дорогой мой, я уже не последую за Клинием, потому что, действуя так, мы всего более испортим ребенка, что̀ очень часто случается в начале воспитания. Посмотрим, что̀ именно это значит.

Клиний. Скажи, что ты разумеешь?

Афинянин. У нас обоих сейчас идет речь о предмете немаловажном. И ты, Мегилл, рассуди нас. По моему утвержде-

нию, в правильной жизни не должно преследовать наслаждений и, в свою очередь, не должно вовсе избегать скорбей; надо довольствоваться чем-то средним, о чем я сейчас упомянул, обо- D
значив его как радостное; это расположение духа мы все, согласно некоему священному прорицанию, метко приписываем и богу. Я утверждаю, что тот из нас, кто намерен стать божественным, должен стремиться именно к такому состоянию, так чтобы ни самому не предаваться исключительно наслаждениям— ибо ему не миновать скорбей—ни всем другим из нас—старикам или юношам, мужчинам или женщинам — не позволять испытывать подобного состояния, а всего менее, по мере сил, только E
что родившемуся ребенку. Ибо основной характер каждого человека складывается путем привычки всего сильнее именно в этом возрасте[8]. А я лично, — если бы только не показалось, что я собираюсь шутить — сказал бы, что и все беременные женщины должны, в течение беременности, в особенности заботиться о том, чтобы не испытывать никаких страстных наслаждений, а также и скорбей; этот промежуток времени они должны прожить предпочтительно в радостном, благожелательном и кротком настроении.

Клиний. Тебе, чужестранец, вовсе не надо спрашивать Ме- 793
гилла, кто из нас обоих более прав. Я сам уступаю тебе: да, все должны избегать в жизни неумеренных скорбей и наслаждений и всегда держаться какой-то середины. Ты это прекрасно сказал, и я с тобой согласен.

Афинянин. Вполне правильно, Клиний. Но кроме того, давайте, обсудим все втроем еще вот что.

Клиний. Что именно?

4

Афинянин. Все то, что̀ мы сейчас разобрали, относится к неписанным узаконениям, как их большинство называет. То, что̀ именуют отеческими законами, есть не что иное, как именно B
совокупность подобных правил. Осенившая нас сейчас мысль[9] о том, что здесь нельзя говорить о законах, хотя, с другой стороны, и нельзя оставить эти вопросы не затронутыми, высказана прекрасно. Эти правила связуют любой государствен-

ный строй; они занимают середину между всеми законами, письменно установленными, и теми, что̀ еще будут установлены. Попросту, это как бы отеческие и чрезвычайно древние узаконения. Если их хорошо установить и ввести в жизнь, они явятся всяческим спасительным покровом для современных
C им писанных законов. Если же, по небрежности, при этом переступить границы прекрасного, все рушится так же, как если бы зодчие тайно удалили средние основы своего здания; а так как одно поддерживает другое, то, при ниспровержении древних основ, обрушивается и все позднейшее прекрасное сооружение. Мы, Клиний, должны считаться с этим; поэтому тебе нужно всячески скрепить новое государство, не упуская, по возможности, ни великого ни малого из того, что̀ называется законами, обычаями
D или обыкновениями. Ибо все это связует государство; ни одно из этих двух начал не может быть прочно без другого. Поэтому не надо удивляться, если у нас законы становятся более пространными, вследствие наплыва многочисленных узаконений и навыков, кажущихся даже мелочными.

Клиний. Ты говоришь верно; мы будем держаться таких же мыслей.

Афинянин. Следовательно, для малолетних воспитанников
E будет очень полезно, если к ним будут не только между прочим, но со всей тщательностью применять вышеуказанные правила, вплоть до достижения мальчиком или девочкой трехлетнего возраста. Впрочем, душевный склад трехлетнего, четырехлетнего, пятилетнего и даже шестилетнего ребенка нуждается в забавах. Однако, надо избегать изнеженности, надо наказывать детей, но так, чтобы не задеть их самолюбия; надо это делать так же, как делаешь и по отношению к рабам, о чем мы уже говорили, именно: не надо позволять наказывающим оскорблять наказываемого, так как это вызывает в нем раздражение; но
794 нельзя и баловать отсутствием наказаний. Так вот, точно так же надо поступать и с детьми свободорожденных. У детей этого возраста некоторые забавы возникают как-то сами собой; когда дети собираются вместе, они чуть что ни сами их изобретают. Все дети этого возраста, т. е. с трех до шести лет, пусть собираются в святилищах каждого поселка, так что дети всех жителей поселка будут там вместе. Кормилицы должны заботиться

также и о детях этого возраста, чтобы они были благопристойны, а не распущены. Над самими же кормилицами и над всем этим детским садом[10] будут поставлены двенадцать женщин — по B
одной для каждого такого детского сада, чтобы следить там за порядком; их будут ежегодно назначать законохранители из числа вышеупомянутых кормилиц. Выборы их будут производить женщины, ведающие попечением о браках; из числа своих ровесниц они выберут по одной из каждой филы. Поставленная на эту должность будет посещать ежедневно определенное святилище и всякий раз налагать наказание, если кто провинится; раба или рабыню, чужестранца или чужестранку она будет наказывать сама при помощи государственных рабов, а гражданина, если он оспаривает необходимость наказания, она поведет на суд астиномов; если же гражданин не оспаривает, она и его C
наказывает сама. После того, как дети достигнут шестилетнего возраста, оба пола отделяются. Мальчики проводят время с мальчиками; точно так же девочки с девочками. Но и те и другие должны обратиться к учению. Мальчики поступают к учителям верховой езды, стрельбы из лука, из пращи, метания дротиков. Если девочки согласятся, они точно так же, по крайней мере, хоть обучаются этому; в особенности же следует им научиться употреблению оружия. Здесь чуть что ни все люди не отдают D
себе отчета в установившемся ныне положении.

Клиний. В каком именно?

5

Афинянин. В том, будто у нас правая и левая рука от природы употребляются для различных действий. Между тем ясно, что ноги, вообще задние конечности, вовсе не различаются в смысле работы. А что касается рук, то здесь каждый из нас стал бы калекой, из-за неразумия кормилиц и матерей. В самом деле: природа почти уравновесила те и другие конечности, и E
уже мы сами, путем привычки, сделали их различными, пользуясь ими ненадлежащим образом. При некоторых действиях разница эта не велика: так лиру мы держим в левой руке, а плектр в правой, и тому подобное — здесь это не имеет значения[11].

Это может служить нам примером, что было бы почти безумием считать, будто не следует применять того же и при других дей-
795 ствиях. Доказывается это и обычаем скифов: они не держат лука исключительно в левой руке, а стрелу — в правой, но пользуются и для того и для другого одинаково обеими руками. Очень много других подобных же примеров можно найти в искусстве править возжами и в других областях; из этих примеров можно понять, что поступают вопреки природе те, кто развивает левую руку в ущерб правой. Как мы сказали, при роговых плектрах и тому
B подобных орудиях это несущественно. Но это очень важно, когда приходится пользоваться для военных целей железными орудиями, луками, дротиками, вообще оружием. А всего важнее это в тех случаях, когда оружием надо отражать оружие. Здесь огромная разница между человеком, усвоившим это себе, и не усвоившим, между тем, кто в этом упражнялся, и тем, кто не упражнялся. Все равно как человек, вполне искусившийся в панкратии [12] или в борьбе или в кулачном бою, бывает в состоянии сражаться и левой стороной; но если он этим пренебрежет, то станет хромать и подаваться, когда противник переменит направление и заставит его бороться другой стороной тела; то же
C самое, думаю я, нужно по праву ожидать и при вооруженной борьбе и во всех остальных случаях. Ведь человек обладает двумя руками, чтобы отражать нападения и хватать ими противника; поэтому ни одной из них, по мере сил, нельзя оставлять бездеятельной и необученной. И если кто родится с природой Гериона или Бриарея, то он должен быть в состоянии всей сотней своих рук метать сотню стрел [13].

D О всем этом должны иметь попечение правительницы и правители. Первые станут надзирать за этим в играх и при воспитании, последние—при обучении, чтобы все юноши и девушки стали ловконогими и ловкорукими [14], и, по мере сил, ничуть не извратили привычками своих природных свойств.

6

Обучением надо бы воспользоваться, так сказать, двояко: по отношению к телу — гимнастическим искусством, а для раз-

вития хороших качеств души — мусическим. Относящееся к гимнастическому искусству, в свою очередь, подразделяется на два вида: во-первых пляска, во-вторых борьба. Один вид пляски воспроизводит язык Музы, сохраняя величественность и, вместе E
с тем, благородство; другой вид служит для придания здоровья, ловкости и красоты членам и частям самого тела путем подходящих для каждого из них сгибаний и растягиваний, причем ритмическое движение распространяется на протяжение всей пляски и, вместе с тем, в достаточной мере сопровождает ее.

Далее, что касается борьбы, то вовсе не полезно для участия в войне и не достойно словесных прикрас то, чтó из-за непорядочного честолюбия, установили в своем искусстве Антей или Керкион, а Эпий или Амик — в кулачном бою[15]. Что же 796
касается борьбы в стоячем положении[16], когда стараются высвободить[17] затылок, руки, бока, когда трудятся ревностно и стойко ради благообразной мощи и здоровья[18], то эта борьба полезна во всех отношениях; ее нельзя оставить в стороне; напротив, ее надо предписать как обучающимся, так и учителям, когда мы в нашем законодательстве дойдем до этого места. B
Учителя пусть преподают благосклонно все это, а ученики пусть с благодарностью воспринимают.

В свою очередь нельзя оставить в стороне и подходящих воспроизведений путем хороводных плясок. Таковы здешние вооруженные игры Куретов, а в Лакедемоне — Диоскуров[19]. В свою очередь и у нас Дева-Владычица, возрадовавшись хороводной забаве, не сочла должным ликовать с пустыми руками, но, украсившись полным вооружением, в нем исполнила свою пляску[20]. C
Юношам и девушкам подобало бы всячески воспроизводить это, почитая милость богини, а также и ради военных надобностей и празднеств. Малым детям в то время, пока они еще не идут на войну, надо было бы, при совершении шествий и торжественных процессий в честь всех богов, всегда украшаться оружием, сидеть на коне, плясать и итти то быстрее, то медленнее, молитвенно обращаясь с просьбами к богам и чадам божиим. Состязания и предварительные упражнения к ним надо D
устраивать именно ради этой цели, если уже нужно указывать их цель. Эти состязания полезны и в мирное время и при войне как для государственного строя, так и в частном быту. Осталь-

ные же труды, забавы и попечения о теле несвойственны свободорожденным людям, Мегилл и Клиний.

В предшествующих рассуждениях я указал, что надо разобрать вопрос о гимнастическом искусстве. Теперь я его почти что разобрал; будем считать его исчерпанным. Но если вы мо-
E жете предложить нечто лучшее, то сообщите это для общего сведения.

Клиний. Нелегко, чужестранец, отклонить это и предложить что-нибудь лучшее относительно гимнастического искусства и состязаний.

Афинянин. Итак, что касается следующего за этим вопроса о дарах Муз и Аполлона, то мы полагали тогда, будто мы всё уже высказали, так что остается только вопрос о гимнастическом искусстве. Но теперь ясно, в чем заключается этот вопрос, а также и то, что̀ о нем надо говорить прежде всего. Так перейдем же непосредственно к нему.

Клиний. Отлично, перейдем.

797 Афинянин. Выслушайте меня так, как вы выслушали и раньше. И теперь, точно так же придется с большой осторожностью высказать и выслушать нечто очень странное и необычное. Поэтому я не без страха скажу свое слово; все же, собравшись с духом, я не отступлю.

Клиний. О чем ты говоришь, чужестранец?

Афинянин. Во всех государствах, утверждаю я, никому неведомо, что характер игр в высшей степени влияет на установление законов в том смысле, будут ли установленные законы прочными, или не будут. Если игры установлены так, что одни и те же лица принимают участие в одних и тех же играх, точно
B так же соблюдая при этом одни и те же правила и радуясь одним и тем же забавам, то все это позволяет пребывать незыблемыми также и серьезным узаконениям. Если же молодежь колеблет это единообразие игр, вводит новшества, постоянно прибегает к разным изменениям и не одно и то же всегда считает себе любезным, не согласна сама с собой относительно своего внешнего телесного облика и остального убора, не признаéт раз навсегда установленных правил о том, что́ благообразно и что̀ безобразно, но относится с чрезвычайным почте-
C нием к тому человеку, кто вечно вводит какие-нибудь совре-

менные новшества, вносит нечто иное, непривычное, во внешний облик, в цвета и во все тому подобное, — то мы вполне в праве сказать, что для государства нет ничего более гибельного, чем все это. В самом деле, все это незаметно изменяет нравы молодежи и заставляет ее бесчестить старое и почитать только новое. Я снова повторяю: для всех государств нет большего наказания, как такой взгляд или мнение. Выслушайте, насколько, по моему мнению, велико это зло.

Клиний. Ты говоришь о презрении к старине в государ- D
ствах?

Афинянин. Да, именно об этом.

Клиний. В таком случае, мы будем не невнимательными, но в высшей степени сочувствующими слушателями этой твоей речи.

Афинянин. Естественно.

Клиний. Только бы ты продолжал.

Афинянин. Так давайте, скажем друг другу, что сейчас нам надо быть в особенности внимательными. В самом деле, мы найдем, что изменение во всем, за исключением злых бедствий, является самым ненадежным: и в смене всех времен года, и
в ветрах, и в укладе телесной жизни, и в характере, словом — E
изменение не только в чем-либо одном, а в другом нет, — но решительно во всем, за исключением только, как я сейчас сказал, злых бедствий. Если обратить внимание на тело, то можно заметить, как оно привыкает к разной еде, разным напиткам, к трудам. Сперва все это вызывает расстройство, но затем, с течением времени, из всего этого возникает соответствующая им плоть; тело ознакомляется, свыкается с этим укладом жизни,
любит его, испытывает наслаждение, здоровеет и чувствует себя 798
превосходно. И если такое тело будет вынуждено когда-нибудь снова изменить тот или иной полюбившийся ему уклад жизни, то в начале оно испытывает болезненное расстройство и с трудом восстанавливается, когда снова привыкнет к этому питанию. Надо полагать, что то же самое бывает и с образом мыслей и душевною природой людей. Те законы, которыми они были вскормлены, стали, в течение долгого промежутка времени, не-
поколебимыми, вследствие какой-то божественной счастливой B
случайности, так что никто не помнит, да и не слышал, чтобы с законами дело обстояло когда-либо иначе, чем теперь; всякая

душа благоговейно боится поколебать что-либо из установленных тогда законов. Так вот законодателю и надо, так или иначе, придумать средство, чтобы в его государстве каким-нибудь образом было осуществлено именно это. Я лично усматриваю это средство вот в чем: изменения в играх молодежи все люди считают, как мы раньше указывали, действительно игрой, в высшей
C степени не серьезной и не влекущей за собой никакого вреда, так что они не отвращают молодежи от этого, но снисходительно сами следуют за ней. Здесь не принимают в расчет следующего: те дети, что̀ вводят новшества в свои игры, неизбежно станут взрослыми и иными людьми, чем дети, бывшие до них; а раз они стали иными, они будут стремиться к иной жизни и, при этом своем стремлении, пожелают иных обыкновений и законов. Никто из них не боится, что, вслед за этим, для государства наступит величайшее бедствие, о котором сейчас и идет речь.
D Правда, иные изменения, поскольку они касаются лишь внешнего облика, произвели бы меньше бед. Но если это касается изменений в нравах, когда нередко начинают хвалить то, что̀ порицали, и порицать то, что̀ хвалили, то, думаю я, к этому более, чем к чему другому, надо было бы отнестись с наивеличайшей осмотрительностью.

Клиний. Как же иначе!

8

Афинянин. Так что же? Убеждены ли мы и до сих пор в том, что̀ утверждали раньше, т. е., что все относящееся к ритмам и вообще ко всякому мусическому искусству, является воспроизведением человеческих характеров, как лучших, так и худ-
E ших? Или как?

Клиний. Да именно так; по крайней мере, таково наше мнение.

Афинянин. Следовательно, мы утверждаем, что надо найти всяческие средства, чтобы дети у нас не стремились в плясках или в напевах к другим воспроизведениям и чтобы никто их не побудил к тому соблазном разных наслаждений.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Есть ли у кого-нибудь из нас лучший прием в этой области, чем у египтян? 799

Клиний. О каком приеме ты говоришь?

Афинянин. Он заключается в том, чтобы всякую пляску, всякое пение сделать священными. Для этого сперва были установлены празднества, расчисленные на год, именно: какие празднества и в какое время надо справлять и в честь каких богов, детей их и демонов; затем, какое песнопение надо воспевать при каждом жертвоприношении богам, какой хороводной пляской надо тогда почтить жертвоприношение. Сперва были установлены любые; но раз уже они установились, то все граждане со- B
обща совершают жертвоприношение Мойрам и всем остальным богам, во время возлияния освящают каждое песнопение в честь каждого из богов и из остальных высших существ[21]. Если же, вопреки этому, кто-нибудь станет вводить другие гимны или хороводные пляски в честь кого-либо из богов, то его удерживают жрецы и жрицы, вместе с законохранителями, следуя благочестию и закону. Если же удерживаемый не удержится добровольно, то всякий желающий может привлечь его, в течение всей его жизни, к суду за нечестие.

Клиний. Правильно.

Афинянин. В этом месте нашей беседы, нам придется испы- C
тать то, что̀ свойственно нашим летам.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Всякий юноша, — не говорю уже о стариках, — увидев или услышав что-либо редкостное и вовсе непривычное, никогда не уступит в спорном вопросе и не кинется так-таки сразу, но остановится, очутившись точно на распутьи. Один ли он совершает свой путь или с другими людьми, но раз он не D
слишком хорошо знает дорогу, то он станет спрашивать и самого себя и других о том, что́ его затрудняет, и двинется дальше не прежде, чем исследует основательно свой путь и то, куда он ведет. В настоящем случае нам надо поступить точно так же. Раз нам сейчас встретилось странное утверждение относительно законов, то необходимо нам произвести всяческое исследование, а не так-таки попросту высказаться по столь важному вопросу, точно мы можем сразу утверждать что-нибудь с полной ясностью: ведь наши годы уже не таковы.

Клиний. Совершенно верно.

E Афинянин. Предоставим это времени; мы обоснуем этот вопрос тогда, когда достаточно его рассмотрим. А чтобы понапрасну не помешать последовательности законов, которые нам теперь предстоит завершить, мы продолжим до конца наше рассмотрение законов. Очень возможно, если только угодно богу, что это наше рассмотрение в целом, когда оно будет окончено, достаточно разъяснит и это нынешнее затруднение.

Клиний. Ты говоришь превосходно, чужестранец; мы поступим так, как ты сказал.

Афинянин. Так вот мы и говорим: пусть будет принято это странное утверждение, что у нас песнопения станут законами. Повидимому, как-нибудь так древние называли то, что̀ исполняется певцом под сопровождение кифары [22]. Очень возможно, что
800 и древние не так уже были далеки от нашего нынешнего утверждения, но кто-нибудь и тогда во сне или же на яву, пробудившись в пророческой грезе, предугадал его. Итак, наше постановление по этому вопросу пусть будет следующим: никто не должен петь или плясать вопреки священным общенародным песням и всем в совокупности хороводным пляскам молодежи. Этого надо остерегаться еще более, чем нарушений любого другого закона. Кто это соблюдает, остается безнаказанным; ослушника же на-
B казывают, как было сейчас сказано, законохранители, жрецы и жрицы. Пусть так будет постановлено в нашей нынешней беседе.

Клиний. Пусть будет постановлено.

9

Афинянин. Каким же образом установить этот закон, чтобы не возбудить слишком сильных насмешек? По этому поводу обратим внимание на следующее: самое безопасное — сперва создать эти законы лишь словесно, сделать как бы пробный с них оттиск. Я имею в виду один из этих оттисков в таком приблизительно роде: если, допустим, после согласного с законами жертвоприношения и сожжения жертвенных животных, чей-нибудь
C сын или брат, по собственному почину, станет подле алтаря и

жертвы и начнет всячески злословить, то неужели, спросим мы, эти его речи не породят уныния в его отце и в остальных родственниках и не явятся дурным предзнаменованием и предвещанием?

Клиний. Так что же?

Афинянин. Между тем это у нас случается, так сказать,
чуть что ни во всех государствах. Когда какая-нибудь правитель-
ственная должность совершает от лица государства какое-либо
жертвоприношение, то, вслед за этим, является туда хор, ста-
новится недалеко от алтаря, а иной раз подле него самого, и D
начинает изливать всяческое злословие на священнодействие,
смущает души слушателей своими словами, ритмами и плачев-
нейшими гармониями; и кто больше всего вызывает слез у госу-
дарства, только что совершившего жертвоприношения, тот полу-
чает победную награду. Неужели мы не забракуем этого обычая?
Если уже когда граждане и должны выслушивать подобные вопли,
например, в дни несчастливые, нечистые [23], то тогда следовало бы
для этого выступать скорее каким-нибудь иноземным хорам, со- E
стоящим из нанятых певцов, подобно тому, как на похоронах
нанятые люди сопровождают покойника Карийской Музой [24];
нечто подобное приличествовало бы осуществить и при упомя-
нутых песнопениях. Погребальным песнопениям подобали бы не
венки и не позолоченные уборы, но длинное одеяние [25]. Чтобы
как можно скорее покончить с этим, скажу, что здесь все должно
быть как раз наоборот. Нам же самим я снова задам следую-
щий вопрос: угодно ли нам установить сперва этот один вид
оттиска для песнопений?

Клиний. В чем именно он состоит?

Афинянин. В благословии [26]. Пусть у нас род песнопений 801
будет всячески и во всех отношениях благословным. Нужно ли
еще говорить об этом, или можно прямо считать это установленным?

Клиний. Разумеется, считай это установленным. Ведь этот закон имеет за себя все голоса.

Афинянин. Что же является вторым законом мусического искусства, вслед за благословием? Не молитвы ли тем богам, кому мы каждый раз приносим жертвы?

Клиний. Да, так.

Афинянин. А третьим законом, думаю, будет вот какой: поэты должны знать, что молитвы к богам это — просьбы;
B поэтому они должны обратить все свое внимание на то, чтобы не просить нечаянно, под видом добра, зла. Смешное создалось бы положение, думаю я, если бы исполнилась подобная молитва!

Клиний. Так что же?

Афинянин. Немного ранее в нашей беседе мы пришли к убеждению, что в государстве не должно быть обиталища для серебряного и золотого богатства[27].

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Почему мы в нашей речи привели этот пример? Не потому ли, что не весь род поэтов способен вполне отли-
C чать благо от его противоположности. Поэтому, если какой поэт в своем произведении, в словах или в напеве, погрешит в этом отношении, то такие молитвы будут неправильны; а это заставит наших граждан в самых важных делах молиться не о том, о чем следует. Как мы говорили, немного можно найти погрешностей бóльших, чем эта. Установим же и это правило, как один из образцов и законов, касающихся музы.

Клиний. Что именно? скажи нам яснее.

D Афинянин. Поэт не должен творить ничего вопреки государственным узаконениям, вопреки справедливости, красоте и благу; свои творения он не должен показывать никому из частных лиц, прежде чем не покажет их судьям, для того поставленным, и законохранителям и не получит их одобрения. У нас уже почти что имеются лица, поставленные для этого, именно: выбранные нами законодатели в области мусического искусства и попечитель о воспитании. Так что же? Я повторяю свой вопрос не в первый раз: установить ли нам это, как третий закон, образец и оттиск? Как вам кажется?

Клиний. Установим; почему нет?

10

Афинянин. Далее вполне правильно было бы воспевать
E гимны богам и хвалебные песни, соединенные с молитвами, и

точно так же, вслед за богами, обращаться с подобающими молитвами и хвалебными песнопениями к демонам и героям.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. После этого сразу можно установить закон, который не встретит возражений: следовало бы почитать хвалебными песнями тех из окончивших свою жизнь граждан, кто, телесно или духовно, совершил прекрасные, трудные дела и был послушен законам.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Небезопасно почитать хвалебными песнями и 802
гимнами людей еще живущих, пока они не завершат прекрасным окончанием всего течения своей жизни. Все это у нас будет одинаково касаться как мужчин, так и женщин, которые выкажут свою добродетель.

Песнопения же и пляски надо устанавливать так. В мусическом искусстве есть много прекрасных древних произведений древних поэтов, а для тела точно так же есть много плясок. Ничто не мешает выбрать из них то, что́ подобает и подходит
учреждаемому государственному строю. В оценщики будут из- B
браны лица, не моложе пятидесяти лет; они произведут выбор из древних произведений; они допустят те, которые окажутся надлежащими; вовсе неподходящие произведения они совершенно откинут; произведения, имеющие недостатки, они подвергнут многократному исправлению [28]. Для этого они привлекут поэтов и музыкантов, используя их творческое дарование; при этом они
не будут считаться с их вкусами и страстями — разве лишь в не- C
многих случаях,—но как можно более истолкуют им намерения законодателя и, в духе этих намерений, составят пляски, песнопения и все относящееся к хороводам. То занятие Музами, где беспорядок заменен порядком, всегда бесконечно лучше, даже если здесь и отсутствует сладостная Муза. А приятность есть общее свойство всех Муз. Человек, с детства вплоть до зре-
лого и разумного возраста сжившийся с здравомысленной и упо- D
рядоченной Музой, услышав противоположную ей Музу, испытывает к ней ненависть и признаѐт ее неблагородной; кто же воспитался на Музе обыкновенной и сладостной, тот говорит, что противоположная ей Муза холодна и неприятна. Поэтому, как и было сейчас сказано, в смысле приятности или неприят-

ности ни одна из них ничуть не превосходит другую. Зато одна из них чрезвычайно улучшает людей, на ней воспитавшихся, а другая ухудшает.

Клиний. Это ты хорошо сказал.

Афинянин. Далее надо было бы определить характер, отличающий от мужских песнопений те песнопения, что̀ подобают женщинам. Необходимо для них установить подходящие гармо-
E нии и ритмы. Нехорошо, если напев идет в разрез с гармонией в ее целом, если нарушается ритмичность, и ничто в песнях не соблюдено надлежащим образом. Необходимо и здесь установить законом определенные схемы. И мужескому и женскому полу необходимо предоставить произведения, содержащие в себе оба эти элемента, т. е. гармонию и ритм; но при этом женщинам надо предоставить то, что́ соответствует именно этому природному различию полов. А это-то и надо выяснить. Следует признать, что величественное и побуждающее к мужеству имеет мужской облик, склоняющееся же к благопристойности и скромности более родственно женщинам; поэтому и было бы разумно предоставить его им путем закона. Приблизительно таково будет это распределение.

803 Затем надо поговорить о преподавании всего этого и об обучении: каким образом, кому и в какое время надо все это делать. Подобно тому, как кораблестроитель, набрасывая основу постройки, очерчивает схему киля судна, так же точно, кажется мне, поступаю и я в своих попытках установить схемы образов жизни. При своем наброске я основываюсь на душевных свойствах; они, действительно, составляют их киль. Я надлежащим образом считаюсь с тем, при помощи каких средств и каких способов мы всего лучше проведем жизнь в течение того плавания,
B каким является наше существование. Правда, человеческие дела не заслуживают особых забот; но все же необходимо о них заботиться, хотя счастья в этом и нет. Раз мы очутились в таком положении, было бы, пожалуй, целесообразно так или иначе выполнить наше задание подобающим образом. Впрочем, о чем это я говорю? Кто-нибудь мог бы правильно прервать меня таким вопросом.

C Клиний. Это верно.

Афинянин. Я утверждаю, что о серьезном надо заботиться

серьезно, а о несерьезном — не надо. По природе, божество достойно всяческой блаженной заботы, а человек, как мы сказали выше, какая-то придуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим назначением человека. Надо следовать этому образу; поэтому всякий мужчина и женщина пусть проводит свою жизнь, играя наипрекраснейшие игры, хотя такой взгляд и противоречит тому, что́ теперь принято.

Клиний. То есть? D

Афинянин. Теперь думают, что серьезные заботы должны существовать ради игр. Так считают, что серьезные вопросы, связанные с войной, надо хорошо упорядочить ради мира. А ведь то, что̀ бывает на войне, по своей природе, вовсе не является ни игрой, ни воспитательным средством, достойным нашего упоминания, — и сейчас не является и впредь не будет таким. А мы-то говорим, будто для нас это самое серьезное. Именно в мире должен каждый как можно более и как можно лучше провести свою жизнь. Итак, в чем же заключается правильный взгляд? Надо жить, играя. Что же это за игра[29]? Жертво- E
приношения, песнопения, пляски, чтобы быть в состоянии снискать милость богов к себе, а врагов отразить и победить в битвах. Но какими песнями и плясками можно осуществить и то и другое? Образцы этого были указаны, и проложены как бы пути, по которым надо итти, если считать, что и поэт был прав, говоря:

„Многое сам, Телемак, ты своим угадаешь рассудком; 804
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли-ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан“...
[Одисс. III, 26].

Точно так же должны мыслить и наши питомцы, полагая, что им уже отчасти даны достаточные указания о жертвоприношениях и хороводных плясках, отчасти же и демон и бог внушит им, B
в честь кого именно и в какое время надо их совершать, чтобы в играх снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы; ведь люди в большей своей части куклы и лишь чуть-чуть причастны истине.

Мегилл. Ты совершенно принижаешь наш человеческий род, чужестранец!

Афинянин. Не удивляйся, Мегилл, прости меня! Я взирал
на бога и под этим впечатлением сказал сейчас свои слова. Если
тебе угодно, будем считать наш род не презренным, но достой-
C ным серьезного попечения.

11

Далее речь будет итти о постройке гимнасий и, вместе с тем,
общественных училищ в трех местах посредине города; затем об
устроении, опять-таки в трех местах, но уже вне города, в окрест-
ностях, манежей и плацов, хорошо приспособленных для стрельбы
из лука и остальных упражнений в метании. Они будут устроены
для обучения и, вместе с тем, для упражнения молодежи. Если
тогда об этом было сказано недостаточно, то пусть теперь не
только будет сказано, но и постановлено законом. Во всех этих
училищах, наемные учителя, из числа оседлых чужестранцев,
D будут обучать всем военным наукам и мусическому искусству
приходящих учеников; при этом не только тот будет посещать
училище чей отец этого хочет — а чей не хочет, так тот будто бы
может отстраниться от воспитания — но, как говорится, и стар
и млад должны, по мере сил, непременно получить образование:
ведь дети принадлежат более государству, чем своим родителям.
Все это мой закон предписал бы одинаково и для женщин, так же
как для мужчин: и женщины должны упражняться равным обра-
E зом. Я ничуть не побоялся бы утверждать так и о верховой
езде и о гимнастическом искусстве; разве это подобает только
мужчинам, а женщинам нет? Я убеждаюсь в этом, слыша древ-
ние предания; я, говоря коротко, знаю, что и теперь есть бес-
численное множество женщин в области Понта — их называют
савроматидами[30], которые равным образом и сообща с мужчи-
нами упражняются в установленной стрельбе из лука, в употре-
805 блении прочего оружия, а не только в верховой езде. Сверх
того, у меня есть еще вот какие соображения по этому поводу:
я утверждаю, что коль скоро это вообще возможно, то в высшей
степени неразумно поступают теперь в наших местах, когда не
приучаются к этому все, изо всех сил, единодушно и одинаково,
как мужчины, так и женщины. Чуть что ни всякое государство

является и становится таким образом половинным, вместо того,
чтобы быть вдвое бо́льшим, благодаря тожеству целей и тягот. B
Конечно, это странная погрешность со стороны законодателя.

Клиний. Кажется, так. Впрочем, чужестранец, очень многое
из высказываемого нами теперь противоречит обычному типу
государственного устройства. Ты сказал, что надо предоставить
нашей беседе хорошо развиться, а затем, когда она разовьется,
надо будет выбрать из нее то, что́ будет признано хорошим.
Твои слова были очень складны; а теперь ты заставил меня C
упрекать самого себя за эти мои слова. Так говори же дальше
все, что́ тебе по сердцу!

12

Афинянин. Мне лично, Клиний, по сердцу то, о чем я говорил и раньше, именно: если возможность осуществления моего замысла недостаточно обоснована на деле, то, пожалуй, найдутся возражения против моего плана. Но сейчас тому, кто вовсе не принимает этого закона, надо поискать чего-либо другого. А при этих условиях не погашается наше желание, утверждающее, что женский пол должен у нас, наравне с мужским, принимать участие в образовании и во всем остальном. В самом
деле, мы должны в этом вопросе мыслить, примерно, так: скажи, D
если женщины не участвуют сообща с мужчинами во всяческих
проявлениях жизни, то, не правда ли, для них надо установить
какой-нибудь иной распорядок?

Клиний. Это необходимо.

Афинянин. Какой же образ жизни из числа вышеуказанных
нами сейчас установим мы для женщин, раз мы теперь предписываем им это участие наравне с мужчинами? Тот ли, что́ у E
фракийцев и у многих других племен, которые пользуются женщинами для земледелия, скотоводства, овцеводства, для домашних услуг — словом не делают никакого различия между ними и рабами? Или тот, что́ у всех нас и у жителей той местности?[31] У нас теперь дело обстоит так: все наше, так называемое, имущество мы сносим в какое-нибудь одно жилище и вручаем его женщинам; они распоряжаются им, руководят тканьем и пряжею

шерсти. Лаконские же порядки, Мегилл, занимают, не правда ли,
806 середину между этими двумя крайностями. Девушки должны участвовать в гимнасиях, а вместе с тем и в мусическом искусстве. Женщины же, хотя и не трудятся над пряжею шерсти, должны плести жизнь, полную упражнений, никоим образом не ничтожную или малоценную; и здесь опять-таки они занимают какую-то средину в попечениях о хозяйстве и о воспитании детей; но в военном деле они не участвуют. Поэтому, в случае необходимости сражаться за государство и за детей, они не
B могут применять лук, как это делают амазонки; не искусны они и в других метательных орудиях; они не умеют, взявши щит и копье, подражать богине, чтобы благородно противостать разгрому своей родины или, по меньшей мере, хотя бы навести страх на врагов своим появлением в каком-нибудь отряде. Раз они ведут такой образ жизни, то, конечно, они вовсе не осмелятся подражать савроматидам: ведь женщины савроматов, по сравнению с женщинами вообще, показались бы мужчинами.
C Итак, пусть, кто хочет, хвалит ваших законодателей. Я же высказал бы свое мнение попрежнему: законодатель должен быть последовательным до конца, а не останавливаться на полдороге. Поэтому он не должен допускать, чтобы женский пол предавался неге, расточительности и беспорядочному образу жизни; ведь законодатель, до конца позаботившись лишь о мужском поле, тем самым оставляет государству, пожалуй, только половину счастливой жизни вместо двойной.

Мегилл. Как нам поступить, Клиний? Позволить ли нам этому чужестранцу делать подобный набег на Спарту?

D Клиний. Да, придется позволить, раз уже ему предоставлена полная свобода слова, пока мы не разберем законов достаточно и со всех сторон.

Мегилл. Ты прав.

13

Афинянин. Таким образом, пожалуй, уже мое дело попытаться выяснить и дальнейшее.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Какой же образ жизни станут вести люди, ко-
торые снабжены всем необходимым в должной мере? Ремесла
там поручены другим; земледелие передано рабам, собирающим E
с земли жатву, достаточную для приличной жизни людей; там
устроены сисситии отдельно для мужчин, и невдалеке для их
домочадцев, как для детей женского пола, так и для их матерей.
Там правителям и правительницам предписано ежедневно надзи-
рать и смотреть за поведением столующихся и затем распускать
эти собрания, причем правитель и все остальные совершают воз- 807
лияния богам, которым посвящена тогдашняя ночь или день; и
так-то все отправляются по домам. Неужели не осталось уже ни
одного необходимого и вполне подобающего дела для людей,
соблюдающих этот распорядок? Или каждый из них должен
лишь жить, жирея на подобие скота? Нет, утверждаем мы, это
несправедливо и непрекрасно, да и невозможно, чтобы живущего
так не постигло то, что̀ подобает. А подобает, чтобы праздное
и беспечно разжиревшее живое существо стало, пожалуй, до-
бычей другого существа, сильно закаленного в мужестве и в тру- B
дах. Если мы станем достаточно тщательно — как это мы теперь
и делаем — производить наши разыскания, то, возможно, этого
и не случится до тех пор, пока каждый из нас будет иметь свою
собственную жену, детей, жилища и будет обладать вообще
частной собственностью. Далее если, в свою очередь, осуще-
ствится менее совершенное — о чем сейчас и идет речь, — то,
при его осуществлении, вполне будет соблюдена надлежащая
мера[32]. Мы утверждаем, что людям, живущим так, остается дело C
в высшей степени не маловажное и не ничтожное, но наиболее
великое из всего предписываемого справедливыми законами.
В самом деле, раз у домогающихся победы на Пифийских или
Олимпийских играх уже совершенно нет досуга заниматься всеми
остальными житейскими делами, то вдвое, или еще более того,
преисполняется недосугом тот, кто проводит свою жизнь в за-
ботах о всяческой добродетели, телесной и душевной, как это и
было вполне правильно указано. Поэтому, никакое побочное
занятие не должно служить препятствием для остальных дел, D
способных дать телу воспитание и выносливость в трудах,
душе же знания и навыки. Кто станет осуществлять именно
это, т. е. будет стараться овладеть достаточным совершенством

души и тела, тому, пожалуй, не хватит для этого всех ночей и дней.

Раз дело обстоит так от природы, то для всех свободорожденных людей надо установить порядок их поведения в течение
E всего времени дня; начать надо чуть ли ни с утра и без перерыва вплоть до следующего утра, т. е. до восхода солнца. Показалось бы некрасивым, если бы законодатель стал говорить о многих мелочах, часто повторяющихся в домашнем быту вообще, а в частности о ночном бдении, подобающем для тех лиц, что̀ намерены тщательно и до конца стоять на страже государства. Впрочем, все должны считать позорным и недостойным свободорожденного человека, если и гражданин предается сну в течение
808 всей ночи целиком и не показывает своим домочадцам, что он всегда пробуждается и встает первым. Следует ли это назвать законом или же обыкновением, — безразлично. Точно так же, если хозяйка дома заставляет служанок будить себя, а не сама будит всех остальных, то раб, рабыня, слуга и — если только это возможно — весь дом целиком должен говорить между собою об этом, как о чем-то позорном. Всем надо пробуждаться ночью и заниматься множеством отдельных государственных или же хозяйственных вопросов — правителям в государстве, хозяйкам и
B хозяевам—в своих собственных домах. Долгий сон, по природе, не подходит ни для нашего тела, ни для души, ни, в свою очередь, для деятельности телесной и душевной. В самом деле: всякий спящий ни на что не годен; он ничуть не лучше мертвого. А кто из нас всего более заботится о разумной жизни, тот пусть бодрствует возможно долгое время, однако, соблюдая то, что̀ полезно
C для его здоровья. Если это войдет в привычку, то сон будет недолог. Правители, бодрствующие ночью в государствах, страшны для людей злых — врагов и граждан, любезны и почтенны для людей справедливых и здравомыслящих, полезны и самим себе и всему государству.

14

Ночь, проведенная подобным образом, кроме всего вышеуказанного, внедрила бы еще и мужество в душу каждого обита-
D теля государства. Утром, на рассвете, дети должны отправляться

к учителям. Без пастыря не могут жить ни овцы, ни что другое; так и дети не могут обойтись без каких-нибудь руководителей, а рабы — без господ. Но ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем больше у ребенка не направлен в надлежащее русло источник его разумности, тем более ребенок становится шаловливым, резвым и даже самым дерзким из живых существ. Поэтому его надо как бы обуздывать многими средствами, прежде всего тогда, когда он из рук E
кормилицы и матери поступает, для ребяческих забав, на попечение руководителя, а затем и учителя разных предметов и наук, подобающих свободорожденному человеку. Если же ребенок принадлежит к классу рабов, то первый встречный из свободорожденных людей пусть наказывает как самого ребенка, так и его пестуна или учителя, если кто из них погрешит в чем-либо этом. Если же такой первый встречный не наложит справедливого наказания, то пусть его постигнет прежде всего величайшее 809
осрамление, а затем пусть тот из законохранителей, кто был выбран на должность попечителя о детях, смотрит за этим первым встречным, о котором идет речь, раз он не наказал, хотя и был должен это сделать, или же наказал, но не так, как следует. Этот законохранитель у нас должен быть зорким; он должен чрезвычайно заботиться о воспитании детей, исправлять их природные свойства и постоянно направлять их к благу, согласно законам.

Но, опять-таки, каким образом у нас сам закон достаточно воспитает самого этого законохранителя? Ведь сейчас ни о чем не было сказано достаточно ясно; кое о чем шла речь, о прочем — нет. Между тем, этому закону не следует опускать, по B
возможности, ничего; надо растолковать каждое слово закона, чтобы этот закон служил показателем и воспитателем для остальных. Относительно хореи, песен и плясок уже было сказано, т. е. о том, какой характер они должны носить, как их надо выбирать, исправлять и освящать. Но мы еще не сказали о том, какие именно письменные, хотя и не стихотворные, произведения используешь ты, наилучший из попечителей о детях, для занятий со своими воспитанниками, и каким именно образом станешь ты C
это делать. Впрочем, относительно военного дела ты уже знаешь из нашей беседы, что̀ именно должны изучать воспитанники и

в чем они должны упражняться. Что же касается, во-первых, грамоты, затем лиры и счета—а мы сказали, что каждый должен владеть этими знаниями, по крайней мере, поскольку они применяются в военном деле, в домоводстве и в государственном правлении,—а также сверх того, что касается полезных сведений об обращении божественных светил, звезд, солнца и луны, поскольку всякому государству необходимо иметь установления об этом, то—но о чем же собственно у нас сейчас идет речь? О рас-
D порядке дней в зависимости от обращения месячных фаз луны, о распорядке месяцев на каждый год, чтобы все времена года, жертвоприношения и празднества получили то, что̀ каждому из них подобает по природе; чтобы они животворили и будили государство; чтобы они воздавали богам почет, а людей делали более разумными в этом отношении,—все это, друг мой, еще недостаточно для тебя изложено законодателем. Так обрати же
E внимание на то, о чем далее будет речь! Мы сказали, что у тебя, прежде всего, нет достаточных указаний относительно грамоты. Что же именно ставим мы в упрек нашему изложению? Вот что: тебе не было указано, должен ли намеревающийся стать хорошим гражданином вдаваться в подробности этой науки, или он может совершенно к ней не приступать. То же самое и относительно лиры. Итак, мы утверждаем теперь, что он должен учиться этой науке. Ребенок, начиная с десятилетнего возраста, должен
810 обучаться грамоте в течение приблизительно лет трех; тринадцатилетний возраст будет подходящим для начала обучения игре на лире; это обучение займет еще три года. Но ни отцу ребенка, ни самому ребенку—любит ли он ученье или ненавидит его—не разрешается ни увеличивать ни уменьшать этого срока; не разрешается заниматься этим делом больше или меньше вопреки законам. Ослушник пусть будет лишен права на те почести за воспитанность, о которых придется говорить немного далее. Но чему должна молодежь обучаться в течение этого промежутка
B времени? В свою очередь, чему должны учить учителя? Это-то вот и надо прежде всего усвоить тебе самому. Над грамотой предстоит ребенку потрудиться до тех пор, пока он не сможет писать и читать. Что касается при этом скорости или же красоты, то не надо настаивать, если природа ребенка не способствует этому в течение установленных для обучения лет. Что же

касается изучения не соединенных с игрою на лире поэтических произведений, закрепленных письменно, частью в стихах, частью же без ритмических долей,—т. е., просто так называемая запись нашей речи, лишенная ритма и гармонии, — то C
многими опасными людьми оставлены нам опасные писания. Как используете их вы, лучшие из законохранителей? Или: чем именно пользоваться предпишет законодатель и при каких условиях его предписание было бы правильно? Я предвижу, что законодатель будет в большом затруднении.

Клиний. В чем дело, чужестранец? Кажется, ты находишься, действительно, в затруднении и говоришь сам с собой?

Афинянин. Хорошо, что ты меня прервал, Клиний. Вы также сообща участвуете в установлении законов; поэтому перед вами и надо изложить, что̀ мне кажется легко осуществимым и что̀ нет.

Клиний. Так что же? Под впечатлением чего ты говоришь? D

Афинянин. Ну, так и быть, скажу: вовсе нелегко высказывать то, что̀ противоречит нередко тысячам уст.

Клиний. Но как же? Разве высказанное нами ранее о законах, по твоему, мало или чуть-чуть противоречит мнению большинства?

Афинянин. В этом ты совершенно прав. Ты побуждаешь меня, как мне кажется, следовать по тому же самому пути, ставшему ненавистным для многих, впрочем любезному для, быть может, не меньшего числа людей, — а если и для меньшего, то, стало быть, по крайней мере не для худших людей, — ты побуждаешь меня итти вместе с ними, презирая опасности, и смело не отступать в нашем законодательстве от того пути, что̀ наме- E
чен нами теперь в этой нашей беседе.

Клиний. Конечно.

15

Афинянин. Итак, я не отступлю. Я говорю, что у нас есть очень много поэтов, пользующихся в своих произведениях гекзаметром, триметром и всякими вообще, так называемыми, размерами; одни из них творят всерьез, другие — чтобы рассмешить. Нередко тысячи людей утверждают, что именно произведениями

этих поэтов и следует вскармливать и насыщать получающую надлежащее воспитание молодежь, чтобы путем чтения она услы-
811 шала о многом, знала и усвоила многое; чтобы она знала наизусть целых поэтов. Другие избирают из всех поэтов самое главное, составляют сборники изречений, утверждая, что именно это должен запомнить и выучить наизусть всякий, кто хочет у нас стать хорошим и мудрым благодаря большой опытности и большим знаниям. Так вот, ты и побуждаешь меня откровенно высказаться, в чем все они правы и в чем — нет?

Клиний. Да, именно так.

Афинянин. Что же сказать мне, чтобы одним словом доста-
B точно ответить на все эти вопросы? Я думаю, пожалуй, вот что — в этом и всякий со мной согласится: каждый из этих поэтов высказал много прекрасного, но много и противоположного; а раз дело обстоит так, то, утверждаю я, большие знания в этой области грозят детям опасностью.

Клиний. Так что же посоветовал бы ты законохранителю?

Афинянин. О чем ты говоришь?

C Клиний. На что должен взирать законохранитель, как на образец? Что̀ должен он предоставить для изучения всей молодежи, а что̀ запретить? Скажи, нимало не медля.

Афинянин. Друг мой, Клиний, мне выпала, кажется, в некотором роде удача.

Клиний. В чем именно?

Афинянин. В том, что я не совсем лишен такого образца. Сейчас, оглядываясь на беседу, которую мы вели с утра и до сих пор, — и, как мне кажется, не без некоторого божественного вдохновения, — я нахожу, что наши речи очень похожи на нечто поэтическое. Быть может, нет ничего удивительного в том состоянии, в том очень радостном чувстве, которое испытываю я,
D взирая на мои собственные речи в целом. В самом деле, из большинства сказанных речей, которые я знаю или которые слышал в стихах или в прозе, из всех них самыми сообразными и наиболее подходящими для слуха молодежи показались бы мне мои речи. Поэтому и для законохранителя или воспитателя я не нашел бы, думаю, лучшего образца, чем именно этот, для обучения
E детей учителями, по моему совету. Если случится, проходя стихотворения поэтов, или сочинения написанные прозой, или же

просто устные, не записанные, произведения, встретить выражение подобных же взглядов, братски родственных нашим суждениям, то никоим образом нельзя этого опускать, но надо записать. Прежде всего надо заставить самих учителей усвоить и одобрить это. Не надо пользоваться сотрудничеством тех учителей, которым это не нравится; кто же одобряет и соглашается, такими надо пользоваться; именно им надо вручить молодежь для обучения и воспитания. На этом я кончу свое слово о грамматистах[34], а также и о грамоте. 812

Клиний. Что же касается нашего задания, то, мне кажется, чужестранец, мы не свернули с пути, намеченного нашей беседой. Удастся ли нам до конца держаться прямо нашего пути, — сейчас, пожалуй, трудно решить.

Афинянин. Это, Клиний, конечно, обнаружится, когда, как мы нередко указывали, мы дойдем до конца в наших изысканиях относительно законов. b

Клиний. Верно.

16

Афинянин. Итак, вслед за грамматистом, нам надо поговорить о кифаристе?

Клиний. Да.

Афинянин. Припомнив наши предшествующие рассуждения, мы, думается мне, уделим кифаристам подобающую часть в обучении и, вместе с тем, и во всяческом воспитании, касающемся этого предмета.

Клиний. О чем именно ты говоришь?

Афинянин. Помнится, мы утверждали, что шестидесятилетние певцы, участники Дионисического хора[35], должны стать чрезвычайно чуткими к ритму и к гармоническим сочетаниям, чтобы в напевных воспроизведениях отличить от дурных хорошие вос- c
произведения душевных состояний. Кто может отличить подобия хорошего состояния души от подобий, воспроизводящих противоположное, тот последние отвергнет, а первые возьмет для своего публичного выступления; станет петь и зачаровывать душу молодежи, побуждая путем этих воспроизведений каждого следовать за собою к стяжанию добродетели.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Итак, ради этого, кифарист и его воспитанник
D должны дополнительно воспользоваться звуками лиры, в виду определенности ее струн, настраивая звуки соответственно звукам; лирное же другогласие и разнообразие, когда струны издают один напев, а автор сочинил другую мелодию; когда производят согласие и противогласие сопоставлением напряженности и разреженности, быстроты и медленности, повышения и понижения; когда точно так же приспособляют пестрое разнообразие
E ритмов к звукам лиры, — все это не приносит пользы при обучении детей, раз им надо быстро, в течение только трех лет, овладеть тем, что́ есть полезного в музыке[36]. В самом деле: противоположности, вносящие взаимную путаницу, создают только трудности для усвоения, а молодежь должна усваивать все как можно лучше. И необходимые науки, предписанные молодежи, не незначительны и не малочисленны, как это со временем покажет дальнейший ход нашего рассуждения. Так вот, пусть у нас воспитатель именно так и озаботится относительно музыки. Что же касается самих напевов и, в свою очередь, слов, каким должны обучать учителя хоров, то и это все у нас уже разобрано
813 выше. Мы сказали, что они должны быть священными; каждые из них должны сообразоваться с определенными празднествами; они должны принести государствам пользу и удачно подобранное наслаждение.

Клиний. Это тоже сказано верно.

Афинянин. Если это вполне верно, то пусть воспримет эти наши указания правитель, выбранный для попечения о музе; и пусть его заботы об этом увенчаются полным успехом. Мы же разберем еще кое-что в дополнение к сказанному раньше о пляске
B и вообще о телесных упражнениях. Подобно тому, как мы разобрали остальные вопросы относительно обучения музыке, точно так же поступим мы и относительно гимнастики. И мальчики и девочки должны обучаться пляске и гимнастическим упражнениям. Не так ли?

Клиний. Да.

Афинянин. Для преподавания было бы более целесообразно, чтобы у мальчиков были учителя пляски, а у девочек — учительницы.

Клиний. Пусть будет так.

Афинянин. Давайте, снова призовем попечителя о детях,
хотя у него и будет очень много дела: ведь он печется как о во-
просах, касающихся музыки, так и о вопросах, касающихся гим- C
настики, так что досуга у него будет мало.

Клиний. Между тем это человек почтенного возраста. Как же
сможет он осуществить свое попечение о столь многом?

17

Афинянин. Очень просто, друг мой. Закон дал и даст ему
право привлекать для этого попечения тех из граждан — мужчин
или женщин, — кого он захочет. Он уже будет знать, кого следует
привлечь; он не захочет оказаться небрежным в этом отноше-
нии, так как он разумно посовестится, понимая значение своей
должности, да и примет в соображение то обстоятельство, что D
у нас все пойдет как следует, если молодежь получила или по-
лучает хорошее воспитание. Если же этого нет, — впрочем, не
стоит договаривать, мы не станем говорить об этом, считаясь
с теми людьми, чтó любят, при возникновении нового государ-
ства, усматривать во всем предзнаменования.

Итак, много уже у нас сказано и об этом, то есть о том, чтó
имеет отношение к пляске и всяческим упражнениям в гимна-
сиях. В самом деле: мы считаем, что гимнасии охватывают также
и преодоление телом всех воинских трудностей, как-то: стрельбы
из лука, всякого рода метания, употребления легкого и различ-
ного тяжелого вооружения, тактических развертываний, уменья E
отправиться в любой поход, уменья разбить лагерь, и тех зна-
ний, чтò касаются кавалерийского дела. Всему этому должны
обучать общественные учителя, состоящие на жалованье у госу-
дарства. Их учениками будут состоящие в государстве мальчики
и мужчины, девочки и женщины — если только эти последние
понимают в этом деле толк, обучившись, еще в девичестве, вся-
ческой пляске в полном вооружении и бòю, по выходе же замуж,
прикоснувшись к тактическим развертываниям, строю, одеванию
и сниманию оружия. Это следует делать, если не ради чего либо
иного, так ради тех случаев, когда всему всенародному ополчению 814

*

приходится, оставив государство, предпринимать походы за его пределы. В этих случаях мальчики и остальные граждане должны быть в состоянии хоть настолько владеть оружием, чтобы стоять на страже государства; да и в обратных случаях — а ведь никак нельзя поручиться, что их не будет, — когда неприятели извне мощно вторгнутся с огромной силой — все равно, варвары ли они или эллины — тогда придется сражаться до конца и уже за самое государство. При этом великим бедствием для государственного
B строя является такое позорное воспитание женщин, что они не желают умереть или претерпеть всяческие опасности ради детей, тогда как птицы это делают, сражаясь за своих детенышей с любым из самых сильных зверей; женщины же тотчас устремляются к святилищам, наполняют все храмы, окружают алтари, распространяя о человеческом роде славу, как о самом трусливом, по своей природе, из всех живых существ.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужестранец, если где случится
C это явление, оно не принесет благообразия государству, не говоря уже о вреде.

Афинянин. Следовательно, мы установили этот закон в следующих пределах: женщины не должны пренебрегать военным делом, но все, как граждане, так и гражданки, должны о нем заботиться.

Клиний. Я, по крайней мере, согласен с этим.

Афинянин. Далее, мы уже кое-что высказали относительно борьбы. Но мы не коснулись того, что̀ я назвал бы самым важным; пра̀вда, не легко высказать это словами, не пользуясь по-
D казательными телодвижениями. Поэтому мы будем судить об этом лишь тогда, когда слово будет сопровождаться действием и выяснится нечто определенное, как относительно остальных сторон вопроса, так и относительно того, что, по нашему мнению, такая борьба значительно более, чем всякие другие движения, является действительно родственной военному бою. В особенности же относительно утверждения, что борьбой надо заниматься ради войны, но не следует изучать военное дело ради борьбы.

Клиний. Это-то верно.

18

Афинянин. Пока ограничимся сказанным о значении борьбы.
Что же касается остальных движений всего тела, — бо́льшую их E
часть правильно было бы назвать своего рода пляской, — то
здесь надо различать два существующих ее вида: первый вос-
производит, для достойной цели, движения более красивых тел;
второй воспроизводит, для низменной цели, движения тел более
безобразных. В свою очередь, низменный род пляски распа-
дается на два вида, да и серьезный род — тоже на два. Из видов
серьезной пляски, один воспроизводит движения красивых тел
и души мужественной на войне или при обстоятельствах, свя-
занных с насильственными трудами, а другой—те движения, когда
здравомысленная душа предается благим делам и умеренным на-
слаждениям. Такую пляску можно, согласно с ее природой, назвать 815
мирной. Воинственную же пляску, противоположную мирной, пра-
вильно было бы назвать военной пляской [37]. Она воспроизводит,
путем уклонений, всяких отступлений, прыжков в высоту или при-
гибаний, как можно осторожно избегнуть ударов и стрел; равным
образом она пытается воспроизводить и противоположные этим
виды движений, употребляемых при наступательных действиях,
то есть при стрельбе из лука, при метании дротика, при нане-
сении различных ударов. Когда совершается воспроизведение B
движения хороших тел и душ, то при этом прямое и напряжен-
ное положение тела с устремлением прямо вперед, как это, по
большей части, бывает, членов тела, является правильным,
обратное же этому положение тела — неправильно [38]. В свою
очередь, при всякой мирной пляске, надо обращать внимание,
правильно ли и не вопреки ли природе берется кто за эту пре-
красную пляску и надлежащим ли образом пребывает он до
конца в хороводах благозаконных мужей. Стало быть, прежде
всего следует отделить сомнительную пляску от пляски, не вы-
зывающей никаких сомнений. Что же это за пляска и по какому C
признаку надо отделить один ее вид от другого? Что касается
вакхической пляски и примыкающих к ней видов пляски, назы-
ваемых плясками нимф, панов, силенов и сатиров, где, как гово-
рят, воспроизводят лиц охмелевших, причем справляют эти пляски
при очищениях и некоторых таинствах, — то нелегко определить,

является ли весь этот вид пляски мирным или воинственным, и
какова его цель. Мне кажется, всего правильнее, пожалуй, будет
определить его следующим образом: отделив этот вид пляски
как от воинственной, так и от мирной пляски, мы скажем, что
D он не имеет отношения к государственной жизни. Поэтому мы и
оставим его на своем месте, а теперь перейдем к воинственной
и мирной пляске, являющейся уже несомненно нашей [39].

Относящееся к невоинственной Музе, когда люди в плясках
почитают богов и детей божьих, составляет, вообще, один род
пляски; он возникает на основе людских представлений о благо-
E получии. Мы разделили бы его на два вида: первый свойствен
людям, избежавшим трудностей и опасностей и достигшим блага;
он дает бо́льшие наслаждения. Второй же вид свойствен людям,
сохраняющим и умножающим предшествующие блага; этот вид
носит в себе более спокойные наслаждения, чем первый. В этих
условиях каждый человек производит телесные движения более
или менее сильные, в зависимости от более или менее сильных
наслаждений. Чем более человек благопристоен и более закален
816 в мужестве, тем меньшие движения он производит; если же он
труслив и не упражнялся в здравомыслии, то его движения из-
меняются больше и сильнее. Вообще, не очень-то может всякий
сохранять спокойное положение своего тела, когда пользуется
своим голосом в пении или речи. Поэтому воспроизведение речи
путем жестов и породило все в совокупности искусство пляски.
Но при всем этом движения у одних из нас совершаются в лад,
а у других невпопад [40]. Если вдуматься, то нельзя не одобрить
B многих других древних названий, прекрасно данных согласно
природе, в том числе и того названия, что́ было дано пляскам
людей благоденствующих, но умеренных в своих наслаждениях.
Как верно и как изящно назвал их тот — кто бы он ни был, —
который с полным основанием дал им всем имя, назвавши их
„скла́дными“ [41]! Он установил два вида прекрасных плясок: пер-
вый, воинственный — „воинская пляска“ [42] и второй — мирный —
C „скла́дная пляска“ [43]; каждому виду он дал подобающее и под-
ходящее название.

Законодатель должен растолковать на примерах характер
этих плясок. Законохранитель же должен их изыскивать, а оты-
скав, соединить пляску с остальным мусическим искусством и

распределить на все праздничные жертвоприношения, соответственно каждому празднеству. Таким образом должен он освятить последовательность всех их, чтобы впредь уже ничего не менять ни в пляске, ни в пении; чтобы одно и то же государство и граждане проводили таким образом время в одних и тех же наслаждениях, оставаясь, сколь возможно, себе подобными, живя хорошо и счастливо. D

19

Итак, мы покончили с разбором вопроса о том, какими должны быть хороводные пляски людей прекрасных телом и благородных душою. Что же касается предназначенного для возбуждения смеха, шуточного воспроизведения в слове, пении и пляске, действий людей безобразных телом и образом мыслей,—то это еще нужно рассмотреть и объяснить.

В самом деле: без смешного нельзя познать серьезного;
вообще противоположное познается с помощью противополож- E
ного, если только человек хочет быть разумным. Зато осуществлять и то и другое невозможно, если, опять-таки, человек хочет быть хоть немного причастным добродетели. Но именно ради этого-то и надо ознакомиться с этими вопросами, чтобы, по неведению, не сделать и не сказать когда чего-нибудь смешного совершенно некстати. Подобные воспроизведения надо предоставить рабам и чужестранным наемникам. Никогда и ни в чем не следует серьезно заниматься этим; свободорожденные люди — женщины или мужчины — не должны обнаруживать своих познаний в этой области. Здесь постоянно должны совершаться все новые и новые воспроизведения. Итак, этот вот закон, в этих именно выражениях, мы и постановим относительно смехотвор-
ных забав, называемых всеми нами комедией. 817

Относительно называемых серьезными творцов трагедий, если кто из них, придя задаст такой вопрос: „Чужестранцы, приходить ли нам в ваше государство и вашу страну или нет? Вносить ли и вводить[44] ли нам произведения нашего творчества? Как вы насчет этого решили“? Какой ответ мы были бы в праве
дать божественным этим людям? Мне кажется такой. Достой- B
нейшие из чужестранцев, мы сказали бы, мы и сами — творцы

трагедии наипрекраснейшей, сколь возможно, и наилучшей. Ведь весь наш государственный строй представляет воспроизведение наипрекраснейшей и наилучшей жизни; мы утверждаем, что это и есть действительно наиболее истинная трагедия. Итак, вы — творцы, мы тоже творцы. Предмет творчества у нас один и тот же. Поэтому мы с вами соперники по искусству и противники по состязанию в прекраснейшем действе. Один только истинный закон может от природы завершить наше дело; на него у нас и
C надежда. Так не ожидайте же, будто мы так-таки легко позволим вам раскинуть у нас на площади шатер и привести сладкогласных артистов[45], заглушающих нас звуками своего голоса; будто мы предоставим вам витийствовать пред детьми, женщинами и всею чернью, высказывать об одних и тех же занятиях не то же самое, что́ говорим мы, но чаще всего и по большей части даже как раз обратное. В самом деле, мы — да и все государство
D в целом, — пожалуй, совершенно сошли бы с ума, если бы предоставили вам возможность делать то, о чем сейчас идет речь; если бы правительственные должности не обсудили предварительно, допустимы ли и пригодны ли ваши творения для провозглашения их во всеуслышание, или нет. Поэтому теперь вы, потомки изнеженных Муз, покажите сначала правителям ваши песнопения, для сравнения с нашими. Если они окажутся одинаковыми по содержанию, или если ваши окажутся даже лучшими, мы вам дадим хор[46]. В противном случае, друзья мои, мы этого не можем сделать.

Итак, относительно хореи и обучения ей, относительно отде-
E ления того, что́ предназначено для рабов, от того, что́ предназначено для господ, пусть будет законами установлены именно эти обычаи, если вы согласны.

Клиний. Как нам теперь с этим не согласиться?!

20

Афинянин. Итак, для свободорожденных людей остаются еще три предмета обучения: счисление и наука о числах составляют один предмет; измерение длины, плоскости и глубины—второй;
818 третий касается движения небесных светил и свойственного их

природе взаимного кругообращения. Трудиться над изучением всего этого до тонкостей большинству людей не надо, а лишь некоторым немногим. Кому же именно — об этом у нас речь впереди, под конец: там это будет уместнее. Однако, правильно говорится, что позорно, если широкие толпы не имеют необходимых сведений в этой области и если большинство людей пребывает в невежестве; вдаваться же в подробные изыскания во всех этих науках нелегко и даже совершенно невозможно. Впрочем, нельзя и отбросить необходимых сведений в этой области.
Но тот, кто первый пустил поговорку о боге, имел, повидимому, B
в виду вот что: оказывается, и бог никогда не борется с необходимостью; здесь, думаю я, речь идет о необходимостях божественных. Если же дело идет о необходимостях человеческих — а ведь именно это имеет в виду большинство людей, высказывая подобное суждение, — то такое утверждение будет самым нелепым из всех.

Клиний. Какие же из необходимостей при обучении являются, чужестранец, не такими, а божественными?

Афинянин. По моему, это те, без осуществления и, в свою очередь, усвоения которых решительно никто не стал бы для
людей богом, демоном или героем и не мог бы ревностно забо- C
титься о людях. Многого не хватало бы человеку, чтобы стать божественным, если бы он не мог распознать, чтò такое единица, чтò такое два, чтò такое три, вообще, чтò такое четное и нечетное; если он вовсе не знает счета; если он не в состоянии расчислить ночь и день; если он не имеет сведений об обращении
луны, солнца и остальных звезд. Поэтому большая глупость ду- D
мать, будто все это не является необходимым предметом обучения для человека, собирающегося обучиться хоть чему-нибудь из самых прекрасных наук. Что же касается того, чему именно из этого, в каком объеме и когда надо обучаться, в какой последовательности, и чтò возможно изучать отдельно от прочего, словом вообще о соединении предметов обучения, — так вот это-то и надо, прежде всего, определить надлежащим образом, чтобы перейти к остальному, руководствуясь, при обучении, именно этими науками. Таким образом вступает в свои природные права
необходимость, с которой, как мы говорим, не борется ныне — E
да и никогда не будет бороться — ни один из богов.

Клиний. Повидимому, чужестранец, сказанные тобою сейчас слова правильны и согласуются с природой.

Афинянин. Так обстоит дело, Клиний. Однако, трудно законодательствовать, когда мы таким образом заранее установили эти положения. Если угодно, мы займемся более подробно этим законодательством в другое время.

Клиний. Кажется, ты, чужестранец, опасаешься нашего обычного невежества в подобных вопросах. Однако, твои опасения неосновательны. Так попытайся же обсудить и это, ничего не скрывая из-за указанных причин.

819 Афинянин. Да, я опасаюсь и того, о чем ты сейчас говоришь; но еще более боюсь я людей, коснувшихся этих наук, но коснувшихся плохо. Полнейшее невежество вовсе не так страшно и не является самым великим злом; а вот многоведение и многознание, плохо направленные, составляют гораздо большее, чем это, наказание.

Клиний. Ты прав.

21

Афинянин. Итак, надо сказать, что свободорожденные люди
B должны обучаться каждый из этих наук в таком объеме, в каком им обучается, наряду с грамотой, великое множество детей в Египте. Прежде всего там нашли простой способ обучения детей счету, применяя при обучении приятные забавы: яблоки или венки делят между бо̀льшим или меньшим количеством людей, причем им соответствуют те же самые числа; устанавливают последовательность выступления кулачных бойцов и борцов; определяют, по жребию, как это обычно бывает, кому с кем
C стать в пару [47]. Есть еще и такая игра: смешивают в одну кучу золотые, бронзовые, серебряные и тому подобные сосуды, затем кто-нибудь распределяет их между участниками игры, причем, как я сказал, в игру входит необходимое ознакомление с числами. Для учащихся это полезно, так как пригодится в походном строю, при маршировке, в походе, даже и в домашнем быту; вообще это заставляет человека приносить более пользы самому
D себе и делает людей более бдительными. Помимо того, путем

измерения длины, ширины и толщины, люди освобождаются от некоего, присущего всем им, природного, смешного и позорного неведения в этой области.

Клиний. О каком неведении ты говоришь?

Афинянан. Друг мой, Клиний, я и сам был поражен, что лишь так поздно узнал то состояние, в котором мы находимся. Мне показалось, что это свойственно не человеку, но скорее каким-то свиньям. Я устыдился не только за самого себя, но и за всех эллинов. E

Клиний. Разъясни, чужестранец, что̀ ты этим хочешь сказать.

Афинянин. Хорошо, скажу. Впрочем, это выяснится, если я тебе буду задавать вопросы, а ты коротко будешь отвечать. Ты знаешь, что такое длина?

Клиний. Да.

Афинянин. Что такое ширина?

Клиний. Конечно, знаю.

Афинянин. А также и то, что это составляет два измерения; третьим же измерением будет глубина?

Клиний. Разумеется, так.

Афинянин. Разве не кажется тебе, что все это соизмеримо одно с другим?

Клиний. Да.

Афинянин. Я думаю, что от природы возможно измерять 820
длину длиной, ширину — шириной, и точно так же и глубину?

Клиний. Вполне.

Афинянин. А если бы оказалось, что кое-что не вполне соизмеримо, или нелегко соизмеримо, а лишь отчасти да, отчастн нет, между тем как ты считаешь все соизмеримым? В каком бы положении, по твоему, очутился ты?

Клиний. Ясно, что в незавидном.

Афинянин. Так что же? Разве не полагаем все мы, эллины, что длина и ширина так или иначе соизмерима с глубиной, или что ширина и длина соизмеримы друг с другом?

Клиний. Да, вполне соизмеримы. B

Афинянин. И вот если опять-таки окажется, что это невозможно никоим образом и ни в каком отношении, между тем как, повторяю, все мы, эллины, полагаем, что это возможно, то разве

это не является достойною причиною устыдиться за всех них? Разве не сто́ит сказать им: лучшие из эллинов, это и есть одна из тех вещей, не знать которых, как мы утверждали, позорно; впрочем, такое знание еще не является чем-то особенно прекрасным, коль скоро оно необходимо.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Кроме этого, есть и другие, родственные этому области, где у нас возникает опять-таки много братски-родственных заблуждений.

C Клиний. Какие именно области?

Афинянин. Те, в которых, сообразно своей природе, возникает взаимно-соизмеримое и взаимно-несоизмеримое. Необходимо иметь в виду и знать их различие; иначе человек будет ни к чему негоден; надо постоянно указывать на это друг другу; таким образом люди проводили бы время гораздо более приятно, чем старики в игре в шашки: ведь старикам подходит, состязаясь в этой игре, коротать свое время.

D Клиний. Возможно. Итак, повидимому, игра в шашки не так далеко отстоит от этих наук?

Афинянин. Поэтому-то, Клиний, я и утверждаю, что молодежь должна этому обучаться. В самом деле: это не приносит вреда и не трудно; обучение, сопряженное с игрой, будет полезно и ничуть не повредит нашему государству. Впрочем, надо выслушать, нет ли каких возражений?

Клиний. Да, надо.

Афинянин. Если обнаружится, что дело обстоит именно так, то ясно, что мы примем это, как предмет обучения; если же обнаружится, что это не так, то они будут отвергнуты.

E Клиний. Ясно. Что же из этого?

Афинянин. Итак, чужестранец, постановим это, так как оно относится к числу тех наук, которые должны быть изучаемы, чтобы не было пробелов в наших законах. Пусть это будет постановлено, как спасительный залог для остального государственного устройства, даже если это и вовсе не нравится ни нам, установителям, ни вам, для кого это установлено?

Клиний. Твое установление справедливо.

22

Афинянин. После этого обсуди, будет ли соответствовать нашим желаниям — или не будет, — чтобы молодежь обучалась указанной науке о звездах?

Клиний. Продолжай.

Афинянин. Тут положение вещей очень странное и совершенно недопустимое.

Клиний. В чем дело?

Афинянин. Мы говорим, будто не следует заниматься сует- 821
ными изысканиями и исследованиями относительно величайшего бога и всего этого мира и относительно причин, так как это, будто бы, нечестиво. Но, повидимому, на самом деле положение вещей как раз совершенно противоположно.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Высказываемый мною взгляд покажется, пожалуй, неожиданным и неподходящим для старика. Однако, если находишь какую-нибудь науку прекрасной, истинной, полезной для государства и вполне любезной богу, то никоим образом
невозможно не высказать этого. B

Клиний. Естественно. Но найдем ли мы что-либо подобное в науке о звездах?

Афинянин. Друзья мои, в настоящее время, сказал бы я, все мы, эллины, заблуждаемся относительно великих богов солнца и луны.

Клиний. В чем состоит это заблуждение?

Афинянин. Мы говорим, что они никогда не движутся по одному и тому же пути, так же как и некоторые другие звезды вместе с ними; поэтому мы их и называем блуждающими [48].

Клиний. Клянусь Зевсом, чужестранец, ты говоришь пра- C
вильно. Однако, я в своей жизни нередко наблюдал и сам, как Зореносец и Геспер [49] и некоторые иные звезды никогда не совершают того же самого бега, но блуждают повсюду; солнце же и луна совершают то, что̀ нам всем всегда известно.

Афинянин. Поэтому-то, Мегилл и Клиний, я и утверждаю теперь, что наши граждане и молодежь должны обучиться всему
этому относительно небесных богов, хотя бы в таком объеме, D

чтобы не злословить на них, но постоянно, при жертвоприношениях и в молитвах, сохранять благочестивое благословие [50].

Клиний. Это верно, если только, прежде всего, возможно обучиться тому, о чем ты говоришь. Затем, раз мы кое в чем высказываем теперь неправильные взгляды о них, а обучившись, станем высказыватъ правильные, то и я лично уступаю тебе в том, что подобную науку надо усвоить, по крайней мере, в таком объеме. А ты попытайся всячески растолковать, что дело, действительно, обстоит так. Усвоив это, мы последуем за тобою.

E Афинянин. Хотя и нелегко понять, о чем я говорю, однако, и не так уже трудно. Да и времени это не требует особенно долгого. Вот вам доказательство: не молодым и не так давно узнал я об этом; однако, я мог бы теперь объяснить вам это, и притом в короткое время. А ведь если бы это было трудно, то я никогда не был бы в состоянии объяснить вам, к тому же считаясь с нашими преклонными годами.

Клиний. Это верно. Но о какой науке говоришь ты такие
822 странные вещи; ей должна обучаться молодежь, между тем нам она неизвестна? Попробуй хотя бы несколько разъяснить это.

Афинянин. Надо попробовать. Друзья мои, это мнение о блуждающем движении луны, солнца и остальных звезд неправильно. Дело обстоит как раз наоборот. Каждое из этих светил сохраняет один и тот же путь; оно совершает круговое движение не по многим путям, но всегда по одному; это только кажется, что оно носится по многим путям. Опять-таки неправильно счи-
B тать самое быстрое из этих светил самым медленным, а противоположное противоположным. Итак, если природа устроила это так, а мы держимся иных мнений, то — [51]. Если бы в Олимпии, при конных состязаниях в беге, или при состязании людей в длинном беге, мы тоже держались такого образа мыслей и считали бы самого быстрого бегуна самым медленным, а самого медленного — самым быстрым, то мы стали бы воздавать побежденному хвалу за победу. Я, думаю, было бы неправильно и неприятно для бегунов, если бы мы стали так применять наши
C похвалы, а ведь бегуны — только люди. Если же мы и о богах впадем в такую же ошибку, то неужели мы не сообразим, что то, что́ было смешно и неправильно тогда и там, будет вовсе

не смешно теперь и здесь, то есть, применительно к богам. Богам неприятно, если мы воспеваем им ложную хвалу.

Клиний. Совершенно верно, если это так.

Афинянин. Следовательно, если мы докажем, что это обстоит так, то все подобные науки надо будет изучать хотя бы в указанном объеме. Если же мы не докажем, то придется их оставить. Пусть именно так и будет нами положено.

Клиний. Да, конечно.

23

Афинянин. Итак, надо сказать, что уже покончено с во- D
просом об узаконениях относительно образовательных предметов
обучения. Относительно охоты и всего тому подобного надо су-
дить таким же образом. Обязанность, предписанная законода-
телю, рискует оказаться шире, и он не может, дав законы, счи-
тать свою задачу исполненной. Кроме законов, есть и нечто иное,
занимающее по своей природе среднее место между увещанием
и законами. Это часто уже вторгалось в нашу беседу, как, на-
пример, вопрос о воспитании совсем малых детей. Мы утвер- E
ждаем, что нельзя оставить это не высказанным, но, с другой
стороны, считать высказанное за установленные законы — значит
преисполниться великого безумия. После того, как таким образом
будут начертаны законы и весь государственный строй, нельзя
считать совершенной похвалой выдающемуся своею доброде-
телью художнику, если о нем скажут, что он лучше всего служит
законам и более всего им повинуется, а, следовательно, что он —
хороший человек. Более совершенным будет такой отзыв: вот
человек, проводящий всю, без исключения, свою жизнь в пови-
новении предписаниям законодателя, все равно даны ли они
в виде законов, или же в виде только одобрения и порицания. 823
Это будет самым правильным выражением похвалы гражданину.
Действительно, законодатель должен не только начертать за-
коны, но и вплести в свое начертание законов, дополнительно
к законам, свои мнения о том, что́ прекрасно и что — нет. А об-
разцового гражданина это должно обязывать ничуть не менее,
чем то, за неисполнение чего законы грозят наказанием.

B Мы можем сослаться на то, чем мы теперь заняты. Это скорее
всего выяснит наше намерение. Охота есть нечто очень разно-
образное, но в наше время все это охватывается этим одним на-
званием. Есть много видов охоты на водяных зверей, много видов
охоты на птиц, а также чрезвычайно много видов охоты на сухо-
путных животных. Впрочем, охота может быть и не только на
зверей, но и на людей, как это бывает на войне. Ведь и это за-
служивает, если вдуматься, названия охоты. Много есть видов
C охоты, обусловленных дружбою; одни из них похвальны, другие —
непохвальны. Далее грабежи, как разбойников, так и одного
войска по отношению к другому, являются видами охоты. Зако-
нодателю, устанавливающему законы об охоте, невозможно не
выяснить этого; но, с другой стороны, невозможно для всего
этого установить грозные узаконения или прибавить особые рас-
поряжения и наказания.

Так как же поступать с подобного рода вопросами? Первому,
то есть законодателю, следует выразить свое одобрение или по-
рицание трудам и занятиям молодежи, касающимся охоты; с дру-
гой стороны, молодому человеку следует выслушать его указания
и повиноваться им, не ссылаясь ни на наслаждения, ни на труд-
ности, и в особенности следует уважать то, что́ одобрено, и испол-
нять предписания, руководствуясь установленными законами,
D угрожающими иной раз и наказанием.

После такого предисловия было бы уместно непосредственно
перейти к одобрению или порицанию тех или иных видов охоты.
Заслуживает одобрения тот вид охоты, который улучшает души
молодых людей; заслуживает порицания противоположный вид.
После этого обратимся непосредственно к молодым людям с та-
ким пожеланием: О, если бы, друзья, никогда не охватывало вас
страстное стремление к морской охоте, к уженью рыбы, вообще
E к охоте на водяных животных, днем ли то или ночью, при по-
мощи верши! О, если бы вы не занимались этим негодным видом
охоты! Далее, пусть не охватывает вас стремление к ловле лю-
дей и морскому разбою, которое сделало бы из вас жестоких и
беззаконных охотников. Пусть даже отдаленно вам не приходит
на мысль заняться воровством в пределах страны и государства.
824 Опять-таки пусть никого из молодых людей не охватывает ис-
подтишка любовь к охоте на птиц, не очень-то подходящая для

свободорожденного человека. Нашим любителям состязаний остается только охота и ловля сухопутных животных.

Однако и здесь недостойна похвалы так называемая ночная охота, на которой ленивые люди поочередно спят, а также и тот вид охоты, где допускаются передышки в труде, где побеждает не духовная настойчивость, а овладевают сильными дикими зверями при помощи тенет и силков. Стало быть, остается одна только наилучшая для всех охота—конная или псовая на четвероногих животных; при ней люди применяют силу своего тела; те, кто пекутся о божественном мужестве, одерживают там верх; они скачут, ударяют, стреляют и собственными руками ловят добычу.

Сказанная речь могла бы служить похвалой и порицанием
всем этим видам охоты. Закон же будет следующий: этим, дей- в
ствительно священным, охотникам пусть никто не препятствует
заниматься, где и как угодно, псовою охотой. Ночному же охотнику, полагающемуся на свои тенета и западни, пусть никто, нигде и никогда не позволяет охотиться. Птицелову пусть не препятствуют охотиться в местах невозделанных и в горах; но пусть первый встречный прогонит его с обрабатываемых священных земель. Рыбаку дозволяется ловить рыбу везде, за исключением гаваней, священных рек, озер и прудов, лишь бы только он не употреблял соков, мутящих воду.

Теперь уже можно утверждать, что узаконения о воспитании закончены.

Клиний. Прекрасно.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

1

Афинянин. После этого предстоит перейти к установлению 828
и узаконению празднеств с помощью Дельфийских прорицаний,
именно: совершение каких жертвоприношений, каким богам, ока-
жется полезнее и лучше для государства? в какое время надо
их совершать и в каком количестве? Установить некоторые за-
коны в этой области, пожалуй, также наше дело.

Клиний. Быть может, по крайней мере, количество празд-
ников.

Афинянин. Итак, прежде всего определим их количество.
Пусть празднеств будет никак не менее трехсот шестидесяти пяти, B
чтобы всегда какая-нибудь одна правительственная должность
совершала жертвоприношение за государство, за самих граждан
и за их достояние какому-нибудь богу или демону. Пусть толко-
ватели, жрецы, жрицы и прорицатели соберутся вместе с законо-
хранителями и установят то, чтò законодатель неизбежно про-
пустит. Именно поэтому-то им и надо знать толк во всем том,
чтó пропущено законодателем. Закон же гласит так: пусть будет C
двенадцать празднеств в честь двенадцати богов, имена которых
носит каждая фила; каждому из этих богов пусть совершаются
ежемесячные жертвоприношения; пусть устраиваются хороводы и
мусические состязания; что же касается состязаний гимнастиче-
ских, то их надо прибавить надлежащим образом соответственно
самим богам и временам года. Надо определить, на какие жен-
ские празднества не допускаются мужчины, а на какие допу-
скаются. Кроме того, почитание подземных богов и тех, кто за
ними следует, не должно смешивать с почитанием тех богов, ко-
торых должно называть небесными. Напротив, это надо разгра-

ничить и почитание подземных божеств приурочить к двенадца-
D тому месяцу, месяцу Плутона.

Военные не должны питать отвращения к этому богу; нет, им
надо почитать его: ведь это всегда самый благой бог для чело-
веческого рода. В самом деле: общение души с телом ничем не
лучше их разъединения. Я, по крайней мере, серьезно готов
утверждать это. К тому же те, кто в будущем внесет сюда правиль-
ное разграничение, должны поразмыслить над тем, что, в смысле
досуга и обладания всем необходимым, едва ли кто может оты-
скать другое такое государство, как наше, из числа ныне суще-
ствующих. Поэтому наше государство, как и каждый отдельный
829 человек в нем, должно жить хорошо, а живущие счастливо, не-
избежно, должны прежде всего не обижать друг друга и не под-
вергаться обидам со стороны других людей. Из этих двух условий
первое не так уже трудно; но чрезвычайно трудно обладать
такою силою, чтобы не подвергаться обидам. В совершенстве
достичь этого можно не иначе, как став совершенно благим.
Точно так же бывает и с государством: у государства, ставшего
благим, жизнь мирная, а у государства дурного — воинственная и
извне и изнутри. В виду того, что дело обстоит так, каждый не на
B войне должен упражняться в войне, а в мирной жизни. Поэтому
государство, обладающее разумом, должно уделять военным
упражнениям в лагерях не менее одного дня ежемесячно, лучше —
более, если так решат правители; притом не надо бояться хо-
лода или жары. Если правители решат устраивать эти упражнения
всенародно, то граждане должны будут выйти на них со своими
женами и детьми, иной же раз по отдельным частям. Надо также
постоянно изобретать какие-нибудь прекрасные забавы, соеди-
ненные с жертвоприношениями, причем там должны происходить
C какие-нибудь праздничные бои, сколь возможно наглядно вос-
производящие настоящие сражения. Надо установить для каждого
отдельного состязания победные награды и отличия; граждане
будут восхвалять друг друга или порицать, смотря по тому, каким
кто себя выкажет на состязаниях, да и во всей жизни. Признан-
ного наилучшим надо украсить, а наихудшего — подвергнуть по-
рицанию. Не всякий поэт имеет право воспевать эти подвиги;
прежде всего он должен иметь не менее пятидесяти лет отроду и не
принадлежать к числу тех, кто никогда не обнаружил ни единого

прекрасного поступка. Пусть поются, хотя бы и не очень склад-
ные произведения тех поэтов, кто и сами по себе люди хорошие
и пользуются почетом в государстве за свое искусство в пре- D
красных деяниях. Суждение об этих поэтах должен иметь воспи-
татель и остальные законохранители; лишь таким поэтам предо-
ставят они, как почетный дар, полную свободу творчества, а
остальных поэтов они совершенно лишат этой возможности.
Никто не осмелится воспевать не одобренную решением законо-
хранителей Музу, даже если он будет петь слаще Фамира или
Орфея [52]. Допускаются лишь произведения, признанные свя- E
щенными и посвященные богам, далее какие-либо восхваления
или порицания, составленные людьми хорошими, поскольку будет
признано, что они исполнят это соответственным образом.

2

Что̀ я говорил о военной службе и о свободе творчества,
должно в одинаковой мере касаться как женщин, так и мужчин.
Законодателю надо взвесить все это и самому с собой рассу-
ждать так: прекрасно, государство-то я устроил вполне, но какими
должен я воспитать его граждан? Разве не борцами в величай-
шей борьбе, где у них тысячи противников? — Конечно, так, 830
правильно было бы ответить на это. — Так что же? Если бы мы
воспитывали кулачных бойцов, панкратиастов [53] и тому подобных,
так неужели мы вышли бы на состязание, ни разу перед тем
ни с кем не сражаясь? Или, раз уже мы кулачные бойцы, то мы
задолго до состязания, в течение долгого времени, научимся сра-
жаться и приложим много трудов, чтобы усвоить воспроизведе-
ние всех тех приемов, которые нам пригодятся потом для дости- B
жения победы. Применим как можно ближе это сравнение:
вместо ременного панцыря, мы оденем панцырь, состоящий из
шаров [54], чтобы по возможности лучше изучить способы нане-
сения и отражения ударов. Если у нас окажется слишком боль-
шой недостаток в товарищах по гимнастике, то мы станем
упражняться, повесив неодушевленное подобие противника. Не-
ужели мы не осмелимся сделать это, убоясь смеха людей бес-
смысленных? Наконец, если не случится у нас никого из оду-

C шевленных противников и никаких неодушевленных предметов, если нам придется упражняться в пустыне,— разве мы не осмелимся делать это сами с собой, борясь уже, действительно, со своею тенью? Разве нельзя сказать, что так бывает тогда, когда приучаются к различным движениям рук?

Клиний. Пожалуй, чужестранец, это именно так, как ты сейчас сказал.

Афинянин. Так что же? Хуже ли этих борцов будет подготовлена боевая часть нашего государства? Во всяком случае, она пойдет всегда с отвагою на величайшую борьбу, сражаясь за жизнь, за детей, за имущество и за все государство. Поэтому
D законодатель не убоится того, что подобные взаимные упражнения покажутся некоторым смешными; напротив, он предпишет еще и ежедневные небольшие военные маневры, хотя и без оружия, в эту сторону направив хороводы и всю вообще гимнастику. Он предпишет также и какие-нибудь упражнения более или менее значительные, не реже, чем раз в месяц. Граждане по всей стране должны будут вступать друг с другом в борьбу, борясь за захват каких-нибудь местечек, устраивая засады, вообще воспро-
E изводя настоящие военные действия; они будут бросать шары и метать стрелы, сколь возможно более похожие на настоящие, чтобы из всего этого вышла не только взаимная, вовсе не страшная, забава; нет, здесь должен быть элемент страха, чтобы обнаружилось, у кого есть присутствие духа, а у кого нет. Первым оказывается почет, вторые предаются бесчестию; таким образом
831 все государство, в течение своего существования, надлежащим образом подготовляется к настоящему состязанию. Если кто при этом даже лишится жизни, то, так как убийство произошло невольно, руки убийцы считаются чистыми, если он, по закону, совершил очищение. Законодатель держится того мнения, что смерть немногих людей будет восполнена рождением других, притом не худших, чем погибшие. Если же отнять от всего этого страх, то невозможно найти средство различать лучших людей от худ-
B ших; а это будет для государства бедой значительно большей.

Клиний. Мы, по крайней мере, готовы согласиться, чужестранец, что всякое государство должно путем закона установить все эти упражнения и заниматься ими.

3

Афинянин. Неужели мы все не поняли причин, почему такая хорея и все эти состязания почти нигде не применяются в нынешних государствах — разве лишь в крайне ничтожных размерах? Не вследствие ли невежества большинства тех людей, кто устанавливал для них законы?

Клиний. Весьма возможно.

Афинянин. Вовсе нет, дорогой Клиний. Надо сказать, что C
на это есть две, и весьма достаточные, причины.

Клиний. Какие?

Афинянин. Первая заключается вот в чем: вследствие страсти к богатству, поглощающей весь досуг, люди не заботятся ни о чем ином, кроме как о своем собственном достатке. Душа всякого гражданина прилепляется к этому и уже не может иметь иного попечения, кроме как о своей повседневной прибыли. Каждый сам по себе в высшей степени готов изучить те знания и упражняться в тех занятиях, которые ведут к этой цели;
все же прочее подвергается осмеянию. Это и следует признать D
одной из причин, почему государства не желают серьезно заняться этим обыкновением, равно как и вообще любым добрым и прекрасным делом. Вследствие ненасытной страсти к золоту и серебру, всякий человек готов прибегнуть к любым средствам и уловкам — хорошим или нехорошим, — лишь бы стать богатым. Благочестивый ли или нечестивый и всячески позорный поступок — ничто его не трогает, лишь бы только получить возможность, точно зверь, иметь разнообразную пищу и питье и всяческим образом пресыщаться сладострастием. E

Клиний. Верно.

Афинянин. Следовательно, то, о чем я говорю, и есть одна из причин, препятствующих государствам развивать хорошие навыки в чем бы то ни было, в том числе и в военном искусстве. Из людей, по природе вообще порядочных, она создает купцов, корабельщиков, прислужников; из храбрых — разбойников, гробокопателей [55], святотатцев, задорных драчунов, тиранnов; иной раз
они по природе вовсе не плохи, но так уже им не посчастли- 832
вилось.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Как же мне не назвать вполне несчастными тех, кто, в течение всей своей жизни, обречен алчно копаться в своей душе?

Клиний. Итак, это одна из причин. Что же ты считаешь второй, чужестранец?

Афинянин. Хорошо, что ты мне напомнил.

Клиний. Первая причина, по твоим словам, состоит в ненасытном всю жизнь искании; всякому недосуг, да и трудно, как
B следует упражняться в военном деле. Пусть так. Укажи, какая же вторая причина?

Афинянин. Уж не думаешь ли ты, что я нахожусь в затруднительном положении, и поэтому оттягиваю ее выяснение.

Клиний. Нет. Но мне кажется, что, когда речь зашла о ненавистных тебе нравственных свойствах, ты более, чем должно, подверг их осуждению.

Афинянин. Ваш упрек, чужестранцы, вполне справедлив. Все-таки выслушайте и следующее.

Клиний. Продолжай только.

Афинянин. Я утверждаю — об этом и в предшествующей беседе я не раз говорил, — что причиной служит также и государственный строй: демократический, олигархический, тиранический. Впрочем, ни то, ни другое, ни третье даже не есть госу-
C дарственный строй, но все они скорее могут быть названы длительным междоусобием, ибо ни один из них не принимается добровольно, но держится постоянным насилием, самовольно подавляя волю своих подданных. Власть же, опасаясь своих подданных, никогда не допустит им стать хорошими, богатыми, сильными, мужественными и вообще сведущими в военном деле. Таковы эти две главные причины почти всех бед, в особенности же того, о чем мы говорили. Однако, ни той, ни другой причины нет места в том государстве, о котором у нас речь и для которого мы устанавливаем законы. У граждан там будет
D величайший досуг; они не будут зависеть друг от друга; думаю, что, при существовании наших законов, они будут в высшей степени несребролюбивы. Поэтому только подобное государственное устройство, из существующих ныне, естественное и вместе с тем разумное, сможет применить то воспитание, о котором мы гово-

рили, и те военные забавы, обсуждение которых мы закончили в нашей беседе.

Клиний. Прекрасно.

4

Афинянин. Разве не надо вслед за этим упомянуть и о гимнастических состязаниях. Поскольку некоторые из них пригодны
для военного дела, там должны быть установлены победные на- E
грады; остальные же состязания придется оставить в стороне. Какие это состязания, об этом лучше сказать заранее и подтвердить законом. Прежде всего, что касается состязаний в беге на скорость, разве их не следует допустить?

Клиний. Конечно, следует.

Афинянин. В самом деле, подвижность тела, ног и рук имеет в высшей степени важное значение в военном деле. Бы-
строта ног пригодится во время бегства и преследования; при 833
столкновении и схватке требуется крепость и сила рук.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Однако, без оружия все это совершенно бесполезно.

Клиний. То есть?

Афинянин. Прежде всего глашатай у нас, как это делается и теперь, станет на состязаниях вызывать бегуна в ристалище. Тот выйдет с оружием. Мы не установим наград для состязающихся в беге без оружия. Первым выйдет, кто будет состязаться в простом беге с оружием; вторым — состязающийся в двойном
беге; третьим — состязающийся в беге на расстояние, назначенное B
коням; четвертым — состязающийся в длинном беге [56]; пятого же мы выпустим сперва тяжело вооруженным на расстояние шестидесяти стадий [57] по направлению к святилищу Арея; затем, обозначив его именем тяжеловооруженного воина, предложим ему путь более ровный; иной стрелок, в полном своем уборе, пусть состязается в беге по различным гористым местам в направлении
к святилищу Аполлона и Артемиды. Установив это состязание, C
мы будем ожидать их возвращения и каждому из победивших дадим награду.

Клиний. Прекрасно.

Афинянин. Мы разделим эти состязания на три разряда:
первый — для мальчиков, второй — для юношей, третий — для
мужей. Юношам мы назначим две трети пробега; мальчикам по-
ловину этого, причем они выступят в состязании в качестве
стрелков и тяжеловооруженных. Что касается женщин, то для
не достигших зрелости девушек мы установим: бег на расстояние
D стадия, двойной бег, бег на расстояние, назначенное коням, долгий
бег. Начиная с тринадцати лет у девушек будут общие состя-
зания вплоть до их замужества, то есть не более, как до двад-
цати лет, но и не менее, чем до восемнадцати. Они будут выхо-
дить на состязание в этом беге, одетые надлежащим образом.

Пусть так устроены будут состязания в беге мужчин и жен-
щин. Что касается упражнений в силе, то вместо борьбы и тому
подобных нынешних тяжелых упражнений будет установлен бой
E с оружием: один на один, двое против двух и так далее до де-
сяти против десятерых. Что касается приемов и уверток, ведущих
к победе, то точно так же, как теперь для борьбы установлено
теми, кто ею ведает, что̀ считать правильным приемом борьбы,
а что̀ нет, так и относительно боя с оружием надо поручить
установление правил тем, кто в ней отличился. Они установят
для такого боя условия победы или поражения, допустят те или
834 иные приемы и увертки. То же самое относится и к состязаниям
женщин до их замужества. Кулачные бои следует для них за-
менить состязаниями легковооруженных, соединенными с борь-
бой, причем допускается применение стрел, легких щитов, дро-
тиков, метание камней руками или из пращей. В свою очередь
и относительно всего этого надо установить правила. Кто лучше
всех соблюдет эти правила, тот получит почетные дары и на-
грады.

Вслед за этим надо установить законы относительно конных
B состязаний. Впрочем у нас — ведь дело идет о Крите — не будет
особенно большой нужды в конях. Поэтому неизбежно меньше
будет забот об их разведении и о конских состязаниях. У нас
вовсе не будет людей, занимающихся доставлением коней для
колесниц. Следовательно, ни у кого не может явиться оснований
для развития подобного рода честолюбия. Устанавливать же по-
добные, несообразные с местными условиями, состязания было бы

совершенно лишено смысла. Тем не менее, сообразуясь с природой страны, мы установим состязания для скаковых коней, жеребят, еще не сменивших зубы, для тех лошадей, которые занимают середину между не сменившими зубов жеребятами и взро- C
слыми конями. Пусть, согласно закону, происходит между ними состязание и соревнование; общее же суждение о бегах и о всех вышедших на состязание во всеоружии, принадлежит филархам и гиппархам. А для невооруженных было бы правильным установить закон, не допускающий их ни на гимнастические, ни на эти здешние состязания. Критский же конный стрелок может пригодиться; то же самое и метатель дротика. Поэтому, для забавы, пусть будет и между ними соперничество и состязание. Женщин D
не стóит принуждать законами и предписаниями участвовать в таких состязаниях. Впрочем, если кто из них, благодаря предшествовавшему воспитанию, уже привык к этому, так что их природа не противится и не негодует, то можно допустить участие девочек и девушек и не надо их за это порицать.

5

Вопросы о состязаниях и о гимнастическом обучении, постольку мы занимаемся ими, с одной стороны, на состязаниях, а E
с другой—повседневно у учителей, теперь уже вполне выяснены. Точно так же и бо̀льшая часть относящегося к мусическому искусству разобрана до конца. Что касается вопроса о рапсодах и всего связанного с ними соревнования хороводов на празднествах, то это надо установить впоследствии, когда будут приурочены к известным богам и тем, кто за ними следует, месяцы, дни и годы. Тогда и выяснится, должно ли эти состязания устраивать каждые три года или один раз в пять лет, смотря по тому, какое указание дадут нам боги. Надо ожидать, что тогда будет 835
установлено афлофетами [58], воспитателем молодежи и законохранителями и совершение отдельных мусических состязаний. Для этой цели указанные лица соберутся вместе и сами станут законодателями в этой области; они установят, в какое время, какие и в каком сочетании надо устраивать состязания в разных хороводах и, вообще, в хорее. А какими должны быть каждые

отдельные состязания в смысле речей, песнопений и гармонии,
B смешанной с ритмами и плясками, об этом уже нередко высказывался первый законодатель. Такого же направления должны будут придерживаться последующие законодатели, чтобы в подходящие сроки уделять каждому жертвоприношению соответственные состязания и установить для государства празднества. Нетрудно распознать, каким образом все это и тому подобное может быть упорядочено законом; да и перемещения в ту или иную сторону не принесут здесь особой выгоды или вреда для государства.

C Но трудно убедить в вопросах чрезвычайно важных. Это было бы всего более делом подходящим для бога, если бы как-нибудь было возможно от него получить самые предписания. Но в наше время для этого нужен, кажется, некий отважный человек, который особенно почитал бы свободную откровенность и высказал бы свое мнение о высшем благе для государства и граждан; который установил бы среди людей, душевно испорченных, надлежащие правила поведения в соответствии со всем государственным строем. Ему пришлось бы высказаться против самых великих страстей; ни один человек не был бы ему помощником; одним лишь доводам разума [59] следовал бы он в полном одиночестве.

D Клиний. О чем это опять у нас зашла речь, чужестранец? Мы что-то не понимаем?

Афинянин. Это естественно. Впрочем, попытаюсь еще понятнее разъяснить вам это. Когда я в своем рассуждении пришел к вопросам о воспитании, я увидел юношей и девушек в дружном общении между собой. И вот, как это и естественно, у меня закрался страх при мысли, на что̀ использует каждый из них такое государственное устройство. Ведь в нашем государстве юноши и девушки будут хорошо взрощены, далеки от чрезмерных и
E низких трудов, — которые всего более погашают наглость, — и жизнь свою все они проведут в жертвоприношениях, празднествах и хороводах. Так вот, каким же образом, при таком государственном строе, уберечься им от страстей, ввергающих в крайности многих мужчин и женщин? Между тем, доводы разума предписывают воздерживаться от этих страстей; эти доводы
836 пытаются стать законом. Ничего удивительного нет, если ра-

нее установленные узаконения одержат верх над большинством страстей. В самом деле: невозможность чрезвычайного обогащения послужит не малым благом для развития здравомыслия: Для этой же цели все в совокупности воспитание получило подходящие законы; вдобавок еще надзор правителей, обязанных не спускать глаз с молодежи и постоянно оберегать ее. Стало быть, все это умеряет остальные страсти,— поскольку здесь речь касается человеческих дел. Но вот из страстной любви к мальчикам и девочкам, женщинам-мужчинам и мужчинам-женщинам[60] происходят бесчисленные беды и для людей в их частной жизни и для B
целых государств? Как же остерегаться этого? Какое найти зелье для каждого из этих случаев, чтобы избежать подобной опасности? Да, Клиний, это очень трудное дело. В самом деле: во многих других вопросах весь целиком Крит и Лакедемон оказали нам достаточно большую помощь, дав законы, отличные от большинства установившихся обычаев. А вот в любовных страстях — можно сказать это: ведь мы наедине — Крит и Лакедемон совершенно не согласуются с нашими желаниями. Поэтому убедительным, пожалуй, было бы слово того человека—хотя оно вовсе не подходит для вашего государства,— который установил бы, следуя в этом природе, закон бывший до Лая[61], сказав: отсут- C
ствие общения, для любовного соединения, у мужчин с юношами, как с женщинами — правильно; и это подтвердил бы ссылкой на природные свойства животных, указав, что у животных самцы не касаются самцов, так как это противоречит природе. Кроме того, такие явления в этой области не согласуются с тем, что́, по нашим словам, постоянно должен соблюдать законодатель. D

Действительно: мы всегда разыскиваем, что̀ именно из установленного нами ведет к добродетели, что̀ — нет. Допустим, что это явление мы установили сейчас законом, как прекрасное и вовсе не позорное,— все же, чем бы оно способствовало добродетели? Уже не тем ли, будто его осуществление в душу человека, покорно давшего себя склонить на подобное дело, внедрит мужественный нрав, а в душу человека, который убедил другого согласиться на это, внедрит род идеи здравомыслия? Нет, этому никто никогда не поверит. Скорее—совсем обратное, то есть, всякий будет осуждать мягкость человека, уступающего наслаждениям и не могущего оказать им сопротивление. И разве E

не подвергнет всякий порицанию того человека, который идет на подражание женщине, — именно за это картинное сходство? Раз это явление таково, то кто же из людей станет возводить его в закон? Решительно никто, по крайней мере, из тех, у кого есть в мыслях истинный закон [62]. Но как нам убедиться в истинности нашего взгляда? Кто хочет правильно мыслить в этих
837 вопросах, тому необходимо рассмотреть природу дружбы, страсти и, вместе с тем, того, что́ называется любовным стремлением. В самом деле: всю затруднительную неясность здесь производит то обстоятельство, что одним общим названием охватываются все эти чувства, хотя, на самом деле, их два и из них обоих возникает еще особый, третий, вид чувства.

Клиний. Как же это?

6

Афинянин. Иногда мы говорим так: подобное дружественно подобному по добродетели, равное дружественно равному. С другой стороны, и недостаточное мы называем дружественным преизбыточному, хотя, по своей природе, оно ему противоположно. Если же и в том и в другом случае чувство возникнет в сильной степени, то мы обозначаем это, как любовь.

b Клиний. Верно.

Афинянин. Значит, дружба, основанная на противоположностях, страшна, дика и редко находит общее в нас, людях. Дружба же, основанная на сходстве, кротка и обща в течение всей жизни. В дружбе, возникшей из смешения этих двух видов, прежде всего нелегко распознать, осуществления чего желает для себя человек, чувствующий этот, третий, вид любви; далее положение такого человека затруднительно, так как оба чувства влекут его в противоположные стороны: одно чувство побуждает его коснуться цветущей красоты, другое запрещает
c ему это. Ведь тот, кто влюблен в тело, алчет и цветущей красоты, точно зрелого плода, и стремится насытиться ею; он вовсе не ценит душевных свойств своего возлюбленного. У кого же страсть к телу является чем-то побочным, тот скорее восхищен созерцанием, чем влюблен, так как он своей душой действительно

страстно вожделеет к душе возлюбленного и считает наглостью насыщение своего тела телом возлюбленного; он совестливо D
почитает здравомыслие, мужество, величие и разумность, и поэтому его желанием было бы постоянно пребывать в непорочности вместе со своим, тоже непорочным, возлюбленным. Таков этот третий вид любви, смешанный из тех обоих чувств; мы разобрали его именно как третий вид. Раз есть столько видов чувства, то неужели надо их все запретить законом и отгородиться от них? Нет, ясно, мы пожелали бы, чтобы в нашем государстве господствовало то чувство, которое связано с добродетелью и которое заставляет юношу стремиться к достижению наивозможного совершенства. А остальные два вида мы запретили бы, если только это возможно. Каково твое мнение, дорогой Мегилл?

Мегилл. Ты, чужестранец, прекрасно высказался сейчас обо
всем этом. E

Афинянин. Повидимому, друг мой, я достиг своей цели: добился твоего согласия. Мне не надо доискиваться, в каком смысле установлен у вас закон относительно этих явлений; мне только нужно было, по ходу нашей беседы, получить твое согласие. А потом, я попытаюсь в свою очередь убедить и Клиния в этом же самом, при помощи заговоров. Вы дали мне свое согласие; пусть так оно и будет. Обратимся опять вообще к разбору законов.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Что касается установления этого закона, считаясь с нынешними обстоятельствами, то у меня имеется один, 838
отчасти легкий, прием, хотя, с другой стороны он, наоборот, и чрезвычайно труден.

Мегилл. Что ты разумеешь?

Афинянин. Мы знаем, что и в наше время большинство людей, даже беззаконники, с наилучшей тщательностью удерживаются от общения с красивыми отроками, причем поступают они так не против воли, но вполне по доброй воле.

Мегилл. Как это ты говоришь?

Афинянин. Да вот, если у него окажутся красивые брат или сестра, то же самое и относительно сына или дочери. Здесь тот же самый неписанный закон вполне достаточно удерживает от связи, B
тайной или явной, и от всяких иных поползновений. У большин-

ства людей здесь даже и не возникает вовсе страстного стремления к подобному общению.

Мегилл. Это правда.

Афинянин. Значит простое слово погашает все такие наслаждения.

Мегилл. Какое слово.

Афинянин. Слово, гласящее, что подобные отношения совершенно нечестивы, богоненавистны и из всего позорного наиболее позорны. А причиной тут служит то, что никто не выска-
C зывает иного мнения. Каждый из нас, с самого дня рождения, постоянно и повсюду слышит выражения подобного взгляда, как в шутливых разговорах, так и в трагедиях, где это повторяется со всяческой серьезностью, когда нам выводят Фиестов, каких-нибудь Эдипов или каких-либо Макареев, ведь эти последние тайно вступили в связь со своими сестрами, а после обнаружения этого наложили на себя руки, чтобы искупить свое преступление [63].

Мегилл. Ты прав, поскольку ты указываешь на какое-то
D удивительное значение, придаваемое господствующим взглядам, раз даже и вздохнуть-то никто никогда не пробует вопреки существующим обычаям.

7

Афинянин. Следовательно, мы сейчас правильно сказали, что законодателю легко распознать тот способ, при помощи которого можно захватить и поработить какую-либо страсть из числа тех страстей, что́ в особенности порабощают людей — надо только сделать священным этот общепринятый взгляд у всех: у рабов, у свободных людей, у детей, у женщин, вообще во всем государстве; таким образом законодатель придаст прочную непоколебимость этому своему закону.

E Мегилл. Совершенно верно. Но, с другой стороны, чтобы было возможно всем людям вселить желание выражать подобные взгляды [64].—

Афинянин. Твое возражение очень метко. Вот именно об этом самом я и говорил, указывая, что есть у меня искусный прием для проведения в жизнь закона о том, чтобы плотским

общением пользоваться лишь сообразно природе, то есть для
произведения детей. От мужского пола надо воздерживаться и
не губить умышленно человеческий род, бросая семя на скалы
и камни, где оно никогда не пустит корней и не получит своего
природного развития. Надо воздерживаться и от всех тех жен- 839
щин, на чьей пашне[65] не захочет произрастать твой посев. Этот
закон заключает в себе тысячи благ, если он будет непрерывно
действовать и возобладает в такой степени, как теперь возобла-
дал закон относительно сношений с родителями, и если он будет
справедливо распространен и на все остальные виды подобного
общения. Прежде всего наш закон согласуется с природой; затем
он заставит воздержаться от любовного борения, неистовства, от
всяческих прелюбодеяний, от чрезмерного пристрастия к питью
и еде; мужей он сделает близкими друзьями их жен. Какое B
множество иных благ осуществилось бы, если бы человек смог
овладеть этим законом! Впрочем, возможно, какой-нибудь креп-
кий и молодой мужчина, преисполненный обилием семени, став
перед нами и услышав об установлении такого закона, начнет
поносить нас за установление яко бы безрассудных и неиспол-
нимых узаконений и своим криком огласит все. Так вот, имея
в виду как раз это, я и сказал, что тот прием, который у меня
есть, является, с одной стороны, самым легким из всех, с дру- C
гой же стороны — чрезвычайно трудным в том смысле, чтобы
этот закон, будучи установлен, оставался в силе. В самом деле:
очень легко сообразить и то, что этот закон осуществим, и то,
каким образом он может быть осуществлен. Именно: как мы утвер-
ждаем, достаточно сделать это узаконение священным, чтобы оно
поработило всякую душу и вообще заставило человека со стра-
хом повиноваться установленным законам. Но в настоящее
время дело дошло уже до того, что осуществление этого счи-
тается вообще невозможным; однако, точно так же не пове-
рили бы и относительно обыкновения, касающегося сисситий,
будто их осуществление осуществимо[66] и будто все государ-
ство целиком может, в течение всего своего существования,
придерживаться этого обыкновения. Но здесь опровержением D
служит самый факт осуществления сисситий у вас; впрочем, даже
в ваших государствах все еще считают, что природа женщин не
позволяет распространить это обыкновение и на них. Поэтому-то,

вследствие такого сильного недоверия, я и сказал, что чрезвычайно трудно, чтобы это обыкновение вошло в законную силу.

Мегилл. И в этом ты прав.

Афинянин. Хотите, я попробую привести вам одно сказание, не лишенное некоторого правдопободия, с целью пояснить, что все это не превышает человеческих сил, но может быть осуществлено?

E Клиний. Конечно, хотим.

Афинянин. Какой человек легче воздержится от любовных утех и захочет умеренно пользоваться ими в пределах установленных законом, — тот ли, чье тело находится в хорошем состоянии и всесторонне развито, или тот, чье тело плохо, односторонне и неразвито[67]?

Клиний. Гораздо скорее тот, чье тело развито всесторонне.

Афинянин. Не правда ли, мы знаем по наслышке, что та-
840 рентинец Икк, ради Олимпийских игр и прочих состязаний, как рассказывают, не касался никогда женщин или мальчиков во время разгара подготовки к состязаниям[68]; причиной здесь было его честолюбие, преданность своему искусству, а также и то обстоятельство, что, вместе с здравомыслием, он обладал и душевным мужеством. То же самое рассказывают о Крисене, Астине, Диополисе и об очень многих других[69], хотя воспитание их души было гораздо хуже, чем у наших с тобой, Клиний, граждан, а
B тело их гораздо более было преисполнено жизненных сил.

Клиний. Да, ты прав: то, что́ древние рассказывают об этих атлетах, было, действительно, осуществлено некогда ими.

Афинянин. Так что же? Они отважились воздерживаться от того, что̀ большинство называет блаженством, ради победы в борьбе, в беге и тому подобном, — неужели же наши дети не смогут совладать с собой ради гораздо более прекрасной победы? Той победы, чарующую красоту которой мы станем изо-
C бражать им, конечно, с самого детства в мифах, изречениях и в песнях[70].

Клиний. Какая это победа?

Афинянин. Победа над наслаждениями, достижение которой сделает блаженной их жизнь, уступка же им повлечет за собою жизнь обратную. Да, кроме того, неужели же для того, чтобы совладать с собой, как совладали иные, кто хуже наших гра-

ждан, не будет иметь значения еще и страх перед тем, что отсутствие такого самообладания никоим образом и ни с какой стороны не является делом благочестивым?

Клиний. Конечно, и это будет иметь значение.

8

Афинянин. Раз мы остановились на том месте узаконения, D
которое затруднило нас в виду испорченности большинства людей, то я утверждаю, что наше узаконение в этой области должно все же итти вперед. В этом узаконении высказывается та мысль, что наши граждане не должны быть хуже птиц и многих других животных, которые, родившись в больших стадах, вплоть до времени произведения детей, ведут жизнь безбрачную, целомудренную и чистую; когда же они достигнут надлежащего возраста, то самцы и самки, по своей склонности, попарно соединяются между собою и остальное время ведут благочестивую и справедливую жизнь, неизменно оставаясь верными своему перво- E
начальному выбору. Наши граждане должны быть лучше животных. Однако, если наши граждане будут развращены остальными эллинами и большинством варваров, видя у них так называемую беспорядочную Афродиту[71] и слыша о ее большом значении, то тогда законохранителям придется стать уже законодателями и изобрести для них второй закон.

Клиний. Какой закон ты посоветуешь им установить, если 841
будет нарушен тот закон, что̀ мы сейчас установили?

Афинянин. Ясно, Клиний, что этот второй закон будет прямо примыкать к первому.

Клиний. Но в чем он будет состоять?

Афинянин. Он будет как можно меньше способствовать развитию силы наслаждений при помощи трудов, уменьшая их наплыв и возрастание и направляя тело в противоположную сторону. Это может удасться, если не будет распущенности в любовных утехах. Если люди, вследствие стыдливости, будут редко предаваться им, то это ослабит господство распущенности, B
именно вследствие редкого обращения к любовным утехам. Занятие ими не на виду пусть будет узаконено у наших граждан

как нечто прекрасное; пусть именно это будет признано со стороны обычая и неписанного закона; напротив, пусть считается позорным явное обнаружение подобных отношений, но не вообще сами эти отношения [72]. Таким образом позорное или прекрасное в этих отношениях, хотя и намечается в нашем законе, однако, лишь на втором плане, так как и сами эти отношения, в смысле их правильности, стоят у нас на втором месте. Все развращенные по своей природе люди — мы их называем покоренными самими собой — образуют один род; остальные три рода граждан охватывают их со всех сторон и принуждают не преступать
C законов.

Клиний. Какие это три рода граждан?

Афинянин. Те, кто благочестивы, а вместе с тем те, кто ревностны, и те, кто страстно вожделеет не к телу, но к прекрасным свойствам души. Правда, все эти наши слова остаются пока лишь благими пожеланиями, как те, что́ выражаются в сказках; однако, насколько лучше было бы, если бы это осуществилось во всех государствах.

Если будет на то божья воля, мы, очень возможно, принудим соблюдать в любви одно из двух: или пусть гражданин не смеет
D касаться никого из знатных и свободорожденных людей, кроме своей законной жены: пусть он не расточает своего семени в неосвященных религией незаконных сношениях с наложницами, ни в противоестественных и бесплодных сношениях с мужчинами. Или же мы совершенно исключим сношения с мужчинами, а что касается сношений с женщинами, то, если кто, кроме жены, вступившей в его дом с ведома богов путем священного брака, станет жить с женщинами, купленными или приобретенными иным каким-либо
E способом, причем это явно обнаружится для всех мужчин и женщин, мы в качестве законодателей, думается, правильно постановим, лишив такого человека всех почетных гражданских отличий, как действительно чуждого нашему государству. Относительно половых сношений и всего относящегося ко всяким видам любви, пусть будет установлен именно такой закон — все равно, надо ли его считать за один закон или за два; он опре-
842 деляет, какие поступки при взаимных отношениях, возникающих под влиянием подобных страстей, правильны, какие — неправильны.

Мегилл. Я лично чрезвычайно охотно принял бы этот твой закон, чужестранец. Что касается Клиния, то пусть он сам выскажет свой взгляд на него.

Клиний. Я это сделаю, Мегилл, когда улучу подходящее время. А сейчас предоставим нашему гостю излагать далее ход своих законов.

Мегилл. Хорошо.

9

Афинянин. Так вот, в дальнейшем нам надо перейти к устрое- B
нию сисситий. Если, как мы утверждаем, в иных краях и трудно их установить, то на Крите всякий считает, что именно сисситии-то и должны быть. Но как их устроить? Так ли, как они существуют здесь, или так, как в Лакедемоне[73]; или же, рядом с этими двумя видами устройства сисситий, есть и еще третий вид, лучший? Мне кажется, нетрудно изобрести и третий вид, но, впрочем, такое изобретение не принесет никаких преимуществ. Ведь существующее и теперь устройство — удачно.

С сисситиями связан вопрос о добывании жизненных при- C
пасов. Каким образом эта сторона дела будет согласована с сисситиями? Во всех прочих государствах жизненные припасы бывают различны и добываются из многих мест, так что источников здесь вдвое больше, чем у наших граждан. Ведь большинству эллинов пищу доставляет и суша и море, у нас же только суша.
Для законодателя это тем легче; законы станут более, чем на D
половину, короче; вдобавок они более будут подходить к свободорожденным людям. В самом деле: в нашем государстве законодатель может распроститься с большею частью законов о торговом мореплавании, о складах и гаванях, о мелкой торговле, о гостиницах, о таможнях, о рудниках, о кредите, о сложных процентах и с бесчисленным множеством других тому подобных вопросов. Он будет устанавливать законы лишь для земледельцев, пастухов, пчеловодов, для соответственных хранилищ и над-
зирателей за орудиями. Ведь мы уже установили самые важные E
законы, то есть, законы о браке, рождении детей и их взращивании, кроме того, законы о воспитании и об установлении правительственных должностей в государстве. Теперь законодатель-

ствующему необходимо обратиться к вопросам о пище и о тех, кто ее добывает[74].

Начнем с тех законов, чтó носят название земледельческих. Первый закон, закон Зевса Охранителя границ, будет гласить так: пусть никто не нарушает земельных границ своего ближнего соседа, гражданина или сопредельного чужестранца, если у кого участок расположен на окраине, так что граничит с землей соседей-чужестранцев. Пусть всякий считает, что это по-
843 истине будет нарушением ненарушимого. Пусть каждый скорее пожелает попробовать сдвинуть какую-нибудь огромную скалу, чем межевой столб, или даже маленький камень, заклятый у богов и размежевывающий дружбу и вражду; для гражданина свидетелем является Зевс Единоплеменный, для чужестранца — Зевс Гостеприимный. Кто пренебрежет этим законом, тот понесет двойную ответственность первую и главную — перед богами,
b вторую — перед законом. Вот почему пусть никто не нарушает добровольно границ своих соседей; если же кто нарушит, всякий желающий может донести об этом геоморам, а те привлекают его к суду.

Если кто окажется виновным в том, что он тайно и путем насилия стал снова делить землю, то суд определяет, какое наказание должен понести проигравший дело. Бывает, что соседи наносят друг другу много мелких повреждений, которые порождают сильное и тягостное чувство враждебности именно этою своей частою повторяемостью, так что соседство становится тяж-
c ким и весьма горьким. Поэтому сосед должен всячески остерегаться, как бы не подать соседу повода к раздорам как вообще, так в особенности соблюдая осторожность при запашке земли. Нанести вред вовсе нетрудно — это может всякий: а вот оказать пользу не всякий может. Кто запашет землю своего соседа, то есть, преступит межу, тот должен возместить нанесенный вред
d и, кроме того, уплатить в двойном размере пострадавшему, чтобы исцелиться самому от бесстыдства и неблагородных склонностей. В этих случаях и во всех им подобных разбирать, судить и назначать пеню будут агрономы; в случае больших нарушений, как ранее сказано,—все должностные лица данного округа, составляющего двенадцатую часть всей страны; в случае меньших нарушений — местные фрурархи. А если кто захватит чужие паст-

бища, то судить и назначать возмещение за убытки будут те же
лица, после того, как убедятся воочию в нанесенном ущербе. Если
кто присвоит чужие рои, зная, чем приманить пчел, и, когда рой
сядет поблизости, огребет его, пусть возместит он убыток. Если E
кто станет у себя выжигать лес, не остерегшись от соседа, пусть
он подвергнется наказанию по усмотрению правителей. Если кто
станет сажать посадки, не оставив определенного промежутка
между своей и соседней землей, тот подвергнется каре, как об
этом достаточно было высказано многими законодателями; надо
дополнительно использовать и их законы. Нельзя требовать,
чтобы высший устроитель государства установил законы для
многих мелочей — такие законы по плечу и первому попавше-
муся законодателю. Таков древний прекрасный закон относи- 844
тельно воды, установленный для земледельцев, — не сто́ит да-
вать другого направления нашей беседе; нет, пусть тот, кто хо-
чет провести воду на свою землю, делает это, начиная с обще-
ственных водохранилищ, но пусть он не берет воды из источни-
ков, явно принадлежащих частному лицу; воду он может отводить
по любому направлению, за исключением мест, занятых домами,
святилищами и гробницами; при этом не надо портить окружаю-
щей земли, а ограничиться устройством самого водопровода.
Если в иных местах природные свойства земли таковы, что она B
лишена воды, а поэтому впитывает дождевую влагу, так что там
нет источников питьевой воды, то надо рыть на своем собствен-
ном участке вплоть до глинистого слоя земли; если же и на такой
глубине нигде не встретится воды, то надо брать воду у соседей
в размерах, необходимых для каждого из членов семьи. Если у
соседей едва хватает воды, то порядок доставки воды устана-
вливается агрономами: кто именно ежедневно должен ходить за
водой и, таким образом, сообща с соседями пользоваться ею.
Если кто из живущих под горою загородит сток дождевых вод C
и этим причинит вред обрабатываемой земле примыкающего
к нему верхнего соседа, или, обратно, живущий на горе станет,
как попало, отводить потоки, так что нанесет вред своему ниж-
нему соседу, — так вот, если об этом они не захотят сгово-
риться друг с другом, пусть желающий призовет астинома,
если дело происходит в городе, или агронома — если в де-
ревне, чтобы установить, как здесь каждому надо поступить.

Кто не станет соблюдать установленного порядка, тот будет
обвинен в зависти и несговорчивом нраве; если он окажется
виновным, то будет должен возместить пострадавшему ущерб
D в двойном размере за то, что не захотел послушаться прави-
телей.

10

Что касается участия всех граждан в осеннем сборе плодов
то здесь надо соблюдать следующее. Богиня[75] милостиво дает
нам дары в двух видах: во-первых, виноград, как недолговечную,
дионисическую забаву[76], а во-вторых, виноград, по своим при-
родным свойствам заготовляемый впрок[77]. Пусть будет устано-
влен следующий закон об урожае: кто вкусит сельских плодов,
винограда ли или смокв, до наступления времени сбора — а это
E совпадает с восходом Арктура[78] — все равно, на своей ли земле
или на чужой, тот повинен заплатить шестьдесят посвященных
Дионису драхм[79], если он сорвал на своей земле; если же он
сделал это у соседей, то одну мину; если же у кого-нибудь дру-
гого, то — две трети мины. Кто захочет собрать плоды так
называемой теперь благородной виноградной лозы или благо-
родной смоковницы, тот может пользоваться ими сколько
хочет и когда угодно, если это его собственность; если же
это—чужое, и позволение владельца не дано, то такой человек
всегда подвергнется наказанию по закону, запрещающему
845 трогать то, что́ не сам сложил. Если раб, без позволения вла-
дельца земли, прикоснется к чему-нибудь такому, он будет
наказан соответственным числу ягод винограда в грозди и числу
смокв количеством ударов. Метек может пользоваться, если
ему угодно, плодами благородной лозы, но за плату. Если
же приезжий иностранец пожелает, проезжая по дорогам, от-
ведать плодов, то пусть пользуется, если ему угодно, благо-
родным видом винограда бесплатно, он сам и один из его спут-
ников; это будет законом гостеприимства. Что касается так на-
B зываемой полевой лозы и тому подобных плодов, то наш закон
запрещает их рвать даже и иностранцу. Если же иностранец или
его раб, не зная этого закона, коснутся запрещенного, то раба

наказывают ударами, а свободорожденного иностранца отпускают, но делают ему выговор и наставляют, что можно касаться всех прочих видов лозы, непригодных для заготовления впрок изюмного вина, и лишь тех смокв, что̀ не годятся для
сушки. Пусть не считается позорным срывать тайком груши, C
яблоки, гранаты и все тому подобное. Однако, пойманный в этом подвергнется побоям, если он моложе тридцати лет; впрочем, не надо причинять ему ранений; кроме этих ударов свободорожденный человек не подвергнется никакому суду [80]. Иностранцу дозволяется пользоваться этими плодами так же, как и виноградом. Если же человек старше тридцати лет сорвет эти плоды, чтобы тут же их съесть, но ничего не унесет с собой, то он может это сделать на равных правах с иностранцем. Ослушник же этого закона рискует оказаться чуждым со-
ревнованию в добродетели, если напомнят об этом судьям, когда D
они будут присуждать награды.

11

Вода имеет наибольшее значение для садоводства, но она легко портится. Дело в том, что землю, солнце и ветры, которые, вместе с водой, влияют на то, что́ произрастает из земли, нелегко испортить; их нельзя отравить, отвести в сторону, украсть, а с водой все это можно сделать: такова ее природа.
Поэтому здесь должен притти на помощь закон. Так вот, пусть E
будет действовать следующий закон о воде: если кто испортит чужую воду, ключевую ли или собранную дождевую, отравит ее, отведет в сторону подкопом, украдет, то пострадавший должен обратиться за правосудием к астиномам, оценив нанесенный ему убыток. Кто будет уличен в том, что он какою-нибудь отравой портит воду, тот, кроме возмещения убытка, должен будет очистить источник воды или водоем; в каждом отдельном случае законы истолкователей будут руководить, как именно надо произвести это очищение.

Что касается доставки припасов, то всякому желающему дозволяется доставлять свои припасы по всей местности, лишь бы
только он этим не причинял никому никакого ущерба и не из- 846

влекал бы тройной выгоды из ущерба своего соседа. Правители должны разбираться в этом и так же во всем том, в чем один гражданин своим имуществом сознательно наносит вред другому, — если только на это нет его согласия, — явным или тайным насилием над его личностью или над его собственностью. Обо всем этом надо доводить до сведения правителей, которые и назначают наказания, если убыток не превышает трех мин.
B В случае бо̀льших обвинений дело поступает в общий суд, который и определяет наказание для обидчика.

Если окажется, что кто-либо из правителей назначил пеню, вынесши несправедливое решение, то пострадавший взыскивает с него судом вдвое бо̀льшую сумму. Каждый желающий может подать в общий суд жалобу на неправильные действия правителей.

Есть тысячи подобных мелких узаконений, на основании которых надо назначать наказания, вчинять тяжбы, вызывать
C в суд, приводить свидетелей со стороны истца, достаточно ли двух свидетелей, или сколько вообще их нужно, и так далее в таком роде. Невозможно оставить это без законов. Но престарелому законодателю не стоит этого делать. Пусть молодые люди установят здесь законы, в мелочах подражая установленным ранее крупным законоположениям. Неизбежную необходимость таких мелких законов они узнают на опыте, пока не будет решено, что все устроено как следует. Тогда они установят
D их незыблемо и будут жить, соразмерно пользуясь ими.

12

С ремесленниками надо поступить так: прежде всего пусть никто из туземцев не занимается ремесленными искусствами. Дело в том, что гражданину достаточно обладать тем ремеслом, которое нуждается в упражнении и, вместе с тем, в многих познаниях и которое состоит в поддержании и сохранении общегосударственного благоустройства; этим гражданин не может заниматься так, между прочим. Тщательно же предаваться двум занятиям или двум искусствам не способен, пожалуй, ни один человек, по своей природе, так же, как никто не может и сам

достаточно упражняться в чем-либо и руководить чьими-нибудь E
упражнениями. Так вот это-то и должно осуществиться в государстве. Никакой кузнец не должен вместе с тем заниматься и плотничеством; в свою очередь, и плотник не должен более заботиться о чужом кузнечном деле, чем о своем собственном ремесле, под предлогом, будто он должен более заботиться о тех многочисленных рабах, что́ вверены его заботам и работают на него, и будто таким образом он больше преуспеет в своем собственном ремесле. Нет, в государстве каждый дол- 847
жен владеть только одним ремеслом, которое вместе с тем и доставляет ему средства к жизни. Астиномы должны усиленно следить за соблюдением этого закона. Если кто из туземцев склоняется более к какому-нибудь ремеслу, чем к попечению о добродетели, астиномы должны его удерживать от этого упреками и бесчестием, пока он не исправится и не пойдет по своей дороге. Если кто из иностранцев занимается двумя ремеслами, его под страхом наказания тюремным заключением, денежной пеней и высылкой из государства принуждают быть единым B
человеком, а не многими зараз. Что касается вознаграждения и уничтожения изделий, если кто обидит ремесленника или сам будет обижен, то астиномы разбирают дела, не превышающие пятидесяти драхм. Сверх этой суммы решение выносит, согласно закону, общий суд.

Никто в государстве не должен платить никакой пошлины ни за ввозимые товары, ни за вывозимые. Не допускается ввоз ладана и тому подобных иностранных курений, употребляемых C
для религиозных целей; пурпура и окрашенных тканей—раз нет местного производства, и всего того, что́ требуется для ремесл, нуждающихся в каких-либо иностранных товарах, раз в этом нет никакой необходимости; точно так же не разрешается вывоз таких предметов, наличность которых в стране необходима. Во всем этом должны разбираться законохранители; они же будут и ведать всем этим, то есть двенадцать законохранителей, за исключением пяти старших. Что касается оружия и всех других военных орудий, если для этого понадобится ввоз иностранных D
изделий, сортов дерева, металла, предметов годных для связки, или предметов животного происхождения, то здесь гиппархи и стратеги распоряжаются ввозом или вывозом всего того, что́

производит или получает государство. Законохранители установят и здесь подходящие и удовлетворительные законы. Но
и в этом, как и во всем остальном, у нас во всей стране и во
E всем государстве не будет места торговле с целью наживы.

13

Что касается пищи и распределения доставляемых страной
припасов, то здесь правильным, конечно, было бы осуществить
порядок, близко напоминающий Критский закон. Все припасы,
доставляемые страной, должны быть всеми разделены на двенадцать частей и, соответственно, потребляемы. А каждая двенадцатая часть, например, пшеницы, ячменя, всего того, что́ созреет, и всех тех животных, что́ поступают в продажу в каждом округе, будет, по известному расчету, разделена еще на
848 три части: первая часть назначается для свободорожденных
людей, вторая—для их рабов, третья—для ремесленников и вообще иностранцев, как тех, что́ поселились из числа переселенцев, нуждаясь в необходимом пропитании, так и тех, что́ всякий
раз приезжают к нам по государственным или частным надобностям. Только эту третью часть, выделенную из всех необходимых припасов, придется пустить в продажу; из остальных же
двух частей нет никакой необходимости что бы то ни было
продавать. Но как всего правильнее произвести такое разделение?
B Прежде всего ясно, что эти части в одном отношении будут равны между собою, в другом — неравны.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Неизбежно, что одни из припасов уродятся лучше, другие хуже.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Раз это так и раз всех частей три, то часть,
предназначенная для господ, ничем не должна быть обильнее
остальных двух частей, предназначенных для рабов, а равным
образом и для иностранцев. Разделение для всех надо произвести так, чтобы части были вполне равны и в смысле качества
C припасов. Каждый из граждан получает по две части и распоряжается распределением припасов между рабами и свободо-

рожденными людьми по своему желанию, в смысле распределения припасов по их качеству и количеству. Излишек надо распределить соответственно, приняв в расчет число всех живых существ, пищу которым доставляет земля.

Гражданам надо отвести отдельные жилища. Тут был бы пригоден такой порядок. Должно быть двенадцать поселков, по одному в середине каждого округа, составляющего двенадцатую часть страны. В каждом селении надо, прежде всего, выделить площадь для святилища богов, тех, что́ следуют за богами, и D
демонов; это будут либо местные боги магнетов, либо иные древние боги, память о которых хранят сохранившиеся сооружения; их-то и будут почитать граждане так же, как почитали их люди в старину. Повсюду надо воздвигнуть святилища Гестии, Зевса, Афины и того бога, что̀ для каждой двенадцатой части страны является стоящим во главе остальных богов. Вокруг этих святилищ надо, прежде всего, на самом возвышенном месте воздвигнуть здание, представляющее наиболее благоограженный приют для стражей. Ремесленников надо разделить на E
тринадцать частей и распределить их по всей стране; одну же тринадцатую их часть надо поселить в городе, разделив и ее соответственно двенадцати частям всего государства. Прочие ремесленники будут жить в окружности, за пределами города, так что в каждом поселке, вместе с земледельцами, поселится полезный для них род ремесленников. Начальники над агрономами будут иметь попечение обо всех них: сколько какого рода ремесленников требует каждая местность, и какое место их жительства причинит земледельцам всего меньше неприятностей и доставит им всего более пользы. О ремесленниках, живущих 849
в городе, будет иметь попечение, как в каждом отдельном случае, так и вообще, правительственная должность астиномов.

14

О рыночной площади должны иметь попечение агораномы. После надзора за святилищами, расположенными на площади, это попечение будет состоять в том, чтобы никто не портил того, что́ нужно для человека; во-вторых, они должны быть на страже

здравомыслия и наглости и наказывать тех, кто нуждается в на-
B казании. Что касается товаров, то агораномы должны смотреть, чтобы вся продажа городскими жителями своих товаров иностранцам происходила согласно закону. А закон таков: первого числа месяца те из иностранцев или рабов, которые получили на то поручение от горожан, доставляют на рынок ту часть товаров, что̀ назначена в продажу иностранцам, то есть, прежде всего, одну двенадцатую часть всего количества хлеба. В этот первый рыночный день иностранец и должен закупить для себя на целый месяц хлеб и всю остальную пищу. Десятого числа каждого месяца производится, в достаточных размерах, продажа
C и покупка на целый месяц жидких товаров. Двадцать третьего числа производится продажа животных. Каждый продает или покупает, что̀ ему нужно; земледельцы, продают утварь, разные вещи, как, например, шкуры, всякую одежду, ткани, войлок и тому подобное; иностранцам приходится приобретать себе все это путем покупки. Пусть никто не торгует этим в розницу, так же как и ячменной или пшеничной крупой. Пусть никто не продает
D ничего и из прочих всех припасов ни горожанам, ни их рабам; если же кто продает, пусть никто у него ничего не покупает. Иностранец может продавать на рынке иностранцам, ремесленникам и их рабам, занимаясь перепродажей вина и хлеба; это— то, что̀ большинство называет барышничеством. Лесники пусть торгуют лесом в розницу для иностранцев, ремесленников и их рабов. Там же ежедневно иностранец может себе купить, если ему угодно, разного топлива у тех лиц, кто в данной местности получил поручение произвести продажу собранного горючего материала; затем он сам может продать топливо другим
E иностранцам в любое время и в любом количестве. Продажу разных других вещей и утвари в размерах, необходимых каждому, можно производить на общем рынке в определенном месте, где законохранители и агораномы с астиномами обозначат подходящее местоположение и установят предельную цену товарам.

В этих пределах и будет обмениваться монета на вещи и вещи на монету; продавец и покупатель не будут откладывать обмена на будущее время. А кто откладывает обмен, тот, очевидно, доверяет и надеется получить; если он не получит, пусть

удовольствуется этим: правосудие не распространяется на подобного рода взаимный обмен.

Если товар будет куплен или продан в бо̀льшем количе- 850
стве или по более высокой цене, чем то установлено законом,
который определил и прибыль и уступку и запретил выходить
за эти пределы, то излишек записывается у законохранителей,
а недостача зачеркивается. То же самое правило касается и за-
писи имущества переселенцев. Желающий переселиться может
это сделать лишь на определенных условиях. Желающий и мо- B
гущий поселиться иностранец получит жилище, если он владеет
ремеслом, останется в стране не более, как на двадцать лет,
считая со времени записи. Никакой пошлины за право переселе-
ния с него не возьмут; от него требуется только здравомыслие;
с другой стороны, и за право торговли с него не взыщут по-
шлин. Но зато, по истечении срока, он должен взять свое иму-
щество и удалиться. Если же, в течение этих лет, ему удастся
обратить на себя внимание своими благодеяниями по от-
ношению к государству; если он верит, что может убедить C
совет и народное собрание, и что его просьба об отсрочке вы-
селения будет уважена, даже если он испросит позволение по-
жизненно остаться в стране, то пусть он выступит перед сове-
том и народным собранием и, если он убедит государство, то
пусть исполнится то, в чем он убедил их. А у детей метеков,
если они знают ремесла и достигли пятнадцати лет, срок пере-
селения исчисляется, начиная с пятнадцатилетнего возраста.
Затем, по прошествии двадцати лет, они должны отправиться,
куда им угодно. Если же захотят остаться, то и они точно так же
должны убедить государство. До удаления надо вычеркнуть ту D
запись имущества, которую ранее произвели у него правители.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

1

Афинянин. Естественный распорядок законов приводит нас 853
далее к вопросу о судебной ответственности, сопутствующей всем вышеуказанным деяниям. За какие именно деяния должно нести ответственность пред судом, отчасти уже было сказано, поскольку это касается земледелия и смежных с ним областей; но еще ничего не было сказано относительно величайших проступков. Поэтому в дальнейшем следует последовательно разобраться именно в этих проступках, отдельно обсудить каждый из них, чтобы притти к выводу, какое наказание здесь следует
назначать, и каким судьям это будет подсудно. B

Клиний. Верно.

Афинянин. Впрочем, даже как-то позорно то, что̀ мы собираемся теперь делать, то есть, устанавливать подобные законы в таком государстве, которое, по нашему признанию, будет устроено хорошо и получит вообще правильное направление в смысле добродетельных навыков его граждан. И вдруг мы предполагаем, что в подобном-то государстве появится человек, причастный таким величайшим проступкам, которые во всех остальных государствах являются следствием их испорченности. Приходится, таким образом, законодательствовать, предвосхищая события; угрожать на тот случай, если подобный человек
встретится; ради предотвращения подобных поступков и нака- C
зания за них, раз уже они совершены, устанавливать для них законы, точно такие люди непременно встретятся,—вот в этом-то, повторяю, и есть что-то позорное. Мы ведь не то, что̀ древние законодатели. Те были, как теперь рассказывают, и сами божественного происхождения, да и законы свои они давали божьим

чадам, героям, т. е. существам божественного происхождения. Нет, мы — люди и даем теперь законы человеческому семени; поэтому мы вправе бояться, что у нас встретятся граждане с при-
D родой неподатливою, точно рог[81], так что их ничем не проймешь. Как те семена не поддаются огню, так и они неподатливы законам, даже столь сильным законам. Так вот эти люди, привлекают меня высказать непривлекательный[82] закон относительно святотатства, на случай если кто отважится на такое дело. Впрочем, не хотелось бы даже и ожидать, что получивший правильное воспитание гражданин может когда-либо остро заболеть этою болезнью; зато много попыток подобного рода можно ожидать со
854 стороны прислуги граждан, иностранцев и их рабов. Ради них в особенности — впрочем, остерегаясь и вообще слабости человеческой природы — я выскажу закон о святотатстве и о всех тому подобных преступлениях, поскольку они трудно исцелимы или даже вовсе неисцелимы.

Согласно вышеустановленному правилу, и здесь надо предпослать вступление, однако, возможно краткое. Вот что̀ можно сказать в увещание, когда беседуешь с человеком, которого злая страсть к святотатству одолевает днем и не дает покоя
B ночью: „Странный ты человек, это не человеческое и не божеское зло побуждает тебя теперь итти на святотатство; нет, это какое-то жало, внедрившееся в людей из-за старых, не искупленных очищением, проступков; оно-то губит и терзает тебя; его надо всеми силами остерегаться. Узнай, в чем состоит эта осторожность. Когда тебе придет в голову подобного рода мысль, прибегни для ее отвращения к жертве Зевсу; прибегни, как умоляющий, к святыням богов, отвращающих несчастья; прибегни к общению с людьми, признаваемыми у вас хорошими. То слушай их
C речи, то пробуй сам высказываться о том, что всякий человек должен почитать прекрасное и справедливое; без оглядки беги общества людей дурных. Если от исполнения всего этого уймется твоя болезнь, тем лучше; если же нет, считай, что для тебя лучше смерть, и простись с жизнью!“.

2

Вот как гласит наше вступление для людей, замышляющих
всякие нечестивые и пагубные для государства деяния. Закон
должен безмолвствовать для повинующихся; для ослушника же,
вслед за вступлением, он гласит во всеуслышание: кто будет пой-
ман в святотатстве, тому, если это раб или иностранец, отметят
лицо и руки клеймом его несчастья, того подвергнут стольким D
ударам, сколько решат судьи и, в нагом виде, выгонят за пре-
делы страны.

Возможно, что такое наказание исправит и образумит его.
Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду
причинить зло. Нет, действие наказания производит одно из
двух: оно делает наказываемого или лучшим или менее испорчен-
ным[83]. Но если будет обнаружено, что подобный поступок
совершен каким-нибудь гражданином, который нанес великое, не- E
сказанное оскорбление богам, своим родителям, государству, то
судье придется считать его уже неисцелимым, принимая в расчет,
какое воспитание получил этот гражданин, как он был взрощен
с детства, а все-таки не удержался от величайшего зла. Нака-
зание такому человеку — смерть, это еще самое малое из зол;
для остальных граждан полезным примером будет служить бес-
славие преступника и то, что его труп будет выброшен за пре- 855
делы страны. Его детям и его роду, если они не будут походить
нравами на своего отца, — честь и слава; все будут говорить,
что они хорошо и мужественно перешли от зла к добру. Иму-
щество кого-либо из подобных преступников государству не
подобало бы конфисковать, раз наделы в нем всегда должны оста-
ваться одними и теми же и равными. Зато надо наказывать денеж-
ною пеней, когда окажется, что за проступок можно возме-
стить деньгами; эту пеню взимают из того имущества, которое
окажется излишним сравнительно с наделом; однако, размер
денежной пени не должен превышать этого излишка. Для этой B
цели законохранители должны тщательно просматривать записи
и всякий раз сообщать точные данные судьям, чтобы никто ни-
когда не оказался лишенным надела из-за недостатка денег.

*

Если кто-нибудь будет признан заслуживающим большей пени,
причем его друзья не захотят за него поручиться и в склад-
чину внести за него пеню, чтобы освободить его, то его нака-
зывают долговременным тюремным заключением и еще какими-
нибудь явными поношениями.

C Вообще никто никогда не должен оставаться безнаказанным[84]
за какой бы то ни было проступок, даже если совершивший
его бежит за пределы государства. Наказанием должны быть:
смерть, тюремное заключение, удары, какие-нибудь унизитель-
ные места для сидения, стояния или околостояния[85] в святили-
щах на окрайне страны; или наказанием должны быть денеж-
ные пени, как это мы сказали ранее. Судьями по вопросу о
назначении смертной казни пусть будут законохранители и
особый суд, выбранный из наиболее отличившихся прошло-
D годних правителей[86]. Младшим законодателям надлежит иметь
попечение о таких вопросах, как подача дела в суд, вызов
в суд и тому подобное, — вообще о том, как все это должно со-
вершаться.

Нашей же задачей будет установить закон относительно по-
дачи голосов. Голосование пусть будет установлено открытое.
Еще до начала его судьи должны занять места, в возможно близ-
ком соответствии с их возрастом, прямо против истца и обви-
няемого. Все те граждане, у кого есть досуг, пусть отнесутся
E с серьезной внимательностью к такому суду. Сперва слово пре-
доставляется истцу, затем обвиняемому. После их речей ста-
рейший из судей начинает допрос, обращая тщательное внима-
ние на их показания; после старшины и все остальные судьи
последовательно должны разобрать, что̀ им, так или иначе, же-
лательно узнать из показаний или умолчаний обеих тяжущихся
сторон. У кого из судей нет такого желания, тот передает даль-
нейший допрос другому. Запись показаний, которые окажутся
идущими к делу, следует запечатать, скрепив ее печатью всех
856 судей, и положить на жертвенник Гестии. На другой день судьи
снова собираются вместе и точно так же, путем расспросов, раз-
бирают дело и опять-таки скрепляют своей печатью запись по-
казаний. Так поступают трижды; затем, когда собрано доста-
точно доказательств и показаний свидетелей, каждый судья по-
дает свой священный голос[87], обещаясь пред Гестией судить, по

мере сил, справедливо и верно. Таким именно образом заканчиваются подобные судебные дела.

3

После преступлений против богов идут преступления, касаю- B
щиеся ниспровержения существующего государственного строя.
Кто проводит своего ставленника[88] на правительственную долж-
ность, не считаясь с законами, и заставляет государство подчи-
няться партиям, того, раз он при этом прибегает к насилию, воз-
буждая противозаконное восстание, надо считать самым отъ-
явленным врагом всего государства в его целом. А кто, хотя и
не походит ни на кого из подобных людей, но, при отправлении
главнейших должностей в государстве, не обратил внимания на
подобные явления, или, хотя и обратил, но из трусости не встал
на защиту отечества, такого гражданина следует поставить на C
втором месте в смысле плохих его качеств.

Всякий человек, если он мало-мальски полезен, должен опо-
вещать правительство о заговорах, имеющих целью насиль-
ственное и, вместе с тем, противозаконное изменение государ-
ственного строя, и привлекать заговорщика к суду. Судьями
пусть будут для них те же лица, что и для святотатцев; весь
ход судебного дела будет тоже такой же, как и в первом случае; по
большинству голосов присуждают виновного к смертной казни.
Посрамление и наказание отца не распространяется ни на кого
из детей; исключение составляет тот случай, когда и отец, и дед, D
и отец деда, все последовательно, были присуждены к смерти.
В этом случае государство подвергает таких лиц высылке —
причем они сохраняют свою собственность, за исключением
всего того, что̀ относится к полному оборудованию их надела —
обратно на их исконную родину, в их государство. Но если
у гражданина детей не один, а несколько, причем им испол-
нилось уже десять лет, то путем жребия выбирают десять чело-
век, в пользу которых высказался отец или дед с отцовской или
материнской стороны; имена вынувших жребий сообщаются
в Дельфы. Кого изберет бог, тот вступает в дом, в качестве на- E
следника, на лучшее для него счастье, чем те, кто оставил дом.

Клиний. Отлично.

Афинянин. В-третьих, тот же закон будет касаться судей, которым придется судить по таким делам, и способа судопроизводства, когда кого-нибудь привлекут к суду по обвинению в измене.

Также и относительно пребывания в стране потомков преступника, их выхода на родину, — относительно всего этого будет установлен один закон, одинаковый для всех трех видов
857 преступников: для изменника, для святотатца и для того, кто насилием ниспровергает законы государства.

Для вора, уворует ли он что-нибудь большое или какую-нибудь мелочь, будет опять-таки установлен один закон и одно судебное взыскание, одинаковое для всех воров. Прежде всего, вору придется в двойном размере возместить стоимость украденного, раз он будет уличен в воровстве и прочее его имущество, сверх надела, позволяет ему выплатить такую пеню; в противном случае он будет подвергнут тюремному заключению, пока не уплатит или не примирится с своим обвинителем.
b Если кто будет уличен публично в краже, то он может освободиться из тюрьмы, лишь получив прощение со стороны государства, или уплатив вдвойне стоимость украденного.

Клиний. Хорошо ли мы говорим, чужестранец, что для вора вовсе не надо делать различий, украдет ли он что-нибудь значительное или мелочь, украдет ли из святилищ или из священного достояния, и так далее? Все это далеко не безразлично для кражи, а раз это так разнообразно, то, следовательно, и законодателю надо установить отнюдь не одинаковые наказания.

4

Афинянин. Очень хорошо, Клиний, что ты меня как бы раз-
c будил и не дал занестись далеко. Ты напомнил мне то, о чем и раньше мне приходила мысль: все относящееся к законодательству никоим образом и никогда еще не бывало правильно выработано до конца, по крайней мере, в затронутом теперь случае. Но, опять-таки, что̀ тут сказать? Не плохо было бы наше срав-

нение всех нынешних людей, для кого даются законы, с рабами, которых лечат также рабы. Надо твердо усвоить следующее: если бы какой-нибудь врач из числа тех, что̀ применяют врачевание опытным путем, а не научно, застал свободорожденного врача в беседе со своим, тоже свободорожденным, пациэнтом, D причем этот врач в своих речах близко подходил бы к философии, касаясь самого источника болезни и, следовательно, обсуждая вообще природу тел, — так вот врач-раб сейчас же расхохотался бы и обратился бы с такими словами, какие всегда бывают на языке в подобных случаях у большинства так называемых врачей. Вот что он сказал бы: „ах ты, чудак, да ты не лечишь больного, а чуть что ни воспитываешь его, точно ему надо не выздороветь, а стать врачем!“. E

Клиний. Разве он не был бы прав, говоря это?

Афинянин. Быть может, если при этом он думал, что тот, кто разбирает вопрос о законах так, как разбираем сейчас мы, воспитывает граждан, а не только дает им законы. Не кажется ли тебе уместным этот его взгляд?

Клиний. Пожалуй.

Афинянин. Мы находимся в настоящее время в счастливом положении.

Клиний. Почему?

Афинянин. Потому что у нас нет никакой необходимости давать законы; нет, мы сами занимаемся рассмотрением всего, 858 что̀ касается государственного строя, и пытаемся распознать, каким образом может быть осуществлено то, что̀ всего лучше и что́ всего более необходимо. Вот и сейчас мы можем, конечно, если хотим, рассмотреть то, что́ является наилучшим; или, если хотим, то можем рассмотреть, что́ является наиболее необходимым в области законов. Выберем же одно из двух.

Клиний. Смешной выбор нам предстоит, чужестранец. Вот уже когда мы уподобились бы тем законодателям, которых величайшая необходимость заставляет законодательствовать немедленно, так как завтра уже нельзя будет делать это. А ведь мы, слава B богу, можем, точно каменщики, или те, что̀ начинают возводить какую-нибудь иную постройку, собрать груду строительного материала, чтобы оттуда выбрать подходящее для будущей постройки; да и самый этот выбор мы можем произвести на досуге.

Итак, допустим, что мы сейчас не те люди, кого необходимость заставляет строить дом, а те, кто на досуге то сравнивает один материал с другим, то пробует их составлять. Стало быть, мы в праве сказать, что часть законов уже установлена, другие же
C сопоставлены рядом для сравнения.

Афинянин. Итак, Клиний, предпочтем естественный общий обзор законов. Ради богов, обратим внимание вот на какую деятельность законодателей.

Клиний. На какую?

Афинянин. В государствах есть много писанных произведений, написано много сочинений разными лицами; в том числе есть писания и сочинения законодателя.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Неужели мы станем обращать внимание только
D на писания остальных лиц: поэтов, писавших в стихах, или прозаиков, изложивших для памяти свои взгляды на жизнь, а на сочинения законодателей не обратим внимания? Или, напротив, всего более на них?

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Не должен ли преимущественно из всех писателей только законодатель изложить свои взгляды на прекрасное, благое и справедливое? не должен ли он объяснить их смысл и то, как их надо применять тем, кто намеревается быть счастливым?

Клиний. Разумеется.

E Афинянин. Разве более позорно Гомеру, Тиртею и остальным поэтам плохо изложить в своих сочинениях взгляды на жизнь и на ее устроение, чем Ликургу, Солону[89], вообще тем, кто, став законодателем, написал сочинения? Или кажется правильным то, чтобы из всех сочинений, имеющихся в государствах, сочинения, написанные о законах чаще развертывались, так как они гораздо прекраснее и лучше; чтобы сочинения остальных писателей были согласованы с этими, или чтобы, в случае разногласия, они считались достойными осмеяния? Не таково ли наше убеждение относительно того, как в государствах должна происходить запись законов? Эти сочинения должны казаться произведением лиц разумных и любвеобильных, на подобие отца
859 и матери. Неужели надо считать дело оконченным, если на сте-

нах напишешь законы, установив их, как тираннический владыка, и снабдив их угрозами?!

Так вот, давайте и мы с вами разберем теперь нашу попытку высказывать именно такие убеждения относительно законов. По силам ли это нам или нет, — все равно — таково наше ревностное желание. Если, идя по этому пути, нам и придется кое в чем пострадать, пострадаем; ведь это было бы благом, а если будет на то божья воля, именно так и осуществится. B

Клиний. Прекрасные слова. Мы поступим так, как ты говоришь.

5

Афинянин. Следовательно, как мы и попытались, сперва надо тщательно рассмотреть вопрос о святотатцах, всякого рода воровстве и всех преступлениях вообще. Не надо беспокоиться, если среди законодательной работы мы одно уже установили, другое же еще только подвергаем рассмотрению. Ведь мы еще C не законодатели; мы только ими становимся и, возможно, скоро станем ими. Так вот, давайте, если вы согласны приступить к рассмотрению, рассмотрим то, о чем я говорил, и именно так, как я говорил.

Клиний. Разумеется, мы согласны.

Афинянин. Относительно всего прекрасного и справедливого попробуем распознать следующее: в чем мы здесь между собой согласны теперь, а в чем мы сами с собою не согласны; ведь мы-то высказали бы живейшее желание хоть этим, если не чем другим, отличиться от толпы; затем опять-таки посмотрим, D в чем здесь согласна или нет сама с собой толпа.

Клиний. Какие это заметил ты у нас разногласия?

Афинянин. Попробую выяснить. Относительно справедливости вообще, справедливых людей, поступков и деяний мы все как-то согласны, что все это прекрасно. Стало быть, если утверждать, что справедливые люди, даже с безобразным телом, все прекрасны именно этими своими наисправедливейшими нравственными качествами, то, пожалуй, в этих словах не покажется E ничего несообразного.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Возможно. Теперь, раз все причастное справедливости прекрасно, посмотрим, относятся ли у нас ко всему этому и страдания наравне с действиями.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Ведь всякое справедливое действие, пожалуй, лишь поскольку причастно справедливости, постольку же является причастным и красоте.

Клиний. В чем дело?

Афинянин. Следовательно, и страдание, причастное спра-
860 ведливости, становится постольку прекрасным; если мы согласимся с этим, то в нашем рассуждении не будет противоречия.

Клиний. Верно.

Афинянин. Если же относительно справедливого мы согласимся, но признаем, что страдание безобразно, то получится противоречие между справедливым и прекрасным, раз мы сказали, что в данном случае справедливое является самым безобразным.

Клиний. Как это ты говоришь?

Афинянин. Очень легко сообразить. Дело в том, что установленные нами немного ранее законы могли бы показаться идущими совершенно вразрез со всем нынешним рассуждением.

Клиний. С каким именно?

b Афинянин. Мы установили, что святотатец справедливо должен умереть; то же самое и враг хорошо установленных законов. Собираясь установить великое множество таких узаконений, мы приостановились, видя, что в таком случае будет бесконечно много, и по числу и по размеру, страданий, которые, правда, наиболее справедливы из всех страданий, но зато и наиболее безобразны из всех них. Не будет ли казаться нам справедливое и прекрасное то одним и тем же, то совершенно противоречащим одно другому?

Клиний. Чего доброго, случится и так.

c Афинянин. Вот почему толпа и выражает такие небрежно несогласованные взгляды об этом, т. е. о прекрасном и о справедливом.

Клиний. Повидимому, так, чужестранец.

Афинянин. Так вот, Клиний, давайте снова посмотрим, как

обстоит у нас дело в смысле согласованности взглядов на этот счет.

Клиний. В смысле согласованности чего с чем?

Афинянин. В предшествующей беседе, думается мне, я с полной определенностью высказался об этом; если же этого не было, позвольте мне сказать сейчас.

Клиний. О чем?

Афинянин. Вот что: все злые люди бывают во всем злыми D
лишь против воли; а раз это так, то отсюда необходимо вытекает и дальнейшее следствие —

Клиний. Какое?

Афинянин. Человек несправедливый зол; но злой человек бывает таким против воли. Против воли совершать что-нибудь добровольное не имеет смысла. Итак, для того, кто установил, что несправедливость совершается против воли, человек, совершающий несправедливость, должен казаться совершающим это против своей воли. С этим и я также должен согласиться; дело в том, что и я утверждаю, что все совершают несправедливости
лишь против своей воли. Если же кто станет утверждать, что E
люди бывают несправедливы против своей воли из-за соревнования или честолюбия, но что все-таки многие добровольно совершают несправедливости, то я соглашусь с первым, но не со вторым. Однако, в чем же согласованность моих слов? Не зададите ли вы мне такой вопрос, Клиний и Мегилл: „Если дело обстоит так, чужестранец, то каков будет твой совет относительно законодательства для государства магнетов. Стоит ли законодательствовать или нет?“ — Конечно, стоит, отвечу я. — „Следовательно, ты разграничишь недобровольные и добровольные несправедливые поступки, и мы установим бóльшие наказания за добровольные погрешности и несправедливости, а за недобро-
вольные — меньшие. Или за все мы назначим равные наказания, 861
раз уже вовсе нет добровольных несправедливостей?“.

Клиний. Конечно, ты прав, чужестранец; но как же нам применить то, чтó теперь сказано?

Афинянин. Прекрасный вопрос. Мы его применим прежде всего вот как.

Клиний. Как?

6

Афинянин. Вспомним, что ранее мы прекрасно выразились: относительно справедливости у нас какая-то полнейшая сумятица и несогласованность. Исходя из этого, зададим снова сами
B себе вопрос: раз мы не выбрались из этого затруднительного положения и не разграничили, чем разнятся добровольные и невольные поступки друг от друга, между тем, как во всех государствах всеми когда-либо бывшими законодателями признано существование двух видов несправедливых поступков: одни добровольные, другие — невольные, — то неужели же так-таки это и будет установлено законом? Неужели мы ограничимся только тем, что вот высказали сейчас известное положение, точно это изречение бога, но вовсе не обоснуем его правильность, а прямо,
C так или иначе, возведем его в закон? Нет, это невозможно; необходимо, прежде чем давать законы, разъяснить эти два вида поступков и их различие, чтобы всякий, когда будет назначать наказание за поступок, относящийся к первому или второму виду, мог руководиться высказанным положением и был бы в состоянии так или иначе судить о том, подходит ли данное установление, или нет.

Клиний. Мне кажется, ты прав, чужестранец. И вот нам предстоит одно из двух: или отказаться от утверждения, что все несправедливые поступки совершаются против воли, или же
D сперва определенно выяснить правильность нашего утверждения.

Афинянин. Из этих двух возможностей первая для меня совершенно неприемлема, именно: отказаться от утверждения того, что́ считаешь истинным. В самом деле, это было бы и незаконно и нечестиво. Надо попробовать так или иначе пояснить, каким образом можно, по иному признаку, разделить эти поступки на два вида, если уже отказаться от различия их по тому признаку, что одни из них добровольны, другие же совершаются против воли.

Клиний. Мы, чужестранец, совершенно не можем мыслить об этом как-нибудь иначе.

E Афинянин. Пусть так и будет. Ну, а вреда-то граждане, конечно, не мало причиняют друг другу при взаимных общениях и

сношениях, причем и здесь в изобилии встречается элемент добровольности или невольности.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так вот, пусть не считают, при отнесении всех видов вреда к несправедливости, что здесь бывает два вида несправедливых поступков: во-первых — добровольные, во-вторых — невольные. Дело в тот, что вред, причиняемый невольно, и по количеству и по размерам, не уступает всякого рода добровольно наносимому вреду. Посмотрите, имеют ли мои слова 862
какое-нибудь отношение к тому заданию, какое я себе поставил, или вовсе не имеют никакого отношения? Дело вот в чем: я лично, Клиний и Мегилл, утверждаю, что когда один человек причиняет, совсем не желая того, невольно, вред другому, то он совершает несправедливый поступок, однако, совершает его невольно. Поэтому я, при законодательстве, установлю законом, что этот проступок есть невольная несправедливость. Но я вовсе не стану относить этот вид вредоносных поступков к несправедливости вообще, все равно, в каких бы размерах кому бы он ни был нанесен. Если мое мнение победит, то нередко мы станем утверждать, что несправедливый поступок совершен и тем, кто является виновником какой-нибудь услуги, оказанной неправильным путем. Дело, пожалуй, вот в чем, друзья мои: не B
по тому приходится считать так-таки попросту одно справедливым, а другое несправедливым, что вот человек дал кому-нибудь что-либо свое или, наоборот, отнял у кого-нибудь; нет, законодателю надо наблюдать, каковы по отношению к справедливости были намерения и образ действий человека при оказании кому-нибудь услуги или при нанесении вреда; надо обращать внимание на две различные стороны: на несправедливость и на вред. При помощи законов надо, насколько возможно, восстановить нанесенный вред, спасая то, что́ гибнет, воздвигая то, что́ упало по чьей-либо вине, восстанавливая то, что́ умерщвлено C
или ранено. Коль скоро проступок искуплен возмездием, надо попытаться, при помощи законов, из каждого случая раздоров и нанесения вреда сделать повод для установления между виновником и пострадавшим дружеских отношений.

Клиний. До сих пор все прекрасно.

Афинянин. В свою очередь, что касается несправедливого,

из-за корысти, нанесения вреда, когда кто, путем совершения несправедливостей, способствует обогащению кого-нибудь, то поскольку это зло исцелимо, его надо исцелить, считая это душевной болезнью. Надо признать, что, по нашему, исцеление от несправедливости клонится вот в какую сторону —

Клиний. В какую?

D Афинянин. Чтобы всякого, совершившего большой или малый несправедливый проступок, закон наставил и принудил или уже вовсе никогда не отваживаться на повторение чего-либо подобного по доброй воле, или совершать это в значительно меньшей степени; кроме того, надо возместить нанесенный вред. Делом ли или словом, наслаждением или скорбью, почетом или бесчестием, денежными пенями или дарами, словом, вообще каким бы то ни было образом заставить человека возненавидеть несправедливость, а полюбить или, по крайней мере, не ненавидеть природу справедливости, — это и есть задача наилучших
E законов. Если законодатель заметит, что человек неисцелим в этом отношении, он назначит ему наказание и установит какой-нибудь закон. Законодатель сознаёт, что для самих этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью; они этим самым вдвойне принесли бы пользу всем остальным людям: они послужили бы примером для остальных. в том смысле, что не следует поступать несправедливо, а к тому же
863 избавили бы государство от присутствия дурных людей. Таким образом законодатель вынужден назначить в наказание таким людям именно смерть, а не что̀ иное.

Клиний. Повидимому, ты очень удачно все это выразил; однако, мы с большим удовольствием выслушали бы это еще раз в более ясном виде, именно: разницу между несправедливостью и вредом и как при этом разнообразно привходит элемент добровольности и невольности.

7

Афинянин. Попытаюсь в своей речи исполнить ваше же-
B лание. Дело вот в чем: ясно, что вы при взаимных разговорах де́ржитесь, по крайней мере, такого взгляда на душу: в природе

есть не то какое-то состояние, не то какая-то ее часть—запальчивость; это противоречащее и противоборствующее свойство внедрилось в душу и своею неразумной силой ниспровергает все.

Клиний. Да, так.

Афинянин. А наслаждение мы не отожествляем с запальчивостью; оно владычествует, говорили мы, вследствие силы, противоположной запальчивости; убедительными доводами, соединенными с насильственным обманом, оно осуществляет все, чего только ни пожелает его воля.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Не будет ошибкой, в качестве третьей причины C
заблуждений, указать на неведение. Со стороны законодателя было бы лучше разделить это неведение на два вида: простое неведение, которое можно считать причиной легких заблуждений, и двойное, когда невежда одержим не только неведением, но и мнимой мудростью, точно он вполне сведущ в том, чтó ему вовсе неведомо. Если сюда присоединяется сила и мощь, то это можно считать причиной великих, чуждых музам, заблуждений; если же сюда присоединяется слабость, то тогда происходят
заблуждения детские и старческие; при общем распорядке зако- D
нов это тоже надо считать заблуждениями, а лиц, их совершающих — заблуждающимися; но в этом случае законы относятся к виновным очень мягко и полны снисходительности.

Клиний. Твои слова естественны.

Афинянин. Пожалуй, мы все признаéм, что одни из нас сильнее наслаждений и запальчивости, другие же слабее, — вот как обстоит дело.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Но неслыхано, чтобы одни из нас были сильнее неведения, а другие слабее.

Клиний. Вполне правильно. E

Афинянин. Все эти три свойства, т. е. запальчивость, наслаждение и неведение, направляют нас в сторону удовлетворения предмета их желаний; вместе с тем нередко они влекут нас в совершенно противоположные стороны.

Клиний. Да это часто бывает.

Афинянин. Так вот теперь я могу ясно и прямо определить, как я понимаю различие между справедливостью и несправедли-

востью. Тиранническое господство в душе запальчивости, страха,
наслаждения, скорби, зависти и страстей я считаю вообще неспра-
ведливостью, все равно наносит ли это кому вред или нет. На-
864 против, преобладающее в душе представление о высшем благе,—
каких бы воззрений ни держалось государство или частные лица
на возможность его достижения,—упорядочивает всякого чело-
века; хотя бы он и совершил какой-нибудь ложный шаг, все
равно надо считать вполне справедливым поступок, совершен-
ный таким образом, и все, что́ происходит под руководством
такого начала, является наилучшим для всей жизни человече-
ской. Многие относят подобного рода нанесение вреда к неволь-
ной несправедливости; мы сейчас не станем спорить из-за на-
B званий; зато прежде всего еще более запомним выяснившееся
существование трех видов заблуждений. Итак, скорбь которую
мы обозначили как запальчивость и страх, составляет у нас один
вид.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Второй вид—заблуждения, проистекающие из-за
наслаждения и, с другой стороны, из-за страстей; третий вид —
стремление к осуществлению надежд и правильного предста-
вления о наивысшем благе. Разделив этот третий вид на две
части, мы получим пять видов заблуждений, как это мы и гово-
C рили. Для этих пяти видов надо установить два взаимно различ-
ные рода законов.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Один — для явно-насильственных действий, другой — для поступков, совершаемых втайне среди мрака, путем обмана. Впрочем, бывают поступки, где налицо и то и другое. В этом случае законы должны были бы быть наиболее суровыми, если только они соблюдают надлежащее соотношение.

Клиний. Естественно.

8

Афинянин. Далее возвратимся опять к тому, что́ было
нашим исходным пунктом, и будем продолжать установление
D законов. Помнится, мы установили законы относительно свято-
татцев, изменников и тех, кто извращает законы с целью нис-

провержения существующего государственного строя. Человек
может, пожалуй, совершить подобный поступок под влиянием
безумия, болезней или чрезмерной старости, — все это ничуть
не разнится от детского состояния. Если о преступлении поста-
влены будут в известность судьи, выбранные в каждом отдель-
ном случае, причем об этом заявит или сам совершивший пре-
ступление или же защитник преступника, и если будет признано,
что человек преступил законы, находясь в одном из указанных
состояний, то он должен попросту возместить вообще тот вред, E
который он кому-нибудь нанес, а от всей прочей судебной воло-
киты он будет избавлен; исключение составляет тот случай,
когда убивший кого-нибудь не очистил своих рук от убийства.
В этом случае он должен удалиться в другую страну, в другое
место и там провести в отлучке целый год; если он вернется до
истечения определенного законом срока и вступит, где бы то
ни было, на родную землю, то законохранители должны поса-
дить его в государственную тюрьму, причем он может быть вы-
пущен из нее лишь по истечении двух лет.

Раз уже мы начали говорить об убийстве, попробуем устано- 865
вить до конца законы относительно всех видов убийств. Прежде
всего поговорим об убийствах, совершаемых невольно и пу-
тем насилия. Если кто на состязании или на государственных
играх невольно убьет человека, с которым он находится в дру-
жеских отношениях,—все равно, последует ли смерть сразу, или
потом, из-за полученных ударов, — или если кто убьет точно
так же на войне или на подготовительных военных маневрах,
устраиваемых правителями для упражнения, причем военные
действия воспроизводятся либо с применением какого-нибудь
оружия, либо без него, то человек должен очиститься согласно
полученному на этот случай из Дельф закону, а затем он счи- B
тается уже чистым. Это касается и всех врачей, если, против их
воли, их пациэнт умрет; в этом случае врач считается, согласно
закону, чистым. Если кто кого убьет, хотя и невольно, но
собственноручно, силою ли своего тела, оружием ли, стрелою ли,
тем ли, что даст ему что-нибудь выпить или съесть, тем ли, что
прибегнет к огню или холоду, или тем, что лишит его возмож-
ности дышать, словом, силою ли своего тела или чрез посред-
ство иных тел, все равно он считается вообще человеком, убив-

C шим собственноручно. Наказание ему будет следующее: если он убьет раба, принимая его за своего собственного раба, то он должен возместить хозяину умершего раба причиненный вред и убыток; иначе ему придется, в наказание, вдвойне оплатить стоимость умершего раба. Определение стоимости установят судьи. Очищений в этом случае будет больше и они многочисленнее, чем для убивших на играх. Решить этот вопрос
D правомочны избранные богом истолкователи. А кто убьет своего раба, то, по совершении очищений, ему, согласно закону, не ставится в вину убийство. Кто невольно убьет свободорожденного человека, пусть прибегнет к тем же очищениям, что́ и человек, убивший раба. Однако, пусть он отнесется при этом с почтением к одному старинному поверью из числа самых древних. Рассказывают, что насильственно умерщвленный человек, проведший свою жизнь в том образе мыслей, какой свойственен свободорожденному человеку, гневается на убийцу за свою преждевре-
E менную смерть и, будучи сам полон страха и ужаса из-за испытанного насилия, наводит страх на убийцу, если видит, что тот продолжает жить в тех местах, что́ были обычны для покойного; полный тревоги сам, покойник из всех сил тревожит и самого убийцу, причем союзником ему в этом деле служит память, и вносит тревогу во все его дела. Поэтому убийца должен уступить своей жертве и удалиться из всех родных для покойного местностей его отечества на целый год. Если покойный был иностранец, то убийца должен на такой же срок покинуть страну
866 иностранца. Кто добровольно повинуется этому закону, того ближайший родственник покойного, который был свидетелем всего происшедшего, должен простить и вообще примириться с ним. Если же ослушник, который прежде всего еще и не очистился от убийства, посмеет отправиться в святилища и приносить жертвы, да вдобавок не пожелает выполнить указанного срока отлучки, то ближайший родственник покойника должен
B преследовать его по суду за убийство; в случае обвинительного приговора все меры наказаний применяются в двойном размере. Если же этот ближайший родственник не возбудит судебного преследования за происшедшее, то всякий желающий может возбудить против него дело, как против человека, на которого перешла скверна и обратилось страдание пострадавшего; в та-

ком случае его можно заставить, по закону, покинуть свое отечество на пять лет. Если иностранец невольно убьет иностранца из числа проживающих в государстве, его может преследовать по суду всякий желающий, на основании тех же самых законов. Если это метек[90], то пусть он удалится на один год; если же он C
является всецело иностранцем, то в случае убийства, иностранца ли, метека ли или горожанина, он должен на всю жизнь покинуть страну, где действуют эти законы. Если он, вопреки законам, возвратится, то законодатели пусть накажут его смертью, а его имущество, какое у него есть, пусть передадут ближайшему родственнику пострадавшего. Если он возвратится против своей воли, например, если морской бурей будет выброшен на берег этой страны, то он может раскинуть палатку, однако, лишь на самом берегу, так чтобы вода касалась его ног; здесь должен он D
ожидать первого представляющегося случая к отплытию. Если же кто-либо насильно поведет его вглубь страны, то пусть его высвободят представители первой попавшейся правительственной должности и отправят его, целым и невредимым, обратно в прибрежную полосу. Если кто собственноручно убьет свободорожденного, причем это будет сделано в запальчивости, то здесь надо различать два случая: совершен ли поступок в состоянии запальчивости, то есть, в том случае, если внезапно и непреднамеренно, под влиянием мгновенного порыва, причиняют человеку смерть ударами или чем-нибудь тому подобным, E
а затем сейчас же возникает раскаяние в совершонном поступке; точно так же под влиянием запальчивости действуют и в том случае, когда замышляют отомстить за нанесенную ранее обиду словами или бесчестными делами и, впоследствии, с намерением убить, действительно убивают обидчика; в этом случае не возникает раскаяния в совершонном поступке. Стало бытъ, надо различать, повидимому, два вида убийства, и чуть ли ни оба эти вида совершаются под влиянием запальчивости; всего справедливее было бы сказать, что они занимают середину между добровольными и невольными преступлениями. Впрочем, нет: 867
и тот и другой вид убийства имеют сходство либо с добровольным, либо с невольным действием. Ведь тот, кто подавляет запальчивость, не действует прямо-таки внезапно, но намеренно откладывает свое мщение на будущее время; такой

человек подобен действующему добровольно. Напротив, человек, необузданный в гневе, так-таки сразу поддающийся ему и не отдающий себе отчета в своих намерениях, подобен действующему невольно, но, в свою очередь, и он не является действующим вполне невольно — здесь только внешнее сходство
B с невольным поступком. Вот почему трудно разграничить те случаи убийства, что̀ совершены под влиянием запальчивости, в том смысле, какие из них закон должен признать добровольными, а какие — невольными. Всего лучше и всего согласнее с истиной было бы признать это их внешнее сходство и различить оба эти вида поступков по признаку их преднамеренности или же непреднамеренности, а затем назначить по закону для тех, кто в гневе совершил преднамеренное убийство, наказание более тяжелое, а для тех, кто совершил это непреднамеренно
C и внезапно, — более легкое. В самом деле: за большее зло естественно назначить большее наказание, а за меньшее — меньшее. Так должны поступить и мы в наших законах.

Клиний. Конечно.

9

Афинянин. Снова вернувшись к нашему заданию, мы скажем вот что: если кто собственноручно убьет свободорожденного человека и совершит это непреднамеренно, в состоянии гнева, то виновный должен подвергнуться всем тем же наказаниям, что̀ и тот, кто убил не в состоянии запальчивости, то есть: ему придется на два года отправиться в изгнание в наказание за свою запальчивость. Если же кто совершит убийство хотя
D и в состоянии запальчивости, но преднамеренно, то он подвергнется всем тем наказаниям, что̀ указаны в первом случае, но вместо двух лет изгнания, ему назначается три года, то есть более продолжительный срок в наказание за более сильную степень запальчивости. А что касается обратного возвращения этих лиц, то здесь пусть соблюдается вот что: вполне точные законы дать тут трудно; так, бывают случаи, когда из этих двух видов убийства тот вид, что̀ законом признан более тяжким, на самом деле оказывается более легким, и обратно, то есть тот вид, который законом признан более легким, оказывается

на деле более тяжелым, причем во всех обстоятельствах, связанных с убийством, один человек действует более жестоко, другой — более мягко. Впрочем, по большей части все происходит так, как мы теперь говорим. Во всем этом должны разби- E
раться законохранители. После того, как истечет время изгнания для каждого из этих двух видов преступников, законохранители пусть пошлют двенадцать судей к границам страны с тем, чтобы они за это время еще точнее рассмотрели деяния изгнанников и вынесли решение относительно совестливости изгнанников и обратного их допущения в государство. А изгнанники со своей стороны должны будут подчиняться решениям этих правительственных лиц. Если же, по своем возвращении, 868
кто-нибудь из находившихся в изгнании опять совершит тот же самый поступок, будучи побежден гневом, то ему назначается изгнание уже без права возвращения; если же он все-таки возвратится, то его надо подвергнуть тому же, чему подвергается иностранец в случае своего вторичного прихода после высылки [91].

Кто убьет своего собственного раба, пусть подвергнется очищениям; кто же убьет в запальчивости чужого раба, пусть вдвойне возместит убытки его владельцу. Всякий убийца, не послушавшийся закона, не подвергнувшийся очищению, осквернивший своим присутствием рыночную площадь, игрища и все остальные святыни, может быть привлечен к суду всяким же- B
лающим, равно как и тот родственник покойного, который позволяет убийце это делать; по суду его можно принудить уплатить в двойном размере пеню и вдвойне подвергнуть остальным мерам взыскания. Полученная пеня поступает, по закону, в пользу того, кто подал дело в суд. Если раб в запальчивости убьет своего господина, то близкие покойного могут сделать с убийцей все, что́ им угодно, лишь бы никоим образом не оставить раба в живых, и в этом случае они будут чисты от вины. Если же какой-нибудь раб в запальчивости убьет свободорож- C
денного человека, то господа этого раба пусть передадут его близким покойного, а те обязаны умертвить убийцу каким им угодно способом. Бывает—правда, редко,—что в запальчивости отец или мать причинят ударами или другим каким-нибудь насильственным образом смерть своему сыну или дочери; тогда они должны прибегнуть к тем же самым очищениям, что́ и все

прочие, и отправиться в изгнание на три года. По возвращении,
жена убийцы должна расстаться с мужем, а муж с женой; они
D уже не должны производить детей, не могут стать членом той
семьи, которую они лишили сына или брата, не могут принять
участия в почитании общих святынь. Ослушник, нечестиво не
считавшийся с этим, может быть всяким желающим привлечен
к суду по обвинению в нечестии. Если муж в гневе убьет свою
законную жену, или точно так же жена совершит этот поступок
E над своим мужем, то они должны прибегнуть к тем же самым
очищениям и пробыть в изгнании три года. По возвращении,
человек, совершивший такой поступок, не должен принимать
участия в священных обрядах вместе со своими детьми и не
может иметь с ними общего стола. Ослушник, отец ли то или
сын, может опять-таки быть привлечен к суду всяким желающим
869 по обвинению в нечестии. Если брат убьет в запальчивости
брата или сестру, а сестра—брата или сестру, очищения и сроки
изгнания те же самые, чтó назначены для родителей и их детей,
они не могут быть членами той семьи, где у братьев они отняли
брата, а у родителей — сына, и не могут принимать вместе
с ними участия в священных обрядах. К ослушнику можно пра-
вильно и по справедливости применить указанный закон о нече-
стии. Если кто будет настолько несдержан и запальчив по отно-
шению к своим родителям, чтó в припадке неистового гнева
осмелится убить одного из своих родителей, то убийца, если
покойный, до своей кончины, добровольно простил ему, должен
только прибегнуть к тем очищениям, чтó предписаны для не-
B вольных убийц; совершив и все остальное, чтó делают они, он
будет считаться чистым от вины; зато, если покойный не про-
стил, тогда человек, совершивший что-либо подобное, подсуден
многим законам. Дело в том, что он будет подсуден по самому
тяжкому обвинению в оскорблении действием, а равным обра-
зом в нечестии и святотатстве, раз он посягнул на жизнь своего
родителя; стало быть, было бы в высшей степени справедливо
подвергнуть отцеубийцу или матереубийцу многократной смерт-
ной казни, если бы только было возможно одному и тому же
человеку умирать много раз. Ведь только такому человеку за-
кон запрещает даже защищаться, если родители угрожают ему
C смертью, и не один закон не позволяет убить отца или мать,

произведших на свет этого ребенка; поэтому закон предпишет человеку скрепиться и вынести все, лишь бы не совершить такого поступка. Раз это так, то к какой же иной ответственности закон привлечет человека, убившего отца или мать? Нет, пусть будет установлено, что для человека, в запальчивости убившего отца или мать, наказанием будет смерть. Если же брат убьет брата в стычке во время междоусобия или при тому подобных обстоятельствах, причем он будет лишь обороняться от зачинщика схватки, он считается чистым от вины так же, как
если бы он убил неприятеля. То же самое, если гражданин убьет D
гражданина или иностранец — иностранца. Если же горожанин убьет, обороняясь, иностранца, или иностранец—горожанина, то он считается, согласно тому же правилу, невиновным. То же самое, если раб убьет раба. Напротив, если раб, хотя бы и обороняясь, убьет свободорожденного, он подпадает под действие тех же законов, как и отцеубийца. То, что́ сказано относительно прощения отцом своего убийцы, касается одинаково и всех этих случаев. Если человек простит по доброй воле своего
убийцу, как совершившего это дело невольно, то пусть пре- E
ступник прибегнет к очищениям и, по закону, выселится на один год из страны.

Достаточно сказано относительно случаев убийства, бывающих насильственными или непреднамеренными, или происходящих под влиянием запальчивости. Далее нам надо поговорить относительно случаев невольного убийства или относительно убийств, происходящих под влиянием всяческой несправедливости, затем и о преднамеренности, возникающей из-за подверженности человека наслаждениям, страстям и зависти.

Клиний. Ты прав.

10

Афинянин. Опять-таки и в этом случае мы сперва, по мере 870
сил, укажем, сколько здесь может быть случаев. Самое великое зло — господство страсти, когда душа одичала от вожделений. Это всего более проявляется в том, к чему у большинства имеется самое частое и сильное стремление, то есть в насилии,

которое, вследствие дурных природных свойств и дурного воспитания, порождает тысячи побуждений к ненасытному и беспредельному стяжанию имущества или денег. Причиной же невоспитанности служит распространенный ходячий взгляд эллинов и варваров, превратно восхваляющий богатство. Дело в том, что признанием богатства первым из благ — между тем как, на
B самом деле, оно стои́т лишь на третьем месте — они портят и свое потомство и самих себя. Насколько прекраснее и лучше было бы, если бы во всех государствах проводился истинный взгляд на богатство: оно существует ради тела, тело же существует ради души. Раз есть те блага, ради которых и существует богатство, то его надо поставить на третьем месте, вслед за телесной и душевной доблестью. Это утверждение учит, что человек, желающий быть счастливым, не должен стремиться к обогащению, но быть богатым, сохраняя справедливость и
C здравомыслие. Тогда не было бы в государствах убийств, которые требуют для своего искупления других убийств. А теперь, как мы и заметили в начале, есть одно, и притом величайшее, зло, вызывающее величайшие наказания за добровольно совершонное убийство. На втором месте стоит честолюбие, порождающее в душе, им одержимой, зависть, которая с трудом уживается прежде всего с самим обладателем зависти, а затем и с лучшими людьми в государстве. На третьем месте стоят трусливые и неосновательные страхи, которые вызвали много
D убийств, когда человек хочет, чтобы никто, кроме него, не знал о совершении им, теперь или в прошлом, тех или иных поступков. Вот и устраняют, путем умерщвления, всех тех, кто мог бы донести об этих поступках.

Пусть это служит вступлением ко всем таким вопросам. Вдобавок можно напомнить то учение, которому многие люди очень верят, слыша его из уст тех, кто для этой цели ревностно занимается обрядами священных таинств. Это учение утверждает, что за все такие поступки ждет расплата в Аиде, а когда человек снова вернется сюда, ему придется распла-
E титься согласно естественному правосудию, то есть испытать участь пострадавшего от него лица и подобным же образом в своей тогдашней жизни он будет убит другим человеком. Кто повинуется и, уже на основании самого вступления, всячески стра-

шится этого правосудия, для того совсем не нужно, чтобы затем 871
и закон гласил об этом. Но для ослушника пусть будет высказан следующий закон, и притом в письменном виде.

11

Кто с заранее обдуманным намерением и несправедливым путем убьет собственноручно кого-либо из своих соплеменников, тот прежде всего лишается покровительства узаконений, не смеет осквернять своим присутствием ни святилищ, ни рыночной площади, ни гаваней, ни иных общих мест собраний,—при этом все равно, запретил ли кто преступнику туда вход или нет. Ведь сам закон запрещает ему это и выскажет явный запрет всегда, и теперь и впредь, в защиту всего государства. Кто из родни покойного, из числа двоюродных его родственников по мужской или по B
женской линии не возбудит судебного преследования против преступника и не потребует прекращения всякого общения с ним, на того, во-первых, обращается скверна и вражда богов, как об этом предупреждает проклятие со стороны закона; во-вторых, всякий желающий отомстить за покойного может привлечь к суду преступника. Человек, желающий отомстить, пусть выполнит все, что́ касается тщательного совершения очистительных омовений и прочих узаконений, предписанных богом; далее пусть он заранее объявит о том, что преступник исключен из законного общения, а затем он может заставить преступника подвергнуться законному правосудию. Законодателю легко показать, что все C
это должно сопровождаться некоторыми молитвами и жертвоприношениями определенным богам, которые пекутся о том, чтобы в государствах не совершалось убийств. Законохранители, совместно с истолкователями, прорицателями и с богом, установят, каким образом надо вчинять подобные дела и дадут законы о том, какие это именно боги и какой способ вчинения подобных судебных дел всего вернее соответствует божескому праву. Судьи здесь будут те же, что́, как было сказано, являются D
правомочными в суде над святотатцами.

В случае признания виновности, преступник наказывается смертью; его не следует хоронить в стране пострадавшего, так как, кроме нечестия, преступник выказал еще и бессовестность.

Кто не пожелал подвергнуться суду и бегством уклонился от него, пусть навсегда остается в изгнании. Если же преступник снова где-нибудь вступит в страну убитого, то первый случившийся, член семьи умершего или из остальных граждан, может
E его невозбранно убить или, связав, передать тем правителям, что́ являются судьями в таких делах. Истец пусть вместе с тем требует, чтобы лицо, с которого он ищет, представило поручителей. Ответчик же пусть представит поручителей, которых власть судей по этому вопросу призна́ет достойными, то есть, троих достойных поручителей, которые поручатся, что обвиняемый явится в суд. Того, кто не желает или не может представить поручителей, власть задерживает, берет под стражу
872 и представляет на решение суда. Если кто убил не собственноручно, а только замышлял умертвить и, из-за этого своего желания и замысла являясь виновником его смерти, живет в государстве, не очистившись от убийства, то разбор дела происходит и здесь точно так же, за исключением поручительства. Виновному позволяется быть погребенным у себя на родине; а все остальное и здесь происходит одинаково с вышеуказанным случаем. Это равно касается как отношений иностранцев к иностранцам и горожанам, так и взаимоотношений иностранцев
B и, с другой стороны, отношений между рабами; как случаев убийства своими руками, так и случаев убийства по замыслу, за исключением только вопроса о поручительстве; поручителей, как уже было сказано, должны представлять только те, что́ собственноручно совершили убийство. Обвиняемый в убийстве должен представить и поручителей и поручительства.

Если раб добровольно убьет свободорожденного человека, собственноручно ли или по замыслу, и будет признан виновным, то пусть государственный палач отведет его к надгробному памятнику умершего, так чтобы он мог видеть могилу, и здесь
C подвергнет раба стольким ударам бича, сколько предпишет обвинитель; если раб не умрет во время бичевания, его предают смерти. Если кто убьет раба, не совершившего ничего несправедливого, из опасения, как бы он не донес о позорных и злых делах этого человека, или по какой-нибудь другой подобной причине, то убийца подвергнется такому же наказанию, как и за убийство гражданина.

12

Бывают случаи, при которых ужасно и чрезвычайно тяжко
давать законы, между тем как не дать законов невозможно.
Таковы случаи добровольного и во всех отношениях несправед- D
ливого собственноручного или по замыслу убийства, имеющего
место между родственниками. Это в большинстве случаев бы-
вает в плохо устроенных и плохо выросших государствах; но
единичные такие случаи могут встретиться и в той стране, где
их всего менее ожидаешь. Поэтому надо повторить то, что́ мы
недавно сказали, чтобы тот, кто нас слушает, скорее мог добро-
вольно воздержаться по этой причине от тех убийств, которые
во всех отношениях являются самыми нечестивыми. Ведь ясно
сказано древними жрецами это слово—или предание, или как бы E
его там ни называть — о том, что за пролитие крови родствен-
ников мстит блюстительная Правда; пользуясь только что
высказанным законом, оно предписывает, чтобы человек неиз-
бежно подвергся сам тому, что́ он совершил. Если кто когда
убил своего отца, то настанет время—и ему придется со стороны
своих детей подвернуться такому же насилию; если же он убил
свою мать, то ему неизбежно придется вновь родиться уже
в виде женщины, а затем, народившись, лишиться впоследствии
жизни от своего же порождения. Ибо от пролитой родственной
крови нет иного способа очиститься; кровавое пятно нельзя
смыть до тех пор, пока душа виновного не искупит своего пре-
ступления тем же самым, т. е. подобное подобным, убийство 873
убийством.

Поэтому каждому следует воздерживаться от таких престу-
плений из страха перед божеским возмездием. Если же все-таки
постигнет иных людей это жалкое несчастие, так что они умы-
шленно и добровольно осмелятся разлучить с телом душу своего
отца, матери, братьев или детей, то на этот случай устанавли-
вается смертным законодателем следующий закон: запрещается
таким людям участвовать в жертвоприношениях и во всякого B
рода законных общениях; поручительство они должны предста-
вить так же, как это указано в предшествующих случаях. Если же
человек будет уличен в подобном преступлении, то есть, если

он убьет кого-нибудь из своих родственников, то его предают
смертной казни служители судей и правители, а тело его,
обнаженное, пусть выбросят они за пределы государства на от-
веденный для этого перекресток; затем все представители
правительственных властей, от лица всего государства, пусть
принесут каждый по камню и бросят его в голову трупа, чтобы
таким образом очистить все государство; после этого труп
приносят к крайним пределам страны и здесь выбрасывают,
C причем по закону он лишается погребения.

Чему же должен подвергнуться тот человек, который убил
то, что̀ всего ближе и, как говорят, всего дороже? Я говорю
о самоубийцах, которые насильно лишают себя того, что̀ им су-
ждено судьбой, хотя их к этому не приговорило государство,
не принудила, неотвратимым страданием выпавшая случайность,
не выпал на долю какой-нибудь тягостный стыд, делающий жизнь
невозможной, но сами над собой совершили они это непра-
D ведное правосудие из-за своей слабости и отсутствия мужества.
Что касается очищения и погребения такого человека, то узако-
нения об этом ведомы богу; поэтому ближайшие родственники
должны обратиться к истолкователям и, вместе с тем, к законам,
касающимся этой области, и поступить согласно их предписа-
ниям. А погребать самоубийц надо прежде всего по одиночке,
а не вместе с кем-нибудь другим; затем таких бесславных людей
надо хоронить на пустырях, не имеющих названия, на границах
двенадцати частей государства, не отмечая их места погребе-
ния ни надгробными плитами, ни именами.

E Если подъяремный скот или иное животное убьет чело-
века — исключение составляют те случаи, когда это постигает
атлета, выступающего на общегосударственном состязании, —
то родственники должны выступить судебным порядком против
убийцы; дело разбирают агрономы, выбранные в любом числе
родственником; уличенное животное убивают и выбрасывают за
пределы страны. Если же неодушевленный предмет лишит чело-
века души — за исключением молнии и тому подобных, исхо-
874 дящих от богов, перунов, — иными словами, если предмет своим
падением убьет человека, или человек сам на него упал, то род-
ственник пусть выберет в судьи для этого предмета своего самого
близкого соседа и перед ним очистит себя и всю свою родню;

виновный же предмет надо выбросить вон, как это было указано и для животных.

Если, с другой стороны, обнаружена чья-нибудь смерть, но неясно, кто убийца; если и после тщательных розысков не смогут найти убийцу, то вступают в силу те же самые запрещения, что̀ и в остальных случаях; совершившего объявляют виновным B
в убийстве, решение суда провозглашается на рыночной площади: убивший такого-то осужден за убийство и не имеет доступа в святилища и вообще в страну, где жил пострадавший; если он появится и будет опознан, то будет предан смертной казни и, без погребения, извергнут за пределы страны пострадавшего. Пусть у нас действует один этот закон, установленный об убийстве.

Вот как обстоит дело до сих пор с подобными вопросами. Что же касается того, при каких условиях убийство какого-нибудь человека не ставится в вину убившему, то здесь пусть будет постановлено следующее: если кто ночью убьет вора, захватив его при попытке ограбить дом, тот невиновен; кто, обороняясь, убьет грабителя, тот невиновен; кто пытается изнаси- C
ловать свободорожденную женщину или отрока, того может невозбранно умертвить лицо, подвергнувшееся насилию, а также его отец, брат или сын. Если муж застанет кого-нибудь, кто пытался изнасиловать его законную жену, то, по закону, он невиновен, если убьет насильника. Если кто совершит убийство, защищая своего отца, не сделавшего ничего нечестивого, или свою мать, детей, братьев, супругу, то он совершенно невиновен. D

13

Уже даны законы относительно воспитания человека, относительно его образования — и то и другое делает жизнь для души приемлемой, если же душа их лишена, то жизнь для нее неприемлема, — и относительно смертной казни, являющейся наказанием за насилие; сказано также о физическом воспитании и образовании. Вслед за этим надо рассмотреть добровольные и невольные насильнические деяния людей друг над другом. Надо, по мере сил, определить, каковы они, сколько их, какие

E в этом случае наказания были бы полезны. Вот о чем, повидимому, было бы правильно в дальнейшем установить законы.

На втором месте после убийств всякий, даже самый ограниченный человек из числа занимающихся законами, поставил бы ранения и повреждения, причиненные ранами. Так же, как мы различили разные виды убийства, нужно различить и виды ранений: одни из них причиняются невольно, другие в состоянии запальчивости, третьи под влиянием страха, четвертые бывают из-за сознательного умысла. Относительно всего этого надо предварительно сказать вот что: людям необходимо установить законы и жить по законам; иначе они ничем не будут отли-
875 чаться от самых диких зверей. Причиной здесь является то, что от природы свойства человека далеко недостаточны, чтобы распознать полезные начала для человеческого общежития или чтобы, даже распознав их, быть всегда в состоянии осуществлять высшее благо и желать его.

Прежде всего трудно распознать, что настоящее искусство государственного правления печется не о частном, но об общем интересе — ведь общность интересов связует, частные же интересы разрывают государство, — и что, и для того и для другого,
B то есть, и для общего и для частного, полезно, если общее устроено лучше, чем частное. Во-вторых, если даже кто и распознàет, что все это от природы действительно так; если он усвоит это в достаточной мере на практике, то затем, став неответственным и самовластным главою государства, он никогда не сможет остаться при этих взглядах и провести всю свою жизнь, сознательно поддерживая в государстве общие интересы, а частным предоставляя следовать за общими. Нет, его смертная природа всегда будет увлекать его к корысти и служению своим
C личным интересам; в своем безрассудстве избегающая скорби и преследующая наслаждение, она поставит их выше того, чтò было справедливо и чтò лучше; себя самоё ввергнет в мрак и, в конце концов, преисполнит всяческим злом и себя и все целиком государство. Ведь если бы, по воле божественной судьбы, появился когда-нибудь человек, по своей природе достаточно способный к усвоению этих положений, то он вовсе не нуждался бы в законах, которые должны им управлять. Ведь ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоѝт выше знания; нельзя разуму

быть чьим-либо послушным рабом; нет, он должен править всем, D
если только он, по своей природе, действительно обладает истинной свободой. Но в наше время этого вовсе не встречается нигде, или, разве, в незначительных размерах. Поэтому надо принять то, что̀ стоит после разума на втором месте — распорядок и закон, которые взирают и обращают внимание на многое, но все же не могут охватить всего. Все это и было сказано с такою именно целью.

Теперь мы установим распорядок, чему должен подвергнуться или что̀ должен уплатить человек, ранивший другого или нанесший ему какой-нибудь вред. У каждого человека возникнет здесь вполне основательно множество вопросов: куда E
нанесена рана, кого ранили, как и когда — все им скажи. Здесь есть несчетное количество разных случаев, сильно отличающихся друг от друга. Поручить суждение обо всем этом судам невозможно; отнять от них это право тоже нельзя. Зато один пункт необходимо предоставить их решению, именно: произошло ли действительно ранение, или его вовсе не было. Впрочем, ничего не предоставлять их усмотрению из вопросов о наказании и должной каре для обидчика, а самому установить 876
законы о всех важных видах и даже о мелочах, тоже едва ли возможно.

Клиний. Что же нам сказать после этого?

Афинянин. Вот что: часть вопросов надо предоставить судам; другую часть нельзя им предоставить, а надо самому установить здесь законы.

Клиний. О чем надо установить законы и что̀ можно передать на решение судам?

14

Афинянин. После этого правильнее всего было бы сказать
вот что: в государстве, где негодные, безгласные, сами подры- B
вающие свое значение суды втайне держат свои решения и, что̀ еще более ужасно, не молчаливые, но преисполненные шума, точно театры, выносят свои решения, хваля или порицая каждого из выступающих на суде ораторов,— в таком государстве обычно создается трудное положение. Нет никакой радости быть выну-

жденным давать законы таким судам; всё же, если кто вынужден устанавливать законы для такого государственного строя,
C нужно бо̀льшую их часть самому оговорить подробно, а судьям предоставить лишь установление наказаний по самым маловажным делам. Зато, в государстве, где суды, по мере сил, устроены надлежащим образом, где собирающиеся быть судьями хорошо воспитаны, и их прошлое подвергнуто тщательной проверке, там, в большинстве случаев, предоставление судьям решения, какому наказанию должны подвергаться виновные, будет делом правильным, хорошим и прекрасным. Поэтому нам нельзя сейчас
D поставить в упрек, что мы не даем им самых главных и многочисленных предписаний: ведь судьи, получившие даже худшее воспитание, могут сообразить, какое нужно установить наказание за то или иное преступление, так чтобы оно было достойно совершонного проступка и вызванного им страдания. А раз мы считаем тех судей, кому мы даем законы, ничуть не хуже их, то можно им предоставить очень многое. Впрочем, как мы нередко указывали и как мы поступали в предшествующем законодатель-
E стве, надо и здесь дать общий очерк и образцы наказаний, которые служили бы для судей примером и препятствовали бы им выходить за пределы правосудия. Это тогда было правильно; и теперь надо, поступив точно так же, снова возвратиться к законам.

Дела по обвинению в ранении будут у нас установлены так: кто желал, с заранее обдуманным намерением, убить мирного обитателя — исключение составляют те случаи, когда это допущено законом,—но не мог его убить, а только ранил, то не сто̀ит
877 его жалеть, раз он нанес рану с таким намерением; без всякого зазрения совести его надо привлечь к суду точно так же, как и убийцу. Однако, из уважения к его не вполне злой судьбе и божеству, которое смилостивилось над ним и над раненым, отвратило от одного из них смертельную рану, а от другого заклятую участь и несчастие, так вот, в благодарность этому божеству, чтобы ему не противиться, надо избавить от смертной казни того, кто ранил, и заменить ее пожизненною высылкою
B в соседнее государство, с сохранением права пользования всем своим имуществом. Если же он причинил ущерб раненому, то обязан его возместить, по оценке того суда, который разбирает это дело. Это тот самый суд, куда поступило бы дело об убий-

стве, если бы пострадавший скончался от нанесенной раны. Если сын умышленно ранит своих родителей, а раб — своего господина, то наказанием назначается смертная казнь. Если точно так же брат ранит брата, или сестру, или сестра брата или сестру,
и будет доказана умышленность нанесения раны, то наказанием C
назначается смертная казнь. Жена, с заранее обдуманным намерением убить ранившая своего мужа, или муж — свою жену, должны отправиться в вечное изгнание. Об их имуществе, если их сыновья или дочери малолетние, позаботятся опекуны и возьмут под опеку детей, точно сирот. Если же дети уже взрослые, то они наследуют собственность, без обязательства содержать изгнанника. Если такое несчастие постигнет человека бездет-
ного, то родственники изгнанника, вплоть до двоюродной сте- D
пени родства с обеих сторон, как по мужской, так и по женской линии, должны собраться вместе и назначить наследника этого дома, одного из пяти тысяч сорока домов в государстве, посоветовавшись с законохранителями и жрецами и приняв в соображение следующее правило: ни один дом, ни общенародный, ни частный, из числа пяти тысяч сорока, не является собственностью его обитателя и его семьи, но скорее собственностью го-
сударства. А государство должно иметь свои дома как можно E
более, по мере сил, благочестивыми и счастливыми. Если какой-нибудь из этих домов впадает в такое нечестие и несчастие, что его обладатель не оставит в нем детей, скончается холостым или будет бездетен в браке, и будет изобличен в умышленном убийстве или в ином преступлении против богов или государственного строя, за которое законом определенно установлена смертная казнь — то же самое и при отправлении бездетного человека в вечное изгнание — то, по закону, надо прежде всего совершить
очищение этого дома и принести искупительные жертвы Зевсу. 878
Затем домочадцы, как было только что сказано, должны собраться вместе с законохранителями и рассмотреть, какая семья в государстве снискала себе наилучшую славу своею добродетелью и счастьем, причем там есть несколько детей; одного из них надо сделать приемным сыном отца покойника и всего предшествующего рода, дать ему имя, которое служило бы добрым предзнаменованием, чтобы он при более счастливых условиях, чем его отец, стал отцом семейства, домохозяином, заботливым

исполнителем благочестивых священнодействий. Так помолив-
B шись, его назначают законным наследником, а преступник
остается без имени, без детей, без надела, раз уже его постигло
такое несчастье.

15

Конечно, не у всего, что̀ существует, края соприкасаются
с краями; бывают промежуточные пространства, внедренные
в середину их границ и оказывающиеся между ними. То же
самое можно сказать и о границах добровольного или неволь-
ного совершения поступков в состоянии запальчивости и раз-
дражения. Итак, если кто будет уличен в том, что он именно
C в этом состоянии нанес другому рану, то прежде всего он должен
в двойном размере возместить ущерб, если рана излечима; если же
неизлечима, то — в четыре раза больше. Если рана излечима, но
раненому нанесен великий позор и поношение, то виновный
должен возместить в три раза больше. Если ранение вредит не
только пострадавшему, но и государству, так как раненый ли-
шился возможности защищать родину от неприятелей, то винов-
ник, сверх остальных наказаний, возмещает нанесенный им госу-
дарству ущерб: кроме своей собственной военной службы, он
несет таковую и за увечного, заместив его в военном строю;
если он не исполнит этого, всякий желающий может его при-
D влечь по закону к суду за уклонение от военной службы.
Судьи, поставленные путем голосования, определяют двойную,
тройную или четверную уплату нанесенного вреда. Если брат
ранит брата указанным способом, то родственники со стороны
отца и матери, вплоть до двоюродной степени родства по жен-
ской и по мужской линии, собираются все вместе — и женщины
и мужчины — для решения, а определение наказания поручают
его родителям. Если определение степени наказания вызывает
споры, то берет верх решение родственников по мужской линии.
Если и они не в силах этого сделать, то, в конце концов, они
E поручают это законохранителям. Необходимо, чтобы судьи по
делам о ранениях, нанесенных родителям детьми, уже престу-
пили за шестьдесят лет и имели бы детей не приемных, а своих

собственных. Если кто будет уличен в преступлении, надо определить, должен ли такой человек быть казнен смертью или подвергнуться чему-нибудь еще большему, или понести немного меньшее наказание. Из родственников преступника никто не 879
имеет права участвовать в суде, даже если он достиг положенного законом возраста. Если раб в запальчивости и раздражении ранит свободорожденного человека, то его владелец передает этого раба раненому, — пусть тот поступит с ним, как угодно. Если же он не передаст, то он сам должен искупить нанесенный вред. Если он обвиняет раба и раненого в заговоре и какой-нибудь уловке, то он может начать тяжбу. Если он не выиграет, он втройне оплачивает ущерб; а если выиграет, то тот, кто хитрил вместе с рабом, подпадает под обвинение в по- B
рабощении. Кто невольно ранит другого, просто возмещает ему ущерб. Судьями пусть будут те же лица, что́ указаны в случае ранения детьми родителей; они определяют размер возмещения убытка за нанесенный вред.

16

Все вышеуказанные нами состояния являются насильническими; всякий вид оскорбления действием есть также насилие. Каждый мужчина, ребенок и женщина должны всегда мыслить об этом так: престарелые люди гораздо более заслуживают почтения, чем молодежь, в глазах богов и людей, же- C
лающих спастись и быть счастливыми. Позорное и богам ненавистное зрелище, когда в государстве младший оскорбляет старшего. Если же старик ударит молодого человека, то тот должен терпеливо подавить свой гнев, имея в виду, что и ему самому, когда он состарится, будет предоставлено такое же преимущество. Итак, пусть будет такое постановление: пусть всякий у нас и в делах и речах совестится тех, кто старше его. Всякого мужчину или женщину, на двадцать лет старше себя, надо считать отцом или матерью и бережно относиться к ним; пусть он удержится оскорблять, ради богов покровителей ро- D
ждения, всех тех, кто, по своему возрасту, мог бы его родить и произвести на свет. По этой причине пусть он не оскорбляет

*

даже иностранца, все равно, давно ли тот поселился здесь
или же прибыл недавно; ни по собственному почину, ни в обо-
роне пусть он совершенно не смеет вразумлять ударами чело-
века такого возраста. Если же он находит, что надо обуздать
иностранца, нагло и смело нападающего на него с ударами, то
он может его задержать и отвести к правителям астиномам, но
сам пусть воздержится от побоев; тем более он должен остере-
гаться возможности дерзко ударить когда-нибудь своего зе-
Е мляка. Астиномы задерживают такого иностранца и произво-
дят разбор дела, бережно относясь к богу, покровителю ино-
странцев; если они решат, что иностранец несправедливо бил
туземца плетью, то иностранцу они дают столько же ударов,
сколько он нанес сам, за его иностранную отвагу; этим дело и
ограничивается; если же иностранец справедливо совершил свой
поступок, то астиномы, пригрозив и побранив того, кто его
880 вызвал, отпускают их обоих. Если сверстник побьет своего
сверстника или старшего, но не имеющего детей, или если ста-
рик побьет старика, или юноша юношу, то разрешается есте-
ственная оборона, однако, без оружия, голыми руками. Если же
человек, переступивший за сорок лет, осмелится с кем-нибудь
драться, будучи сам зачинщиком, или только обороняясь, он
будет сочтен грубым, неблагородным и рабоподобным, и такое
порицание было бы подходящим для него наказанием. Если он
послушается такого увещания, то его легко обуздать. А непо-
слушный, не обращающий никакого внимания на это вступление,
В пусть будет готов к принятию следующего закона: если кто
побьет человека старше, чем он сам, на двадцать лет и более,
то, прежде всего, свидетель этого происшествия, если он не ро-
весник и не моложе дерущихся, должен их разнять; иначе он
прослывет, по закону, дурным гражданином. Если же он ровес-
ник тому, кого бьют, или еще моложе его, он должен притти
на помощь, точно своему брату, отцу или вообще обиженному
старшему родственнику. Кроме того, как было указано, осме-
лившийся бить старшего подпадает под обвинение в оскорбле-
нии действием; если он будет уличен, его приговаривают к тю-
С ремному заключению не меньше, чем на год. Если же судьи
назначат больший срок, пусть войдет в силу этот, назначенный
ему, срок. Если иностранец или метек побьет человека, на

двадцать или более лет старшего, чем он сам, тот же самый закон точно так же призывает всех вступиться за пострадавшего. Проигравший судебное дело, раз он иностранец, а не местный житель, подвергается в наказание двухлетнему тюремному заключению; если же метек не послушался законов, то он заключается на три года, — если только суд не назначит ему большего срока. Свидетель такого происшествия, не при- D
шедший, однако, на помощь, как это предписывает закон, подвергается пене в размере одной мины, если он принадлежит к высшему классу, пятидесяти драхм, если ко второму, тридцати, если к третьему, двадцати, если к четвертому. Суд над такими людьми состоит из стратегов, таксиархов, филархов и гиппархов.

17

Повидимому, одни из законов устанавливаются ради людей порядочных с целью научить их, каким образом надо общаться друг с другом, чтобы жить дружелюбно; другие же законы касаются людей, не получивших воспитания, с природой неподат- E
ливой, ничем не смягчающейся, с тою целью, чтобы они не обратились вполне к пороку. Именно эти последние люди и заставляют нас высказать то, что́ будет сказано. Законодатель дал бы им законы только по нужде и предпочел бы, чтобы они никогда не применялись.

Если кто осмелится применить насилие и оскорбить отца, мать или их родителей, не убоявшись ни гнева вышних богов, ни возмездия, ожидающего, как говорят, в Аиде, но, точно он знает то, чего вовсе не знает, презирает древние всеми выска- 881
зываемые предания и поступает вопреки законам, то, чтобы отвратить такого человека от преступления, нужны крайние меры. Смерть еще не является такою крайнею мерой; скорее уже муки, которые существуют, как говорят, в Аиде и даже еще что-нибудь большее; однако, даже учения, возвещающие сущую правду не производят никакого впечатления на подобные души и не отвращают их от преступления. Ведь иначе не было бы никогда ни матереубийц, ни дерзкого и нечестивого нанесения побоев

B своим остальным предкам. Наказание здесь, еще при жизни, постигающее таких людей за такие поступки, ничем не должно уступать, по мере сил, наказанию в Аиде. После этого надо сказать так: если кто, не будучи охвачен безумием, осмелится бить своего отца или мать или их родителей, то, прежде всего, первый встречный должен притти на помощь, как и в предшествующих случаях. Метек или иностранец, оказавший
C такую помощь, получает право занимать первые места на состязаниях; не оказавший помощи изгоняется навсегда из страны. Не-метека, оказавшего помощь, одобряют похвалой; не оказавшего подвергают порицанию. Раб, оказавший помощь, становится свободным; не оказавшего помощи агораномы наказывают ста ударами плетью, если преступление имело место на рыночной площади; если же вне площади, где нибудь в городе, то дело астиномов наказать того, кто живет здесь. Если же это произошло где-нибудь в деревне, то наказывают агрономы.
D Всякий первый встречный местный житель, ребенок, мужчина, женщина, обязан давать отпор такому человеку, считая его нечестивым. Не давший отпора навлекает на себя, по закону, проклятие Зевса, покровителя родственных связей и отцовских прав. Кто будет уличен в оскорблении родителей действием, тот, прежде всего, навсегда изгоняется из города в остальные местности страны и не допускается ни к каким святилищам. Если он туда явится, астиномы наказывают его побоями и всячески, как им угодно. Если же он вернется назад, ему служит наказанием смертная казнь. Кто из числа свободорожденных людей станет пить или есть вместе с таким человеком, или
E как-нибудь иначе вступит с ним в общение, или даже, встретив его наедине, добровольно прикоснется к нему, тот не должен входить в святилище, посещать рыночную площадь, вообще город, пока не очистится, так как он должен считать, что вступил в общение с пагубной судьбой. Если он не послушает закона и, вопреки закону, осквернит святилище и город, то правитель, заметивший это и не привлекший его к суду, берет тем самым на себя чрезвычайную ответственность и, конечно,
882 достоин наказания. Если раб побьет свободорожденного человека, все равно, горожанина или иностранца, первый встречный должен притти на помощь; иначе он заплатит вышеуказанную

пеню, согласно своему цензу; случившиеся там люди должны вместе с потерпевшим связать его и передать тому, кто потерпел обиду. А тот, получив своего обидчика, заковав его в колодки, может его бичевать сколько ему угодно, лишь бы только B
этим не причинить ущерба господину раба, а затем передаст его господину; пусть тот им владеет по закону. А закон таков: если кто, будучи рабом, побьет свободорожденного человека без приказания на то правителей, то хозяин получает своего раба от пострадавшего, держит его в оковах и освобождает его не раньше, чем раб убедит пострадавшего в том, что он достоин жить на свободе. Узаконения обо всем этом одинаково касаются C
и взаимных отношений женщин между собой, и отношений женщин к мужчинам, и отношений мужчин к женщинам.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

1

Афинянин. После рассмотрения вопроса об оскорблениях 884
действием, постановим какое-нибудь такое узаконение, одинаковое для всякого рода насилия: никто не должен похищать ничего из чужого имущества, ни пользоваться чем бы то ни было из принадлежащего ближним, без разрешения на то со стороны владельца.

В самом деле: в зависимости от этого возникли, происходят и будут происходить все вышеуказанные бедствия. Из прочих бедствий величайшими являются распущенность и наглость молодежи; в особенности велико зло, если распущенность и наглость проявляются по отношению к святыням государственным или святыням, общим для филетов [92] и остальных тому подобных объединений. На втором месте и вторым по степени важности являются
оскорбления, наносимые частным святыням и могилам. На 885
третьем месте стоит наглость по отношению к родителям; это следует отделять от вышеупомянутых оскорблений, когда такая наглость проявляется. Четвертый род наглости — когда человек, беззаботно относясь к правителям, станет похищать их вещи или пользоваться чем-либо, им принадлежащим, без их на то разрешения. На пятом месте можно поставить нарушение гражданских прав любого гражданина; это влечет за собою вызов в суд. Для каждого из этих случаев должен быть дан общий закон.

Мы уже разобрали вкратце вопрос о наказании за святотат- B
ство, если оно проявляется в насильническом и тайном похищении священных предметов. Но какую кару должен понести человек, поскольку своими речами или поступками он оскорбляет богов — эту кару надо определить, основываясь на наставлении.

А это наставление будет таким: никто из тех, кто согласно с законами, верит в существование богов, никогда сознательно не совершает нечестивого дела и не высказывает беззаконного слова; человек это мог сделать в одном из следующих трех случаев: или, повторяю, если он не верит в существование богов, или — второй случай — хотя он и верит в их бытие, но отрицает их промысел над людьми, или — третий случай — человек полагает, будто боги преклонимы и могут быть умилостивлены жертвами и молитвами.

C Клиний. Как же нам поступить с такими людьми? Что̀ мы скажем?

Афинянин. Прежде выслушаем, дорогой мой, их самих. Я угадываю, что̀ станут они шутливо говорить, в сознании своего превосходства над нами.

Клиний. Что̀ именно?

Афинянин. Вот что они, весьма возможно, сказали бы, поддразнивая нас: Афинский чужестранец, ты, лакедемонянин, и ты, кносиец, — вы говорите правду. В самом деле, некоторые из нас совершенно не признают богов, а другие признают богов именно такими, как вы говорите. Мы считаем справедливым, чтобы вы, прежде чем грозить нам суровыми карами, попробовали сперва, — как вы это сочли нужным сделать относи-
D тельно законов, — убедить и наставить нас в том, что боги существуют и что они слишком благи, чтобы их можно было, вопреки
справедливости, преклонить и прельстить какими-нибудь дарами.
Ведь теперь мы слышим именно такое мнение или ему подобное со стороны признанных наилучшими поэтов, риторов, прорицателей, жрецов и бесчисленного множества других людей.
E Поэтому большинство из нас обращает внимание вовсе не на то,
чтобы не совершать несправедливостей, но мы стараемся только загладить совершонные проступки. Мы считаем справедливым, чтобы законодатели, заявившие себя кроткими, а не свирепыми, применили сперва путь убеждения по отношению к нам. Если вы будете говорить о существовании богов и немного лучше, чем говорят остальные, то все-таки лучше в смысле истинности. И — все может быть — мы легко дадим вам себя убедить. Однако, попытайтесь, если только мы не высказываем чего-либо несообразного, ответить на наш вызов.

Клиний. Но, чужестранец, не кажется ли, что легче доказать правоту тех, кто утверждает существование богов, вот каким образом —

Афинянин. Каким? 886

Клиний. Да прежде всего: земля, солнце, звезды, вся, вообще, вселенная, весь этот прекрасный распорядок времен года, все это подразделение на годы и месяцы; затем — все греки и варвары признают существование богов.

Афинянин. Боюсь я, голубчик, негодных людей — никогда не сказал бы я, будто я их стыжусь[93], — как бы они не отнеслись к нам с презрением. Ведь вы не знаете причины их отличия от вас; вы полагаете, что их души преданы нечестивой жизни только вследствие своей необузданности в наслаждениях и страстях. b

Клиний. Что же еще, чужестранец, кроме этого, могло бы быть причиной?

Афинянин. То, чего вы, живущие вовне[94], пожалуй, не знаете; это остается от вас скрытым.

Клиний. О чем это ты сейчас говоришь?

Афинянин. Какое-то чрезвычайно тяжкое невежество, кажущееся величайшей разумностью.

Клиний. Как понять твои слова?

2

Афинянин. У нас, афинян, есть письменно закрепленные сказания о богах, частью в стихотворной форме, частью в прозаической; их нет у вас, вследствие благого вашего государственного строя, насколько я могу судить. Самые древние из c
сказаний повествуют о происхождении первой природы неба и всех остальных вещей; вслед за этим началом, сказания вскоре переходят к происхождению богов и рассказывают о том, как боги, после своего происхождения, относились друг к другу[95]. Хорошо ли, в известном отношении, влияют на слушателей эти сказания или нет, — в этом трудно укорять их, в виду их древности. Но я, по крайней мере, никогда не похвалил бы их, будто они полезны и способствуют попечению и почитанию родителей, или будто в них рассказывается действительная быль.

D Однако, довольно о древних сказаниях; распростимся с ними, и пусть они постольку будут высказываемы, поскольку они любезны богам. Но зато пусть подвергнутся обвинению с нашей стороны сочинения молодого поколения и мудрецов, поскольку они являются причиной бед. Вот что̀ влекут за собою сочинения подобных людей: мы с тобой, приводя доказательства существования богов, указываем на одно и то же, то есть на солнце, луну, звезды, землю, как на богов и нечто божественное, между тем как люди, переубежденные этими мудрецами, станут возражать: все это только земля или камни и, следовательно, вовсе
E неспособно заботиться о человеческих делах. Приукрасив словами это положение, они делают его очень убедительным [96].

Клиний. Ты натолкнулся, чужестранец, на трудный довод, даже если бы он был только один; но таких доводов множество; поэтому дело становится теперь еще труднее.

Афинянин. Что делать! Однако, как же нам ответить и как нам поступить? Станем ли мы говорить в свою защиту, точно нас обвиняет кто-либо из нечестивых людей, снующих вокруг законодательства? Они утверждают, будто мы совершили нечто
887 необычайное, так как мы законодательствуем в том убеждении, что боги существуют. Или мы распростимся с этими людьми и обратимся опять к законам, чтобы это наше вступление не вышло длиннее самих законов? Ведь изложение нашего учения вовсе не окажется кратким, если бы мы стали людям, стремящимся быть нечестивыми, отчасти доказывать сообразными доводами то, о чем, по их мнению, следует говорить, отчасти стали бы наводить на них страх, отчасти возбуждать в них отвращение ко всему тому, что̀ того заслуживает, — и лишь после всего этого стали бы мы законодательствовать.

B Клиний. Но, чужестранец, мы часто, в течение короткого времени, высказывали именно ту мысль, что в настоящей беседе вовсе не надо предпочитать краткость речи ее пространности. Ведь, как говорится, никто за нами не гонится. Было бы смешно, да и скверно, если бы оказалось, что мы выбрали, вместо наилучшего, то, что̀ покороче. А ведь очень важно, чтобы наши утверждения о том, что боги существуют, что они благи и что они несравненно более людей почитают правосудие, приобрели, так или иначе, некую убедительность. Это у нас было бы чуть ли

ни самым лучшим и наиболее прекрасным вступлением в защиту
всех вообще законов. Итак, без всякого нетерпения и тороплив- C
вости, ничего, по мере сил, не упуская, разберем достаточным
образом этот важный вопрос и применим всю, какая у нас есть,
силу убеждения.

3

Афинянин. К молитве побуждает, мне кажется, произнесенное сейчас тобою слово,— столько живого участия проявил ты! Нечего медлить долее! Да и в самом деле: кто без волнения сможет утверждать бытие богов? Не выносить и ненавидеть тех людей, что̀ были и являются поныне причиной этих наших слов,—
неизбежно. Эти люди не верят сказаниям, слышанным ими с ма- D
лолетства, когда они еще питались молоком кормилиц и матерей, которые рассказывали им эти сказания то для забавы, то серьезно, точно в зачаровывающих песнях. Эти люди слышали эти сказания в молитвах при жертвоприношениях; они видели последующие зрелища, совершение которых очень приятно и для глаза и для слуха молодого человека. Они видели, как их родители с величайшим старанием относились к жертвоприношениям, как за самих себя, так и за них, обращаясь с молитвами и прось-
бами к богам и этим показывая свое глубокое убеждение в бытии E
богов. Они знают по наслышке, да и сами видят, что эллины и все варвары как при различных несчастиях, так и при благополучии преклоняют колени и повергаются ниц при восходе и при закате солнца и луны, показывая этим не только полную свою уверенность в бытии богов, но и то, что у них даже не возникает и сомнения в их бытии. Но, пренебрегши всем этим без единого достаточного основания, как это может признать всякий, у кого есть хоть немного разума, эти люди заставляют нас сей-
час высказывать то, что̀ мы говорим. Как же тут сможет кто-либо 888
увещевать их кроткими речами, когда приходится, уча о богах, начинать с доказательства их бытия! Однако, отважимся на это! Ибо не следует, чтобы одни из нас неистовствовали из-за ненасытной страсти к наслаждениям, а другие — вследствие негодования на подобного рода людей. Так вот, обратимся хладнокро-

вно к людям столь испорченного образа мыслей с каким-нибудь таким наставлением. Станем говорить кротко, подавив свое негодование, точно мы разговариваем с одним из них: Дитя, ты еще молод. С течением времени тебе придется изменить многие из твоих теперешних взглядов на противоположные. Поэтому
B отложи до того времени свое суждение о столь важных предметах. Важнейшим же является, — о чем ты теперь вовсе и не думаешь, — то, чтобы человек, имея правильное понятие о богах, жил прекрасно, или нет. Не окажется ложью, если я тебе сделаю сперва одно важное замечание по этому поводу, именно: не ты один и не твои друзья первыми и впервые возымели подобное мнение о богах; всегда встречается большее или меньшее число людей, одержимых этой болезнью. Я был знаком со многими из них и
C вот что̀ я сказал бы тебе: никто из тех, кто в юности держался такого мнения о богах, то есть, будто боги не существуют, никогда не сохранил до старости подобного образа мыслей. Две же другие напасти остаются, правда, не у большинства людей, а лишь у некоторых, — именно: будто боги, хотя и существуют, но не пекутся о человеческих делах; а затем и следующий взгляд: боги, хотя и заботятся, но легко преклонимы жертвами и молитвами. Если ты мне поверишь, то для тебя станет, насколько возможно, ясным это мнение о богах; ты отложишь подробное рассмотрение вопроса, обстоит ли дело так или иначе, и станешь
D наводить справки у остальных людей, а в особенности у законодателя. А тем временем не отваживайся ни на какое нечестие по отношению к богам. Тому же, кто дает для тебя законы, надо̀ попытаться и теперь и повторно наставить тебя об истинном положении вещей.

Клиний. Все до сих пор сказанное, чужестранец, превосходно.

Афинянин. Совершенно верно, Мегилл и Клиний; но, незаметно для себя самих, мы натолкнулись на странное учение.

Клиний. О каком учении ты говоришь?

E Афинянин. О том, которое большинство людей считает самым мудрым из всех учений.

Клиний. Выразись яснее.

4

Афинянин. Некоторые учат, что все вещи, происходящие, происшедшие и имеющие произойти, обязаны своим происхождением частью природе, частью случайности, частью искусству.

Клиний. Ну, и прекрасно.

Афинянин. Конечно, естественно, чтобы учение мудрых людей было правильно. Последуем же за ними и посмотрим, к какому образу мыслей приходят их последователи.

Клиний. Отлично. 889

Афинянин. Они говорят, что, повидимому, величайшие и прекраснейшие из вещей произведены природой и случайностью, а менее важное — искусством. Искусство получает из рук природы великие и первые произведения уже в готовом виде; оно лепит и обрабатывает лишь все менее важное — это мы все и называем предметами искусства.

Клиний. Что̀ ты разумеешь?

Афинянин. Выражусь еще яснее так: огонь, вода, земля и B
воздух — все это, как утверждают, существует от природы и случая; искусство здесь ни при чем; в свою очередь и последующие тела — это касается земли, солнца, луны и звезд — произошли через посредство этих первооснов, совершенно неодушевленных. Эти первоосновы носились, каждая по присущей ей случайной силе, и там, где они сталкивались, они как-то друг к другу прилаживались: теплое к холодному, сухое к влажному, мягкое к твердому; словом, поскольку все неизбежно сме- C
шалось вместе путем случайного смешения противоположных первооснов, будто бы так-то вот и произошло все небо и все, что̀ на небе, так же как и все животные и растения; отсюда будто бы произошла и смена времен года, а вовсе не через разум — та̀к учат эти люди — и не через какое-либо божество или искусство, но будто бы, повторяем, происхождение всего этого обусловлено исключительно природой и случаем. Позднейшее же искусство возникло из них позднее; оно смертно само и возникло из смерт- D
ных основ; оно возникло позднее, как некая забава, не слишком причастная истине, как некие образы, сродные друг

другу, какие порождает живопись, мусическое искусство и другие, соперничающие с ними, искусства. Стало быть, из искусств только те порождают что-либо серьезное, которые применяют свою силу сообща с природой, каковы, например, врачевание, земледелие и гимнастика. Ну, а в политике, утверждают они, разве
E лишь незначительная какая-нибудь часть имеет общее с природой, бо́льшая же часть — с искусством. Стало быть, и всякое законодательство, будто бы, обусловлено не природой, а искусством; вот почему его положения и далеки от истины [97].

Клиний. Как ты говоришь?

Афинянин. О богах, дорогой мой, подобного рода люди утверждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а вследствие искусства и в силу некоторых законов, причем боги различны в разных местах сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства. Точно так же и прекрасным по природе является одно, а по закону — другое; справедливого же вовсе нет по природе; законодатели пребывают относительно него в разногласии и постоянно вносят здесь все новые и новые изменения. Эти изменчивые постановления законодателей, будто бы, являются для каждого определенного времени господствующими, причем возникают они благодаря искусству и определенным законам, а не
890 по природе. Вот все это-то, друзья мои, и высказывают мудрые люди, поэты ли они или прозаики, перед молодежью, выражая взгляд, что наиболее справедливым является то, когда кто насильно одержит верх. Отсюда внедряются в молодых людях нечестивые воззрения, будто нет тех богов, признавать которых предписывает закон. Из-за этого же происходят и смуты, так как каждый увлекает других к сообразному с природой правильному образу жизни, а такая жизнь, будто бы, поистине заключается в том, чтобы жить, одерживая верх над остальными людьми, а не находиться, согласно законам, в подчинении у других.

B Клиний. Какое учение изложил ты, чужестранец! Сколько здесь пагубного для молодежи, как в общественной жизни — в государстве, так и в частной жизни — в семьях!

Афинянин. Ты говоришь правду, Клиний. Так что́ же, по твоему мнению, должен сделать законодатель? Ведь такое поло-

жение вещей сложилось уже давно[98]. Должен ли законодатель стать посреди города и только грозить всем людям: если они не признают существования богов и не будут считать богов именно такими, какими их признаѐт закон — тоже и относительно прекрасного, справедливого и вообще о всем самом важном, что̀ направляет к добродетели или к пороку — то, все равно, надо следовать указаниям, предписанным законодателем, как в своих C
мыслях, так и в действиях; кто же выкажет себя непослушным законам, так одного присудить к смертной казни, другого к побоям и тюрьме, третьего к лишению гражданских прав, прочих же наказать отобранием имущества в казну и изгнанием? Или надо, одновременно с установлением для людей законов, по возможности, смягчить свою речь при помощи убеждения?

Клиний. Разумеется, чужестранец, если представляется слу- D
чай, хотя бы и незначительный, убедить людей в подобных вопросах, то законодатель, мало-мальски достойный, не должен вовсе считать это себе в тягость, но, наоборот, как говорится, кричать об этом во всеуслышание, чтобы своим словом послужить древнему закону, доказать существование богов и вообще все то, что̀ ты только что разобрал; притти на помощь самому закону и искусству и показать, что оба они возникают от природы, что они не меньше природы, хотя бы потому, что являются порождением разума, согласно тому, повидимому, здравому рассуждению, которое ты высказываешь сейчас, и в чем я E
с тобой согласен.

Афинянин. О, неутомимый Клиний! Как? Легко ли следовать за рассуждениями, предназначенными для широких толп, да к тому же бесконечно длинными!

Клиний. Что поделать, чужестранец! Если мы терпеливо выдержали наши столь пространные рассуждения об опьянении и о мусическом искусстве, то неужели мы не выдержим их, когда речь идет о богах и о тому подобном? Несомненно, это окажется величайшей помощью для законодательства, сопряженного с разумностью. Дело в том, что предписания относительно зако- 891
нов, будучи записаны, послужат в любое время изобличением и будут стоять непоколебимо. Поэтому не надо бояться, если их усвоение будет в начале затруднительно: кто непонятлив, тот сможет часто возвращаться к их рассмотрению. И не надо

бояться их пространности — лишь бы они были полезны. Вследствие этого у всякого человека, нет никакого основания не оказать, по мере сил, поддержки этим положениям; к тому же мне лично это представлялось бы даже нечестивым.

Мегилл. Чужестранец, мне кажется, Клиний совершенно прав.

B Афинянин. Да, он вполне прав, Мегилл; и надо поступить именно та̀к, ка̀к он говорит. Ведь если бы подобные учения не были распространены между всеми, так сказать, людьми, то и не было бы нужды защищать учение о бытии богов. Но теперь это необходимо; и кому же более всего, как не законодателю, подобает притти на помощь величайшим законам, совершенно извращаемым дурными людьми?

5

Афинянин. Но повтори мне еще раз, Клиний — раз уже тебе приходится быть участником этих рассуждений — ведь приверC женцы упомянутых учений, как кажется, смотрят на огонь, воду, землю и воздух, как на первоосновы всех вещей, и именно это-то они и называют природой. Душу же они выводят позже из них. Впрочем, вероятно, это не только та̀к кажется, но и на самом деле подобный взгляд утверждается этим учением.

Клиний. Да, вполне определенно.

Афинянин. Так вот мы и нашли, клянусь Зевсом, как бы источник бессмысленного мнения людей, касавшихся когда-либо исследований о природе. Рассмотри внимательно и разбери все D это учение! Было бы чрезвычайно важно, если бы оказалось, что приверженцы и заправилы этих нечестивых учений вовсе не безукоризненно, но, наоборот, весьма ошибочно пользуются способами рассуждения. А мне именно и кажется, что это обстоит так.

Клиний. Хорошо сказано; но попытайся разъяснить, в чем их ошибка.

Афинянин. Повидимому, нам придется приступить к менее обычным рассуждениям.

Клиний. Но это не причина для колебаний, чужестранец.

Я понимаю, что ты думаешь, будто мы, коснувшись этого вопроса, выйдем за пределы законодательства. Но так как нет никакого другого способа заставить людей убедиться в правиль- E
ности веры в богов, признаваемых теперь законом, то надо, друг мой, испробовать и этот путь.

Афинянин. В таком случае я высказал бы, вероятно, необычное рассуждение в таком роде: учения, под влиянием которых сложилась душа людей нечестивых, объявляют то, что́ служит причиной возникновения и гибели всех вещей, не первым, а возникшим позднее; то же, что́ на самом деле возникло позднее, они объявляют первым. Отсюда и проистекают их заблуждения относительно действительной сущности богов.

Клиний. Я еще не понимаю. 892

Афинянин. Что̀ такое душа, друг мой, это, кажется, неведомо почти что всем людям—какова она, какое значение она имеет, каковы остальные ее свойства, в особенности же, каково ее возникновение, именно, что она является среди первых тел, так как она возникла прежде всех них, что она более, чем что-либо иное, властна надо всякого рода изменениями и переустройствами тел. Раз дело обстоит так, то, не правда ли, необходимо, чтобы то, что̀ сродно душе, являлось возникшим прежде того,
что̀ принадлежит телу, так как душа старше тела. B

Клиний. Необходимо.

Афинянин. Следовательно, мнение, попечение, разум, искусство и закон были ранее жесткого, мягкого, тяжелого и легкого. Рано возникли и великие первые произведения и создания искусства, так как они существуют среди первооснов; а то, что̀ обусловлено природой, и сама природа — впрочем, здесь это название неправильно применяют — возникло позднее из искусства и разума и подвластно им.

Клиний. В чем же эта неправильность?

Афинянин. Им угодно называть природою возникновение C
первооснов. Но если обнаружится, что душа-то именно и есть первооснова, а не огонь и не воздух, так как душа возникла среди первооснов, то, пожалуй, всего правильнее было бы сказать, что душа по преимуществу существует от природы. Та̀к обстоит дело — если только кто докажет, что душа старше тела— и никак не иначе.

*

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Итак, не приступить ли нам затем к этому доказательству?

Клиний. Конечно.

D Афинянин. Нам надо всячески остеречься, как бы это лукавое учение, подобающее лишь молодежи, не переубедило нас, стариков, и не поставило бы нас в смешное положение, ускользнув из наших рук; как бы не показалось, что мы промахнулись и в малом, тогда как метили в большое. Видите ли, если бы нам всем втроем надо было перейти стремительное течение реки, то я, как самый младший и опытный в переправах через
E потоки, сказал бы, что сперва следует мне одному, самому по себе, попробовать переправиться, оставив вас в безопасном месте на берегу, и посмотреть, возможна ли здесь переправа также и для вас, людей более пожилых, или как вообще обстоит дело. Если переправа окажется возможной, то я тогда позвал бы вас и помог бы вам своею опытностью при переправе; если для вас переправа невозможна, то в таком случае опасности подвергся бы только один я. Такое предупреждение показалось бы уместным. Так вот точно так же и теперь: предстоящее рассуждение еще более стремительно, и переправа через него, по-
893 жалуй, почти что невозможна при ваших силах. Как бы у вас, людей непривычных к ответам, не закружилась голова и не потемнело в глазах при виде такого стремительного потока вопросов. Чтобы не случилось такой неподходящей и непристойной неприятности, мне кажется, я и теперь должен поступить именно так: вы будете в безопасности слушать, а я сперва буду задавать сам себе вопросы, а затем опять-таки сам и отвечать на них. Таким образом пройдем мы все это исследование, пока не будет закончен вопрос о душе и не будет доказано, что душа первее тела.

Клиний. Твое предложение, чужестранец, прекрасно; исполни же его.

6

B Афинянин. Отлично. Но если когда нужно нам было призвать на помощь бога, так в особенности это надо сделать сей-

час, при создавшихся обстоятельствах. Итак, призовем со всяким рвением тех, бытие кого нам надо доказать! Держась за этот надежный причал, пустимся в открытое море нашего нынешнего исследования! Если меня станут изобличать следующими вопросами, то всего надежнее кажется мне отвечать следующим образом. Если кто спросит:

— Чужестранец, разве все стои́т и ничто не движется? Или как раз наоборот? Или часть вещей движется, а часть пребывает в покое?

Я отвечу:

— Да, часть вещей движется, а часть пребывает в покое.

— Конечно, стоящие вещи стоят, а движущиеся движутся C
в каком-нибудь пространстве?

— Разумеется.

— При этом часть вещей делает это в каком-нибудь одном месте, а другая часть — во многих местах?

— Ты — ответим мы — разумеешь те из стоящих вещей, сила которых находится в центре, так что они движутся на одном месте, как, например, обращается окружность колеса, хотя о самом колесе говорится, что оно стоит.

— Да, мы понимаем, что при таком обращении окружности D
подобное движение, приводя во вращение и самый большой и самый малый круг, распределяется пропорционально величине этих кругов, так что оно то уменьшается, то увеличивается пропорционально им. Поэтому-то такое движение и служит источником всех удивительных явлений, сообщая одновременно и большим и, в то же время, малым кругам соответственную медленность или скорость обращения, между тем как иной стал бы ожидать, что это невозможно.

— Ты совершенно прав. Под предметами же, движущимися во многих местах, ты, мне кажется, разумеешь такие предметы, которые путем перемещения постоянно меняют свое место на новое и то приобретают себе основание в виде одного какого-нибудь центра, то вращаются вокруг многих. При каждом
отдельном столкновении таких предметов с другими предме- E
тами происходит вот что: при столкновении с предметами стоящими, они раскалываются; при встрече же с другими предметами, несущимися с противоположной стороны в одну и ту же

точку, они становятся в центре, посреди таких тел, и тогда происходит соединение.

— Я согласен, что все бывает так, как ты говоришь.

— При соединении предметы увеличиваются, а при разъединении убавляются, когда установившееся в каждом из них состояние продолжает оставаться. Если же это состояние прекращается, то предметы погибают в силу обеих этих причин [99].
894 Возникновение же всех предметов возникает при наличии какого состояния? Ясно, что это бывает тогда, когда начало примет приращение и переходит во вторичное изменение, а от него к ближайшему следующему; перейдя до трех изменений, оно становится восприемлемым для тех, кто обладает восприятием [100]. Так вот, путем таких изменений и перемен в движении и возникает все; это есть уже действительно сущее, коль скоро здесь появляется длительное пребывание. А при изменении в другое состояние оно совершенно погибает.

Не правда ли, друзья мои, мы перечислили все виды дви-
b жения, за исключением только двух.

Клиний. Каких двух?

Афинянин. Чуть ли ни тех видов движений, друг мой, ради которых мы и предприняли все нынешнее рассмотрение.

Клиний. Объяснись.

Афинянин. Не ради ли души предприняли мы его?

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так вот, одним из этих видов движений пусть будет такое движение, которое может приводить в движение другие предметы, а само себя — никогда не может. Другим же, и опять-таки отдельным видом всех движений, будет такое, которое может приводить в движение всегда и себя и другие предметы при их приращениях и в том, что̀ противоположно
c приращению, в возникновении и в уничтожении.

Клиний. Пусть будет так.

Афинянин. А то движение, что̀ постоянно движет другие предметы и само изменяется под влиянием других предметов, не установим ли мы, опять таки, как девятый вид движения? Движение, что̀ движет и само себя и другие предметы и гармонирует со всякими действиями, со всякими состояниями, называют, по существу, изменением и движением всего суще-

ствующего; это движение мы обозначим, пожалуй, как десятый вид.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Из этих десяти видов движения, какое всего
правильнее было бы счесть за самое могущественное и по пре- D
имуществу действенное?

Клиний. Необходимо признать, что то движение, которое может приводить в движение само себя, неизмеримо превосходнее, а все остальные виды стоят на втором месте.

Афинянин. Хорошо. Следовательно, нам придется сделать одно или два изменения в том, что̀ сейчас было не вполне правильно сказано.

Клиний. О каких изменениях ты говоришь?

Афинянин. Мы не вполне правильно, пожалуй, назвали этот вид движения десятым.

Клиний. В каком смысле неправильно?

Афинянин. Согласно нашему рассуждению, этот вид движения является первым, как по возникновению, так и по своей мощи; а тот вид, который только что назван девятым, будет после него вторым.

Клиний. Что̀ ты разумеешь? E

7

Афинянин. Вот что: если у нас один предмет производит изменение в другом, а тот другой, в свою очередь, всегда в третьем, то найдется ли из подобных предметов такой, который впервые произвел это изменение? Далее, каким образом предмет, движимый иным предметом, стал бы первым из переиначивающих предметов? Ведь это невозможно. Зато когда предмет движет сам себя и переиначивает другой предмет, а этот другой — третий, и так далее, т. е. когда движение сообщается бесчисленному количеству предметов, то, в таком случае, не-
ужели найдется какое-нибудь другое начало всего этого дви- 895
жения предметов, кроме изменения этого самого движущегося предмета?

Клиний. Ты совершенно прав; с этим надо согласиться.

Афинянин. Зададим себе еще такой вопрос, и сами же на него ответим: если бы все вещи, сейчас же после своего возникновения, были неподвижны, как это осмеливается утверждать большинство людей, то какого же рода движение, из перечисленных выше видов, необходимо должно было возникнуть первым среди них? Разумеется, такое, что̀ движет само себя. В са-
B мом деле: до того времени оно не могло подвергнуться переменам, потому что до того в вещах вовсе не было перемены. Следовательно, началом всех видов движения, возникшим первым посреди стоящих вещей и посреди движимых, является, по нашему признанию, самодвижущееся, наиболее древнее и сильное из всех изменений; а вещь, переиначиваемую другою вещью и приводящую в движение другие вещи, мы признаѐм вторичною.

Клиний. Ты совершенно прав.

C Афинянин. Раз мы в нашем рассуждении дошли до этого места, то ответим вот на что.

Клиний. На что?

Афинянин. Если бы мы увидели возникновение этого первоначала в земляной, водяной или огнеобразной среде — все равно, в чистом ли виде эта среда или в смешанном, — то как бы мы назвали подобное состояние?

Клиний. Не о том ли ты меня спрашиваешь, назовем ли мы это жизнью, раз оно само себя движет?

Афинянин. Да.

Клиний. Жизнью — чем же иным?

Афинянин. Так что же, когда мы в чем-либо видим душу, то не должно ли согласиться с тем же самым, т. е., что это есть жизнь?

Клиний. Не иначе.

D Афинянин. Запомни же, ради Зевса, это положение! Ты допускаешь, не правда ли, что о каждом предмете мы можем мыслить трояко?

Клиний. Что̀ ты имеешь в виду?

Афинянин. Во-первых, его сущность, во-вторых, определение этой сущности, в-третьих, его название. И обо всем существующем могут быть заданы два вопроса.

Клиний. Какие два?

Афинянин. Или когда предлагают название какого-либо

предмета, а спрашивают у нас его определение, или же, наоборот, предлагают его определение, а спрашивают его название. Не правда ли, нечто подобное хотим мы и теперь сказать?

Клиний. Чтò же именно?

Афинянин. Разделение на две равные части в других предметах, а также и в числе. Применительно к числу это получает название: чет. Определение же его: число, делящееся на две равные части. E

Клиний. Да.

Афинянин. Вот на это-то я и хочу указать. Не правда ли, мы обозначаем одно и то же, как в том случае, когда у нас спрашивают определение, а мы даем название, так и когда у нас спрашивают название, а мы даем определение. Ведь мы обозначаем один и тот же предмет при помощи названия „четный“ и посредством определения „число, делящееся на две части“.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Каково же определение того, чему имя „душа“? Разве есть другое какое-либо определение, кроме только что 896
высказанного: это есть движение, могущее двигать само себя?

Клиний. Как, ты утверждаешь, что „могущее двигать само себя“ есть определение той же самой сущности, которую мы все называем „душою“?

Афинянин. Да, утверждаю. А если это так, то станем ли мы считать, будто требуется еще что-нибудь для полного доказательства того, что душа есть то же самое, чтò и первое возникновение и движение вещей, настоящих, прошедших и будущих, а равным образом и всего, чтò этому противоположно, коль скоро выяснилось, что она является для всех вещей причиной изменения и всякого движения.

Клиний. Нет; вполне доказано, что душа старше всех вещей, так как стало ясно, что она возникла, как начало движения.

Афинянин. Не правда ли, движение, возникающее в другом предмете и никогда не представляющее ничего, чтò могло бы двигаться само в себе, является вторичным? Впрочем, все равно, которым бы его ни считать, лишь бы только признавать его одним из незначительных видов движения; это есть изменение действительно неодушевленного тела.

Клиний. Верно.

Афинянин. Значит, мы выразились бы правильно, вполне основательно, всего более согласно с истиной и наиболее совер-
C шенно, если бы сказали, что у нас душа возникла первее тела, тело же — позже и является вторичным, так что власть принадлежит душе, а тело, по природе, должно находиться у нее в подчинении.

Клиний. Да, это вполне соответствует истине.

8

Афинянин. Вспомним же то, в чем мы согласились в предшествующих рассуждениях: если окажется, что душа старше тела, то и все относящееся к душе будет старше всего относящегося к телу.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Стало быть, характеры, нравственные свойства, хотения, умозаключения, истинные мнения, попечения и память
D возникли ранее, чем длина тел, их ширина, толщина и сила, раз душа первее тела.

Клиний. Неизбежно.

Афинянин. Но после этого не необходимо ли будет согласиться, что душа является причиной блага и зла, прекрасного и позорного, справедливого и несправедливого и всяких других противоположностей, если только мы постановим считать ее причиной всего?

Клиний. Как же иначе?

E Афинянин. Не необходимо ли признать, что душа, управляющая всем и живущая во всем, что̀ как бы то ни было движется, управляет также и небом?

Клиний. Почему нет?

Афинянин. Одна ли или многие? Я отвечу за вас: многие. Ибо мы никак не можем предположить менее двух, т. е. одной благодетельной и другой, могущей совершать ей противоположное [101].

Клиний. Ты совершенно верно выразился.

Афинянин. Прекрасно. Итак, душа руководит всем, что̀ на

небе, на земле и на море, при помощи своих собственных движений, которых названия следующие: воля, рассмотрение, попе- 894
чение, совет, мнение правильное и ложное, радость, скорбь, отвага, страх, ненависть, любовь; также при помощи всех родственных этим или изначала действующих движений, которые, в свою очередь, воспринимают вторичные движения тел и ведут все то к увеличению, то к уничтожению, то к разделению, либо к соединению, и к сопровождающему их теплу, холоду, тяжести, легкости, жесткости, мягкости, белому или черному, кислому или сладкому. Пользуясь всем этим, душа, будучи по существу божеством, к тому же восприняв постоянно божественный разум, пестует все для истины и блаженства. B
Сойдясь же с неразумием, она производит все противоположное. Постановим ли мы, что все это та̀к, или все еще будем находиться в сомнении, не обстоит ли это как-либо иначе?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Итак, какой род души признаѐм мы за господствующий над небом, землей и всем круговращением: разумный ли и полный добродетели, или же не имеющий ни того ни другого? Хотите ли вы, чтобы мы так ответили на этот вопрос — C

Клиний. Как?

Афинянин. Чудной ты человек, скажем мы, ведь если путь и перемещение неба, со всем существующим на нем, имеет природу, подобную движению, кругообращению и умозаключениям разума, если и то и другое идет родственным образом, то, очевидно, должно признать, что наилучшая душа имеет попечение о вселенной и ведет ее именно по такому пути.

Клиний. Правильно. D

Афинянин. Если же вселенная идет безумно и нестройно, то, очевидно, надо признать, что это — дело злой души.

Клиний. И это верно.

Афинянин. Какую же природу имеет движение разума? Вот на этот вопрос, друзья мои, уже трудно рассудительно ответить. Поэтому справедливо было бы, чтобы я помог вам при ответе.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Подобно тому как те, кто смотрит прямо на солнце, среди бела дня, чувствуют себя точно ночью, так и мы

не станем давать ответа, будто мы когда-либо сможем видеть разум смертными очами и достаточно познать его. Безопаснее
E мы сможем увидеть, если станем взирать на изображение того, о чем нас спрашивают.

Клиний. Что́ ты разумеешь?

Афинянин. Из десяти вышеперечисленных движений возьмем изображение того вида, к которому всего более приближается разум. Я напомню вам этот вид и затем, сообща с вами, дам ответ.

Клиний. Та̀к будет всего лучше.

Афинянин. Из всего вышесказанного мы помним, между прочим, и то, как мы установили, что часть предметов движется, часть же пребывает в покое.

Клиний. Да.

398 Афинянин. В свою очередь, часть движущихся предметов движется на одном месте, часть же носится по многим местам.

Клиний. Так.

Афинянин. Из этих двух видов движений, то, которое совершается на одном месте, необходимо движется постоянно вокруг какого-то центра, как некое подражание волчку; оно-то и является во всех отношениях, насколько это только возможно, подобным и всего более близким к кругообращению разума.

Клиний. Что̀ ты разумеешь?

Афинянин. Надеюсь, что мы не покажемся плохими творцами словесных изображений, если скажем, что оба, т. е. и разум и совершающееся на одном месте движение, на подобие выточенного волчка, движутся согласно одному и тому же на-
B чалу, одинаковым образом, на одном и том же месте, вокруг одного и того же, сохраняя постоянное отношение к одному и тому же, по одинаковому основанию и с одинаковой последовательностью.

Клиний. Ты говоришь совершенно правильно.

Афинянин. Равным образом разве не было бы сродно всяческому неразумию движение, никогда не совершающееся одинаковым образом и согласно с одним и тем же началом, не на одном и том же месте, не вокруг одного и того же, без определенного отношения к одному и тому же, в беспорядке, без последовательности и без всякого основания?

Клиний. Совершенно верно, это было бы сродни неразумию.

Афинянин. Теперь уже вполне легко сказать с полной точ- C
ностью, что раз душа производит у нас круговое вращение всего, то должно по необходимости признать, что попечение и упорядочение кругового вращения неба принадлежит благой душе; или же злой?

Клиний. Чужестранец, из только что сказанного вытекает, что было бы даже нечестиво утверждать иное; нет, такое круговое вращение производит душа, обладающая всяческой добродетелью, единая или, может быть, их несколько.

Афинянин. Ты прекрасно понял мою мысль, Клиний.
Обрати же еще внимание на следующее. D

Клиний. Что̀ именно?

9

Афинянин. Если душа вращает все, то, очевидно, она же вращает и каждое в отдельности, т. е. и солнце, и луну, и остальные звезды.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Рассудим об одном из них; наши рассуждения окажутся применимы и ко всем звездам.

Клиний. О чем же?

Афинянин. Всякий человек видит тело солнца, душу же его никто не видит. Равным образом никто не видит души никакого другого тела из живых существ, ни живущего, ни умершего. Есть полная вероятность думать, что от природы этот род для
нас совершенно не может быть воспринят никакими телесными E
восприятиями, но что он мысленно познаваем для одного только разума. Примем же, при помощи только разума и размышления, следующее положение относительно этого рода.

Клиний. Какое?

Афинянин. Коль скоро душа вращает солнце, то мы вряд ли ошибемся, если предположим, что из трех возможных случаев она делает что-либо одно.

Клиний. Из каких трех?

Афинянин. Или она, находясь внутри этого кажущегося

круглым тела, заставляет его повсюду вращаться, подобно тому, как наша душа всячески движет нами; или же, по учению некоторых, она откуда-то извне добыла себе огненное или какое-
899 либо воздушное тело и насильно теснит тело телом; или же, в-третьих, она сама лишена тела, но зато обладает какими-то иными удивительными силами и таким образом правит солнцем.

Клиний. Да, неизбежно, душа, совершая что-либо одно из этих трех видов, руководит всем.

Афинянин. Эту душу, все равно, возводит ли она солнце на колесницу, давая свет всем, или же действует извне, или же поступает каким-либо другим способом и другим путем, — всякий человек, должен считать лучше солнца и признавать богом. Не правда ли?

Клиний. Да, по крайней мере, тот, кто не дошел до послед-
B них пределов неразумия.

Афинянин. Относительно же всех звезд, луны, лет, месяцев, всех времен года, какое другое рассуждение приведем мы, как не то же самое, то есть: в виду того, что душа или души оказались причиной всего этого и, к тому же, они обладают всеми нравственными совершенствами, мы их признаѐм за божества, все равно пребывают ли они, как живые существа, в телах, или в другой какой-либо оболочке и другим образом управляют небом. Найдется ли человек, который, согласившись с этим, стал бы отрицать, что „все полно богов“? [102].

C Клиний. Нет никого, чужестранец, настолько превратно мыслящего.

Афинянин. Закончим же, Мегилл и Клиний, это наше рассуждение и укажем пределы тому, кто раньше отрицал богов.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Ему придется доказать нам, что мы неправильно постановили считать душу за первое возникновение всего, а также и опровергнуть все то, что̀ мы высказали вслед за этим положением; или же, если он не в силах сказать что-либо лучшее, чем сказали мы, то послушаться нас и жить прочее время жизни, признавая богов. Итак, посмотрим, достаточно ли для
D тех, кто отрицает богов, доказали мы бытие богов, или же коечего нам не достает?

Клиний. В высшей степени достаточно, чужестранец.

10

Афинянин. Итак, закончим на этом наше рассуждение. Нам
приходится перейти к увещанию того человека, кто признает
бытие богов, но отрицает их промысел над людскими делами.
Дорогой мой, — скажем мы ему, — что ты признаешь богов, так
это, может быть, некоторое божественное сродство между твоей
и их природой ведет тебя к почитанию и признанию бытия
богов. Однако, тебя ведет к нечестию участь как частная,
так и общественная, злых и несправедливых людей. Эта участь E
далека, поистине, от счастья; между тем, она считается, хотя и
неправильно, в высокой степени счастливой, согласно общепри-
нятому мнению; ее воспевают недолжным образом в произве-
дениях муз и во всевозможных речах. Или тебя, может быть,
приводит в смущение зрелище того, как нечестивые люди до-
живают в глубокой старости до предела своей жизни, оста-
вляют детей своих среди величайших почестей; может быть, ты 900
видел все только что указанное, по наслышке знал, или же,
наконец, сам случайно был очевидцем ужасных и многочислен-
ных нечестивых поступков, чрез которые многие люди из низ-
кого звания достигали величайших почестей и даже тираннии.
Вследствие всего этого ясно, что ты, не желая, по причине
своего сродства с богами, бросать упреки им, будто они являются
виновниками этого, дошел до нынешнего твоего состояния под
влиянием какого-то недомыслия и не находишь в себе сил не-
годовать на богов, то есть, ты признаешь их существование, B
но думаешь, что они свысока и с небрежением относятся к че-
ловеческим делам. И вот, чтобы нынешнее твое мнение не укло-
нилось в сторону нечестия и не дошло до более болезнен-
ного состояния, мы, если только можно каким-либо образом
найти в себе силы загладить, при помощи речей, точно очисти-
тельной жертвой, привходящее сюда нечестие, попытаемся,
соединив дальнейшее рассуждение с тем, которое мы рассмо-
трели от начала до конца, обращаясь к непризнающему совер-
шенно бытия богов, воспользоваться им и в настоящем случае.
Ты же, Клиний, и ты, Мегилл, отвечайте, подобно тому, C
как и в предшествующих рассуждениях, за молодого человека

Если же внезапно представится какая-либо трудность при рассуждении, то я замещу вас и переведу через реку.

Клиний. Ты прав. Поступай именно так, а мы тоже, по мере сил, станем поступать, как ты говоришь.

Афинянин. Доказать, что боги пекутся о малом не менее, чем о выдающемся своею величиной, это, пожалуй, будет со-
D всем нетрудно. Ведь наш противник присутствовал здесь и выслушал только-что сказанное, т. е., что боги благи в смысле всех добродетелей, и, значит, им в высшей степени свойственно иметь попечение обо всем.

Клиний. Конечно, он слышал это.

Афинянин. Далее, исследуем все вместе, о какой добродетели говорили мы, когда согласились, что боги благи. Не правда ли, мы признае́м, что здравомыслие и обладание разумом относится
E к добродетели, а все противоположное — к пороку?

Клиний. Признае́м.

Афинянин. Что же еще? Мужество не принадлежит ли к добродетели, а трусость к пороку?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Не назовем ли мы первое прекрасным, а второе позорным?

Клиний. Необходимо.

Афинянин. И что одно подобает нам, т. е., то, что̀ дурно; о богах же мы скажем, что они не причастны этому ни в малой, ни в большей степени?

Клиний. Всякий согласится, что это так.

Афинянин. Так в чем же дело? Небрежение, праздность и негу поместим ли мы в число добродетелей души? или как по твоему?

Клиний. Как можно!

Афинянин. Значит, ты отнесешь все это к противоположному?

Клиний. Да.

Афинянин. А то, что̀ противоположно этому, — к противо-
901 положному?

Клиний. Да, к противоположному.

Афинянин. Так, что же? Не правда ли, всякий пребывающий в праздности, неге и небрежении, кто, по выражению

поэта, в высшей степени похож на лишенных жала трутней[103] и в самом деле таков?

Клиний. Это сравнение в высшей степени верно.

Афинянин. Поэтому не должно говорить, будто бог имеет такие нравственные свойства, которые ему самому ненавистны; и если кто-либо попытается высказывать что-нибудь подобное, то этого нельзя допустить.

Клиний. Конечно, нет. Как можно это допустить!

Афинянин. На каком основании стали бы мы хвалить, не B
впадая притом в самые грубые ошибки того, кому приличествует, предпочтительно перед всеми, действовать и заботиться, если его разум заботится о великом, а о малом небрежет? Рассмотрим это следующим образом: не правда ли, тот, кто это делает, бог ли он или человек, действует по двум причинам?

Клиний. По каким двум?

Афинянин. Или он полагает, что для целого не будет никакой разницы, если малое находится в небрежении, или же,
если разница есть, то он не заботится из-за нерадения и неги. C
Или, может быть, есть какие-либо другие причины небрежения? Ведь если действительно невозможно иметь попечение обо всем, то это уже не будет небрежением со стороны того, кто не печется о малом или о великом, т. е., когда бог или какое-либо низшее существо, по своим силам, оказываются не в состоянии иметь попечение об этом.

Клиний. Не иначе.

11

Афинянин. Ныне же пусть отвечают нам троим оба наши D
противника; они согласны признать бытие богов, но один утверждает, что боги преклонимы, другой же, что они небрегут о малом. Прежде всего признайте оба, что боги знают, видят и слышат все, и ничто не может от них укрыться из всего того, что̀ воспринимаемо. Допускаете ли вы, что это так, или не допускаете?

Клиний. Да, так.

Афинянин. Что же дальше? Признаѐте ли вы, что боги могут делать все, что̀ только могут смертные или бессмертные?

Клиний. Как же не согласиться, что и это та̀к?

Афинянин. Мы все впятером согласились, что боги благи,
E и даже в высшей степени благи.

Клиний. Вполне.

Афинянин. Но если они таковы, каковыми мы их признали, то уже невозможно, не правда ли, признавать, что они делают что-либо с нерадением и негой: ведь в нас праздность есть порождение трусливости, а нерадение — праздности и неги.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Никто из богов не небрежет по нерадению и праздности, ибо в них совершенно нет трусливости.

Клиний. Вполне правильно.

902 Афинянин. Значит, остается только то, что если боги небрегут о малом и незначительном во вселенной, то они поступают так в сознании, что вообще не должно иметь попечение ни о чем таком. Или им остается еще что-либо, кроме как раз обратного сознания, т. е., необходимости попечения?

Клиний. Ничего иного.

Афинянин. Итак, не предположить ли нам, о достойнейший и превосходнейший наш противник, что ты утверждаешь одно из двух: или что боги находятся в неведении и, вследствие этого неведения, небрегут и не заботятся о своем долге, или же сознают свой долг, но не исполняют его, на подобие самых презренных людей, которые, как говорится, знают, что́ нужно делать, но, однако, по причине какой-то подверженности наслаждениям
B или скорбям, не делают этого.

Клиний. Что же иное?

Афинянин. Не правда ли, человеческие дела причастны одушевленной природе, а равным образом и человек есть самое благочестивое из всех живых существ?

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Мы признае́м, что все смертные существа, равно как и все небо, есть достояние богов.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Пусть же теперь кто угодно утверждает, будто наши человеческие дела являются малыми или великими для богов. И в том и в другом случае нашим в высшей степени

благим и заботливым владельцам не следовало бы не иметь о C
нас попечения. Рассмотрим к тому же еще вот что.

Клиний. Что̀ именно?

Афинянин. Относительно восприятия и значительности. Не правда ли, они от природы противоположны друг другу в отношении легкости и трудности?

Клиний. Что̀ ты разумеешь?

Афинянин. Видеть или слышать малое труднее, чем большое; наоборот, для всякого нести малое и незначительное, управлять им, иметь попечение о нем легче, чем о противоположном.

Клиний. Гораздо легче. D

Афинянин. Если врачу, желающему и могущему лечить, будет поручен весь организм целиком, а он станет заботиться только о большом, а незначительными частностями пренебрежет, то в хорошем ли состоянии окажется весь организм?

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Точно так же ни у кормчих, ни у военачальников, ни у домохозяев, ни у каких бы то ни было государственных деятелей, вообще ни у кого из подобного рода людей не
окажется ничего великого или многого, если они пренебрегут
малым или незначительным. Ибо, как говорят каменщики, боль- E
шие камни не лежат хорошо без малых.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Не будем же полагать, будто бог стоит ниже смертных ремесленников, которые чем лучше сами, тем более тщательно и совершенно, посредством одного искусства, исполняют и малые и большие, свойственные им, работы. Неужели же бог, существо в высшей степени мудрое, желающее и могущее
иметь попечение, вовсе не печется о малых предметах — между
тем как именно потому, что они малы, тем легче попечение 903
о них, — а только о великих, на подобие человека праздного
или труса, падающего духом при виде трудов?

Клиний. Мы никоим образом не примем такого мнения о богах, чужестранец. Ибо подобный образ мыслей был бы во всех отношениях нечестив и не соответствовал бы истине.

Афинянин. Мне кажется, что любителю упрекать богов в небрежении мы теперь вполне уже доказали его неправоту.

Клиний. Да.

*

Афинянин. Поскольку мы принудили его нашими доказа-
B тельствами признать, что он неправ. Однако, мне кажется, что он нуждается еще кое в каких зачаровывающих сказаниях.

Клиний. В каких именно, друг мой?

12

Афинянин. Станем убеждать юношу следующими доводами: тот, кто имеет попечение обо всем, устроил все, имея в виду спасение и добродетель целого, причем, по возможности, каждая часть терпит или совершает то, что̀ ей надлежит; над каждой из этих частей, вплоть до наименьших делений, поставлен правитель, который ведает малейшими активными и пассивными состояниями, имея в виду конечную цель. Одно из таких существ направляет даже твою, о жалкий человек, крошечную часть
C так, что постоянно имеет перед глазами все целое. Ты и не замечаешь, что все, что̀ возникло, возникает ради всего целого, так чтобы осуществилось присущее жизни всего целого блаженное бытие, возникающее не ради тебя, а, наоборот, ты ради него. Ибо всякий врач, всякий искусный ремесленник, все делает ради всего целого и направляет все к общему благу; он занимается частью ради целого, а не целым ради части. Ты же досадуешь, не зная, как согласуется то, что̀ для тебя является,
D в силу общего возникновения, самым лучшим, со всем целым и с тобою самим. Затем, так как душа соединяется то с одним телом, то с другим, и испытывает всевозможные изменения через самое себя или же через другую душу, то ему, как игроку в шашки, не остается ничего другого, как только перемещать характер, ставший лучшим, на лучшее место, а ставший худшим, на худшее, как то приличествует каждому из них, так чтобы каждому достался подобающий ему удел.

E Клиний. В каком смысле ты говоришь?

Афинянин. Мне кажется, я говорил так для того, чтобы вполне доказательна была та легкость, с которой боги пекутся обо всем. Ведь если бы кто стал преобразовывать и творить все, не обращая внимания на целое, например, сотворил бы из

огня одушевленную воду, из одного многое или из многого 904
одно, то путем первого, второго третьего возникновения получилось бы бесконечное множество перемен и переустройств. Ныне же это удивительно легкое дело для того, кто имеет попечение обо всем.

Клиний. Что́ ты разумеешь?

Афинянин. Вот что: так как царь видел, что все наши работы одушевлены и что в них много добродетели, но много и порока, и что то, что̀ раз возникло, т. е. душа и тело, уже не погибает, хотя оно и не вечно, как боги, признаваемые законом,— ведь если бы или душа или тело погибли, то не было бы воз- B
никновения живых существ,— так как он заметил, что все, что̀ есть в душе доброго, от природы всегда полезно, а злое всегда вредно, то, обратив внимание на все это, он и придумал такое место для каждой из частей, чтобы всего более, легче и лучше побеждала во вселенной добродетель, а порок был бы побежден. Для всего этого он придумал и то, какое местопребывание должно переменить и какие места должно населять все, что̀ возникает. Однако, причины, производящие качественную в нас перемену, он предоставил воле каждого из нас, ибо, сообразно C
с предметом своих желаний и качеством своей души, каждый из нас, по большей части, становится таким, а не иным, в каждом определенном случае.

Клиний. Это естественно.

Афинянин. Итак, все, что̀ причастно душе, изменяется, так как заключает в самом себе причину изменения; и при этом изменении все перемещается, согласно закону и распорядку судьбы. То, что̀ меньше изменяет свой нрав, движется по плоской поверхности; то же, что̀ изменяется больше и притом в сторону несправедливости, падает в бездну и попадает в те места, о которых говорят, что они находятся внизу, и которые называют D
Аидом и тому подобными именами; их люди сильно боятся, они им мерещатся, как при жизни, так и после отрешения от тела. Если же душа, по своей ли собственной воле или под сильным чужим влиянием, изменяется в сторону большей добродетели или порока, то, в первом случае, она, соединившись с божественной добродетелью, становится в высшей степени божественною и меняет прежнее свое место на новое, выдающееся, все-

E целo святое и лучшее. В противном же случае она переносит
свою жизнь в подобающее ей место.

„Вот каково правосудье богов, на Олимпе живущих“ [104].
[Одисс. XIX, 43].

А тебе, юное дитя мое, кажется, что боги не пекутся о тебе.
Если ты станешь худшим, то отправишься к дурным душам,
если же — лучшим, то к лучшим душам. Вообще, и при жизни и
при смерти, кто на что похож, тот то и терпит или делает, как
905 оно и надлежит. Ни ты, ни кто-либо другой, впавший в по-
добное же несчастье, не сможете похвалиться, будто стоите
выше этого правосудия богов. Те, кто устанавливали порядок
вселенной, установили и это правосудие преимущественно перед
всеми другими видами правосудия; поэтому надо со страхом
почитать его. Ибо оно всегда будет иметь попечение о тебе; все
равно так ли ты мал, что можешь погрузиться в глубины земли,
или так высок, что можешь подняться до неба, — ты понесешь
назначенное богами наказание, оставаясь ли здесь, или будешь
B переправлен в Аид, или в еще более лютое место [105]. То же самое
относится и к тем, которые, на твоих глазах, посредством нече-
стивых или тому подобных поступков, из людей незначительных
стали великими и, по твоему мнению, из людей несчастных —
счастливыми. И ты думал, будто в их поступках, как в зеркале,
можно усмотреть небрежение богов обо всем! Но ты не знал,
что и эти люди тоже обязаны уплатить дань в этом отно-
шении, что и они согласуются со вселенной; каким же образом
ты, мужественнейший из людей, можешь, держаться такого
C мнения, будто тебе не должно знать этого правосудия? Кто его
не знает, тот никогда не найдет образца для своей жизни и не
окажется в силах дать себе отчет в том, что ведь жизнь способ-
ствует счастливой или несчастной доле. Если вот этот Клиний
и весь наш совет старейшин убедили тебя в том, чего ты сам
не знал, когда говорил о богах, — то это сам бог превосходным
образом пришел тебе на помощь. Если же ты еще нуждаешься
в каком-либо доказательстве, то выслушай, что̀ мы станем го-
D ворить третьему нашему противнику, если хоть сколько-нибудь
имеешь ума. Я сказал бы, что мы не так уже плохо доказали
бытие богов и их попечение о людях. Но мы не можем ни с кем

согласиться и будем всеми возможными способами опровергать тот взгляд, будто боги принимают дары и могут быть умилостивлены со стороны людей неправедных.

Клиний. Прекрасно сказано. Сделаем же так, как ты говоришь.

13

Афинянин. Ради самих богов, давай рассмотрим, каким способом они могли бы быть умилостивлены, если только это вообще возможно. E

Кто они или каковы они? Те, кто действительно управляет всем небом, необходимо становятся его правителями?

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. Но кому из правителей они подобны, или кто им подобен? Ведь мы легче можем сравнивать меньшее с бо̀льшим. Не возничие ли, управляющие состязающимися колесницами, не кормчие ли судов подобны им? Возможно, что они сходны с пол- 906
ководцами; их можно было бы сравнить с врачами, которые относительно тела держатся настороже, опасаясь борьбы со стороны болезней; или с земледельцами, которые со страхом поджидают обычных, неблагоприятных для произрастания растений, времен года; или же с пастырями стад. Так как мы согласились сами с собой, что небо полно многих благ, но также — впрочем, не в большом числе — и зол [106], то, утверждаем мы, и происходит нескончаемая борьба между ними, требующая чрезвычайной бдительности. Наши союзники — это боги, а равным образом и демоны, мы же, в свою очередь, — достояние богов и демонов. Нас губит несправедливость и наглость с недомыслием, спасает же справедливость и здравомыслие с разумностью. Эти B
добродетели живут в одушевленных силах богов; в нас же живет лишь малая часть их, как это всякий явственно может усмотреть вот из чего: очевидно, что некоторые зверообразные, обладающие неправедной корыстью, живущие на земле души припадают к душам стражей, собак ли, пастухов ли или самых даже высоких владык, и убеждают их посредством льстивых слов или каких-либо обетов и заклинаний — как это утверждает распро-

страненное мнение дурных людей, позволить им преуспевать в корыстолюбии среди людей — и не подвергаться ничему тяж-
C кому. Мы утверждаем, что только что упомянутое прегрешение, т. е. корыстолюбие, в плотских телах называется болезнью, во временах года — мором, в государствах же и в государственных устройствах оно меняет облик своего имени и называется несправедливостью.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Тот, кто говорит, будто боги всегда готовы простить людей несправедливых и творящих несправедливые
D поступки, лишь бы им кто-нибудь уделил часть из своей неправедной добычи, необходимо должен говорит так: если бы волки уделяли малую часть своих хищений собакам, то те, будучи укрощены дарами, позволили бы расхитить стадо. Не таково ли рассуждение тех, кто утверждает, что богов можно умилостивить?

Клиний. Именно таково.

14

Афинянин. В таком случае, кто из людей не вызвал бы смеха, сравнивая богов с какими-нибудь из вышеупомянутых стражей. Не с кормчими ли, которые, будучи подкуплены воз-
E лиянием вина и туком жертв, губят и корабль и корабельщиков?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Не с возничими ли, состязающимися друг с другом, которые, будучи подкуплены дарами, предоставили бы победу другим запряжкам?

Клиний. Дикое сравнение употребил бы ты, защищая это положение!

Афинянин. Ни с полководцами, ни с врачами, ни с земледельцами, ни с пастухами, ни тем паче, с собаками, которых заворожили волки...

907 Клиний. Перестань злословить, как это можно!

Афинянин. Не являются ли все боги величайшими из стражей и не охраняют ли они самое великое?

Клиний. Бесспорно.

Афинянин. Поставим ли мы в отношении добродетели ниже собак или средних людей, — которые никогда не изменят справедливости ради даров, нечестивым образом предлагаемых со стороны неправедных людей, — тех, кто охраняет прекраснейшие вещи и в бдительности превосходит всех?

Клиний. Никоим образом. Подобное утверждение неприем- B
лемо, а того, кто держится подобного мнения, по всей справедливости можно счесть чуть ли не за самого скверного и самого нечестивого из всех нечестивых.

Афинянин. Скажем ли мы, что теперь достаточно доказаны выставленные раньше три положения, а именно: существование богов, их промысел и их полнейшая непреклонность к несправедливости?

Клиний. Как же иначе? Мы согласны с этими доказательствами.

Афинянин. Они были высказаны как-то более резко, вслед-
ствие склонности дурных людей к спорам. Этот спор, дорогой C
Клиний, был поднят ради того, чтобы дурные люди не подумали когда-либо, будто в доказательствах победа на их стороне, а потому они имеют возможность делать, ч҄то хотят, в соответствии с тем, ч҄то и к҄ак они думают о богах. Вследствие этого у нас в наших речах возникло почти юношеское рвение. Если мы хоть отчасти принесли пользу для того, чтобы как-нибудь убедить подобного рода людей возненавидеть самих себя и возлюбить противоположный образ мыслей, то в таком случае наше
вступление к законам о нечестии сказано удачно. D

Клиний. По крайней мере, можно на это надеяться. Если же и нет, то все равно, и подобный род рассуждения нельзя поставить в упрек законодателю.

Афинянин. Вслед за вступлением мы можем выставить требование, — которое правильно истолковывало бы законы, — повелевающее нечестивым изменить свой образ жизни на благочестивый. Для ослушников же пусть будет следующий закон о нечестии: если кто-либо скажет или сделает что-либо нечестивое, то всякий присутствующий при этом должен воспротивиться и
донести правителям; из правителей же те, кто первые узнают E
об этом, должны, согласно с законами, привести виновных в суд, назначенный для разбора этого рода дел. Если же какое-либо

должное лицо, будучи извещено, не сделает этого, то всякий, желающий заступиться за законы, может привлечь его к суду. Если кто окажется виновным, то суд должен назначить соответствующее наказание за каждый отдельный проступок людей нечестивых. Всякий виновный должен быть задер-
908 жан. Тюрем в государстве будет три: одна на площади, общая для большинства задержанных, ради охранения личной безопасности большинства; другая тюрьма — невдалеке от места заседаний Ночного Собрания — будет называться софронистерием; третья же — посреди страны, в каком-нибудь пустынном и совершенно диком месте — получит название, выражающее понятие наказания. Так как люди становятся нечестивыми по трем упомянутым нами причинам, и каждая такая основная
B причина производит два разряда людей, то всего получилось бы шесть различных родов людей, заблуждающихся в божественном. Они требуют различных и неравных наказаний. Ибо те, кто совершенно отрицают существование богов, но от природы обладают справедливым характером, ненавидят дурных людей и, вследствие глубокого отвращения к несправедливости, не имеют склонности к совершению подобных проступков, избегают людей несправедливых, а справедливых лю-
C бят. Другой же разряд — это те, у кого к мнению, будто вселенная лишена богов, прибавляется невоздержанность в наслаждениях и скорбях, хотя они и обладают сильной памятью и прекрасными способностями. Общая болезнь и тех и других — та, что они не признают богов; но первые производят меньше зла, чем вторые, на пагубу остальных людей. Ибо первые в своих речах полны всякого дерзновения относительно богов, жертв, клятв и смеются над всем остальным; они, быть может, сделали бы и других людей такими же, если бы их не настигло во время
D правосудие. Другие держатся того же мнения, что́ и предыдущие, слывут за людей богато одаренных, но полных коварства и козней. Из этого-то рода людей и выходят многие прорицатели, люди, занимающиеся всяческой ворожбой, а иногда и тираны, демагоги, полководцы, составители заговоров при помощи частных таинств, а также и изощрений так называемых мудрецов. Разновидностей подобного рода людей много. Но законополо-
E жения достойны два вида: одни из них, именно лицемеры, заслу-

живают более, чем одну или две смертных казни; другие же нуждаются в увещании и тюремном заключении. Точно так же взгляд, отрицающий промысел богов, порождает также два вида; в свою очередь и мнений, будто боги преклонимы,— тоже два. В виду этой разницы между ними, судья, опираясь на закон, должен присудить тех, кто впал в нечестие по неразумию, а не по злому влечению и характеру, к заключению в софрони- 909
стерий не меньше, чем на пять лет. В течение этого времени никто из граждан не должен иметь к ним доступа, кроме участников Ночного Собрания, которые будут его увещевать и беседовать с ним ради спасения его души. Когда же истечет срок заключения, то тот из них, кто окажется здравомыслящим, пусть получит свободу и живет с людьми здравомыслящими. В противном же случае, т. е., если он снова заслужит подобное наказание, его должно наказать смертью. Тем же, которые, кроме того, что не признаю́т богов и их промысла или B
считают их преклонимыми, вдобавок еще становятся зверообразными и, презирая людей, обольщают бо́льшую часть их при жизни, уверяя, будто могут вызывать души умерших, и, обещая преклонить богов посредством жертв, молитв, заклинаний и колдовства, пытаются, ради денег, в корне развратить как отдельных лиц, так и целые дома и государства,— тем, кто окажется виновным в чем-либо таком, пусть суд назначит наказание в виде заключения в тюрьму, находящуюся посредине страны. Никто из свободных никогда не должен к такому чело- C
веку приходить; назначенную ему законохранителями пищу он должен получать от рабов. В случае смерти тело его выбрасывается непогребенным за пределы страны. Если же кто-нибудь из свободных людей погребет его, то желающий может привлечь его к суду за нечестие. Если он оставит после себя детей, пригодных для государства, то попечители о сиротах пусть позаботятся о них, как о настоящих сиротах, и притом не хуже, чем об осталь- D
ных, начиная с того дня, как их отец подвергся осуждению.

15

Кроме всего этого, надо постановить еще один общий закон, который, запрещая богослужения, не предусмотренные законом,

заставил бы многих меньше погрешать на деле и на словах по
отношению к богам и стать более разумными. Попросту говоря,
вот какой закон должен касаться всех: пусть никто не соору-
жает святилищ в частных домах. Если же у кого явится наме-
рение принести жертву, то пусть он идет в общественные храмы
и там принесет ее, вручив свое приношение жрецам или жрицам,
E которые заботятся о чистоте жертв. К их молитвам пусть он
присоединит свои, а также и всякий желающий помолится
вместе с ним. Та̀к должно быть по следующим причинам. Уста-
навливать святилища и богов нелегко; правильно делать это
возможно только по зрелом размышлении. Между тем преиму-
щественно у всех женщин, у людей больных, подвергающихся
опасности или каким-либо лишениям, а также и в противном
случае, т. е., когда на долю их выпадет какое-либо благопо-
лучие, есть повсюду обычай посвящать то, что̀ они в данное
910 время имеют, богам, демонам и детям богов, причем они дают
обеты и обещают принести жертвы или соорудить святилища;
точно так же те, кто на яву или во сне видел призраки, вспо-
миная также многочисленные видения, сооружают каждому из
них алтари или святилища, как средство для своего спасения;
они наполняют алтарями и святилищами все дома, все поселки,
сооружая их на местах чистых или где придется. Ради всего
B этого и надо поступать сообразно только что указанному закону,
а кроме того, и ради людей нечестивых, чтобы они не совершали
этого тайно, т. е., не сооружали бы тайком святилищ и алтарей
в частных домах, и, полагая, будто богов можно умилостивить
жертвами и мольбами, не дошли бы до последних пределов не-
справедливости и, таким образом, не навлекли бы осуждения
богов на себя, а так же и на тех, кто лучше их, но попускает
им совершать это, и чтобы таким образом все государство
не подверглось, по справедливости, участи людей нечестивых.
Законодателя же бог не станет порицать. Поэтому пусть будет
постановлен такой закон, т. е., не иметь в частных домах святилищ
богов. Если же обнаружится, что кто-либо имеет и тайно почи-
C тает другие святилища, а не общественные, в случае если ви-
новный, — мужчина ли он или женщина, — не совершил никаких
великих и нечестивых проступков, пусть тот, кто это заметил,
известит законохранителей, а те пусть распорядятся перенести

частное святилище в общественное, ослушника же пусть накажут, пока он этого не сделает. Если же обнаружится, что кто-либо совершил не детский какой-либо нечестивый поступок, но свойственный взрослым людям, все равно воздвиг ли он святилище в частном доме, или же в общественном храме приносил жертвы каким-либо богам, то его, так как он не был чист при D
совершении жертвоприношения, должно приговорить к смерти. Законохранители, обсудив, детское ли это нечестие или нет, и препроводив виновного в суд, должны привести в исполнение установленное за нечестие наказание.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

1

Афинянин. После этого, следовало бы нам внести надлежащий порядок в деловые взаимоотношения людей. Основное правило здесь простое: пусть никто, по мере возможности, не касается моего имущества и не нарушает моей собственности, даже в самой малости, раз нет на то моего особого каждый раз разрешения. И я буду точно так же относиться к чужой собственности, пока я в здравом уме. 913

Поговорим прежде всего о таких сокровищах, которые кто-либо отложил и припрятал для себя или для своих близких. Если это не кто-либо из моих предков, то я никогда не стал бы молить богов о том, чтобы мне найти такой клад; а если бы нашел, я не тронул бы его; с другой стороны, я не стал бы сообщать об этом так называемым прорицателям, которые, так B
или иначе, посоветовали бы мне изъять из земли этот вверенный ей залог. Дело в том, что при таком изъятии я не так много выиграю в имущественном стяжании; гораздо больше получу я перевеса и преуспею в душевной добродетели и в справедливости, если воздержусь от такого изъятия. Стяжание вместо стяжания — лучшее в лучшей области — стяжаю я себе, если скорее предпочту стяжать правосудие в душе, чем богатство в имуществе. Пусть то, чтò прекрасно говорится применительно ко многим случаям — именно не нарушать ненарушимого, — будет применено и в данном случае, как в одном из их числа.

К тому же надо верить и передаваемым об этом сказаниям, C
что все это не приносит пользы потомству. Но если встретится человек, не заботящийся о потомстве, который, не обратив внимания на законодателя, присвоит себе вещь, не им отложен-

ную и не кем-либо из его предков, притом без разрешения на то со стороны лица отложившего, то он нарушит не только самый прекрасный и простой из законов, но нарушит также и законоположение далеко не неблагородного мужа, сказавшего: не бери себе то, что̀ не ты отложил[107]. Если человек презрит
D обоих этих законодателей и присвоит себе вещь, не им самим отложенную, к тому же не малость какую-нибудь, но, как это бывает, очень большие ценности, — то что̀ он должен потерпеть? Со стороны богов — об этом знает бог. Но первый, кто заметит этого человека, должен донести об этом астиномам, если это произойдет в городе, или же агораномам, если это случится где-либо на городской торговой площади, или же, наконец, агроно-
914 мам и их начальникам, если это произойдет где-либо в другом месте страны. Когда об этом будет объявлено, государство пусть обратится в Дельфы и, что̀ бог решит относительно денег и лица их присвоившего, то пусть и исполнит государство, помогая прорицаниям бога.

В случае донесения, свободорожденный человек стяжает славу за свою добродетель, в обратном случае прослывет порочным. Если же донесет раб, то государство имеет основание дать ему свободу, выплатив соответственную сумму его хозяину; если же раб не донесет, он будет наказан смертью.

B Вслед за этим установим дальнейшее узаконение, одинаково касающееся как крупных, так и мелких вещей. Если кто нарочно или нечаянно потеряет что-либо, ему принадлежащее, то пусть тот, кто найдет этот предмет, оставит его лежать, считая, что божество дорог охраняет те вещи, которые закон посвятил этой богине[108]. Если же, вопреки этому, какой-либо ослушник поднимет эту вещь и унесет к себе домой, то в случае, если это сделает раб, и предмет малоценен, пусть первый встречный, не моложе тридцати лет, накажет его многими ударами. Если же
C это кто-либо из свободорожденных людей, то, кроме того, что он прослывет человеком недостойным этого звания, как непричастный законам, пусть он выплатит владельцу сумму, в десять раз превышающую стоимость взятого предмета.

Если кто станет обвинять другого человека, будто у того находится бо̀льшая или меньшая часть его имущества, и тот, обвиняемый, признает, что у него действительно это есть, но

что это вовсе не принадлежит обвинителю, то пусть обвинитель,
если только его законная собственность записана у правителей,
вызовет обвиняемого пред лицо власти, а тот пусть явится:
Когда дело будет оглашено, и, по рассмотрении записей, обна-
ружится, кому из них принадлежит спорный предмет, то вла-
делец пусть вступит в свои права и удалится. Если же окажется, D
что предмет принадлежит кому-нибудь другому, здесь не при-
сутствующему, то пусть тот, кто представит за отсутствую-
щего надежного поручителя, в том, что тот отдаст спорный
предмет по принадлежности, возьмет его себе. Если же спорный
предмет не окажется внесенным в записи правителей, то пусть
он находится у трех старших из правителей до судебного разби-
рательства. Если отданный на поруки предмет — домашнее жи-
вотное, то пусть сторона, выигравшая судебное дело, запла-
тит правителям за его содержание. Правители же произведут
судебное разбирательство в течение трех дней. E

2

Всякий желающий, находящийся в здравом уме, может за-
держивать своего раба и пользоваться им как угодно, лишь бы
только это не нарушало благочестия. Можно также задерживать
беглого раба своих родственников или друзей, действуя в за-
щиту сохранения их собственности. Если же в то время, как
раб задерживается, кто-либо даст ему вольную, пусть тот, кто
задерживает, предоставит этому осуществиться; тот же, кто
дает вольную, пусть представит трех надлежащих поручителей —
только та́к он может дать вольную, никак не иначе. Если же
кто, вопреки этому, отпустит на волю раба, то он будет повинен
в насилии и, если будет уличен, должен выплатить пострадав- 915
шей стороне сумму, вдвое бо́льшую обозначенного истцами
убытка.

Можно также задерживать и вольноотпущенников, если кто
из них недостаточно или вовсе не заботится об отпустивших их
на свободу. Эта забота заключается вот в чем: вольноотпущен-
ник должен три раза в месяц навещать очаг отпустившего его
на волю, предлагая ему свои услуги для исполнения всего, что̀

только справедливо и, вместе с тем, возможно. Точно так же
и вступать в брак он должен лишь с согласия бывшего своего
господина. Равным образом вольноотпущеннику не разрешается
стать богаче отпустившего его на свободу; излишек пусть будет
B собственностью господина. Вольноотпущенник не должен оста-
ваться в государстве более двадцати лет; по прошествии этого
времени, пусть он, подобно остальным иностранцам, удалится,
захватив с собою все свое имущество, если только не получит
разрешения на дальнейшее пребывание со стороны правителей
и того, кто его отпустил на свободу. Если же имущество вольно-
отпущенника или кого-либо из остальных иностранцев воз-
растет до такой степени, что превысит имущественный ценз
граждан третьего класса, то, в течение тридцати дней, начиная
C с того дня, как оно превысило, он должен удалиться, взяв то,
что̀ ему принадлежит; правители не должны соглашаться ни на
какие его просьбы о разрешении ему дальнейшего пребывания.
Ослушники пусть подвергнутся суду и, в случае признания
виновности, будут наказаны смертью; имущество их будет ото-
брано в пользу государства. Подобные дела должны подле-
жать суду фил, если только обе стороны не освободятся еще
до того от взаимных обвинений, при посредстве суда соседей
или выбранных судей.

Если кто заявит притязание на какое-либо домашнее живот-
ное или на какую-нибудь другую, якобы принадлежащую ему
вещь, то владелец пусть приведет его к достойному доверия
D и справедливому лицу, которое ему этот предмет продало, пода-
рило или же передало каким-либо другим правомочным спосо-
бом. Если это лицо гражданин или метек из числа живущих
в государстве, то пусть он это сделает в течение тридцати дней;
если же дело идет относительно переданного иностранцем, то —
в течение пяти месяцев, из которых на средний приходится по-
ворот солнца от лета к зиме.

Всякий взаимный обмен, производимый путем купли и про-
дажи, должен происходить на особо для каждого отведенном
месте на городской площади. Стоимость должна быть выплачена
E непременно тут же; всякая купля и продажа в кредит за-
прещается. Если какой-либо обмен происходит другим способом
или в другом месте и продавец оказывает кредит покупателю,

они могут это делать, но пусть знают, что, по закону, не принимаются никакие обращения в суд со стороны людей, не исполняющих только что указанного требования.

То же самое и относительно товариществ на паях: желающие могут их устраивать среди друзей; но если возникнет какое-либо разногласие по поводу взносов, то надо знать, что никто и никоим образом не может начать судебного дела об этом.

Тот, кто продает на сумму не менее пятидесяти драхм, обязан переждать в городе десять дней; покупатель должен знать 916
местожительство продавца, в виду обычных в подобных случаях нареканий и на случай законного возвращения покупки. Возврат будет законным или незаконным по следующим признакам. Если кто продает раба: чахоточного, страдающего камнями, затрудненным мочеиспусканием, больного так называемою священною болезнью[109] или каким-либо другим, скрытым от большинства, тяжким и трудноизлечимым телесным или душевным недугом, то, если покупатель — врач или учитель гимнастики, возврата быть не может; равным образом и тогда, если про- B
давец заранее предупредил об этом покупателя. Если же покупателем является простой обыватель, а продавец, наоборот, сведущ в болезнях, покупку можно возвратить в течение шести месяцев. Исключением является священная болезнь, — тогда в течение одного года. Дело подлежит разбирательству выбранных сообща обеими сторонами врачей. Виновный должен уплатить двойную стоимость покупки. В случае, если и покупатель и продавец простые обыватели, возврат и судебное разбирательство должны совершаться так же, как и в только что указанном C
случае, но виновный должен выплатить просто стоимость покупки.

Если же проданный раб — убийца, а покупатель и продавец оба знали это обстоятельство, то возврата не может быть при такой продаже. Если же покупатель ранее не знал, то, лишь только он это заметил, он может вернуть раба. Дело должно подлежать суждению пяти младших законохранителей. Если будет признано, что продавец знал это обстоятельство, он должен произвести очищение дома покупателя, согласно закону истолкователей, и выплатить ему втройне стоимость раба. D

*

3

При обмене денег на деньги или на что-либо другое, — живность ли то или нет, — надо давать и принимать все это неподдельным и следовать в этом закону. И относительно этого зла желательно вступление, как и при других законах.

Всякий человек должен считать чем-то однородным и подделку, и ложь, и обман; между тем толпа обычно высказывает совершенно превратный взгляд, будто иной раз — и даже нередко — это вполне правильно, раз совершается кстати; при этом остается не установленным и не определенным, когда же именно и где это бывает кстати. Большинство людей из-за этого своего взгляда и сами во многом терпят ущерб и причиняют его другим. Законодателю непозволительно оставить это не определенным, но всегда должно ясно определить тут более или менее широкие границы. Поэтому и мы сейчас это определим.

917 Кто не желает стать в высшей степени богоненавистным, пусть ни словом, ни делом не допускает никакой лжи, обмана или подделки, призывая в свидетели род богов; а ведь таковым бывает тот, кто клянется ложными клятвами, ничуть не заботясь о богах; затем тот, кто лжет в присутствии тех, кто стоит выше него. Лучшие люди выше худших; старцы, говоря вообще, выше юношей. Поэтому и родители выше детей, мужчины выше женщин и детей, правители выше управляемых. Ко всем им все должны относиться с почтением, как когда они отправляют вообще какие-нибудь должности, так в особенности — должности государственные, что̀ и составляет исходный пункт нашей нынешней беседы. Всякий, продающий на рынке что-либо поддельное,
B лжет и обманывает; призывая в свидетели богов, он клятвами нарушает законы и предостережения агораномов, не стыдясь людей и не почитая богов. Вообще прекрасно обыкновение — не призывать всуе имен богов, раз находишься в таком состоянии по отношению к богам — в смысле чистоты и непорочности, — в каком нередко бывает большинство из нас. Кто не убежден всем этим, так вот закон: торгующий чем-либо на рынке никогда не должен назначать двух цен своему товару,

а только одну и единственную. Если по этой оценке он не найдет C
покупателя, то он в праве унести свой товар с рынка; но в один и тот же день он не должен расценивать свой товар то дороже то дешевле[110]. И пусть не будет расхваливания и клятв относительно всего того, что̀ продается. Ослушника же первый встречный горожанин, достигший тридцати лет, имеет право бить безнаказанно, карая его за его клятвы. Кто не станет повиноваться и пренебрежет этим своим правом, тот будет подвергнут хуле, как изменник законам. Если кто окажется не в силах послушаться наших нынешних слов и станет продавать
что-либо поддельное, то первый, узнавший об этом, встречный D
пусть изобличит его, если только может, пред правителями. Раб или метек в этом случае получает в свою собственность подделанный товар; гражданин же объявляется дурным гражданином, ибо он выходит из повиновения богам, раз он не изобличает; если же гражданин изобличил, то он должен посвятить подделанный товар богам, покровителям рыночной площади.

Продавец, обличенный в подделке, кроме того, что лишается своего подделанного товара, будет еще наказан глашатаем на
рыночной площади столькими ударами бича, сколько драхм E
требует продавец за свой товар, причем глашатай огласит, за что тот подвергается этому наказанию.

Агораномы и законохранители, справляясь относительно каждого отдельного случая подделки и злостного обмана у людей сведущих в этом, должны письменно определить, что̀ надлежит делать продавцу и чего не надлежит. Плиту, на которой написаны эти законы, они должны поставить перед агораномием[111], так чтобы все люди, имеющие дело на рынке, видели их ясно.

Относительно астиномов достаточно сказано выше. Если, 918
однако, покажется, что нужны еще добавления, то пусть астиномы, опять-таки сообща с законохранителем, запишут то, что̀ кажется пропущенным, на плите, поставленной в астиномии и содержащей как основные, так и дополнительные узаконения, касающиеся их должности.

4

За подделкой следуют по пятам занятия мелкой торговлей. Относительно этого предмета во всем его объеме мы дадим сперва совет и приведем разумные доводы и уже после того установим закон.

B Всякая мелкая торговля, по своей природе, вовсе не направлена ко вреду государства, — совсем напротив. Разве не является благодетелем всякий, кто приводит к соразмерности и единообразию любую разнообразную и несоразмерную собственность? Мы должны признать, что это происходит именно вследствие денежного обращения; равным образом этому способствуют купцы, наемные рабочие, содержатели гостиниц

C и представители других занятий, из которых одни более, другие менее благовидны. Все это может помочь удовлетворению наших потребностей и привести к единообразию нашу собственность. В чем же причина, что все это занятие не признано ни прекрасным, ни благовидным, и почему оно на дурном счету? Рассмотрим это, чтобы хоть отчасти, если уже не в целом, исправить его путем закона. Дело это, повидимому, не легкое и требует не малой добродетели.

Клиний. Что́ ты разумеешь?

Афинянин. Дорогой Клиний, лишь небольшая часть исключительных по своей природе людей, получивших превосходное воспитание, может держать себя в надлежащих пределах, когда

D сталкивается с какими-нибудь потребностями и страстями; эти люди могут остаться трезвыми, когда представляется возможность добыть много денег, могут предпочесть умеренное многому. Огромное большинство людей поступает как раз наоборот: их желания неумеренны, и, хотя возможно извлекать умеренную прибыль, они предпочитают ненасытную прибыль.

Вот почему находятся на плохом счету и признаются чрезвычайно постыдными занятия мелкого торговца, крупного купца и содержателя гостиницы. Но если бы кто-либо (чего да не случится и чего никогда не будет!) принудил — это смешно ска-

E зать, однако, все-таки пусть будет сказано — людей, во всех отношениях наилучших, заняться на некоторое время корчмар-

ством, мелкой торговлей или вообще чем-либо тому подобным[112], или если бы женщинам суждена была необходимость принять участие в этих занятиях, мы узнали бы в таком случае, как хороши и желательны все эти занятия. И если бы они не подвергались извращению, но совершались на разумных основаниях, то пользовались бы почетом, каким пользуются матери или кормилицы. Но в наши дни содержатели гостиниц, ради мелкой торговли, строят свои жилища в местах пустынных, где скрещивается 919
много дорог; здесь дают они желанный приют нуждающимся в нем путникам, доставляют им теплый и безмятежный кров, если те бывают гонимы сильными зимними бурями, или — прохладный отдых, если со двора гонит зной. Но затем содержатель гостиницы вовсе не считает, что он принял своих друзей и, вследствие этого, оделил их дружескими подарками; нет, он относится к ним, как к попавшимся в плен врагам, и отпускает их на волю лишь за огромный, неправедный и грязный выкуп. B
Вот эти-то и тому подобные заблуждения во всех таких делах и были причиною, что подобные занятия правильно признаются на плохом счету, хотя они должны были бы помогать людям в их затруднительном положении. Так вот и для этого, как и всегда, законодателю надо приготовить лекарство.

Впрочем, правильно и уже давно сказано, что трудно сражаться с двумя, да еще и с противоположными, бедами[113], как это бывает при болезнях и во многих других случаях. И теперь законодателям тоже предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством; последнее извратило роскошью душу людей, первая скорбью вскормила душу на бесстыдство. Как же C
помочь этой болезни в разумном государстве? Во-первых, по мере сил, надо пользоваться как можно меньшим числом торговцев; во-вторых, это занятие надо предоставить таким людям, чья испорченность не причинила бы великого вреда для государства; в-третьих, надо изобрести средство для самих занимающихся этим делом, чтобы их поведение не слишком легко могло обратиться в бесстыдство и низость. После этих нынешних со- D
ображений по данному вопросу, установим, в добрый час, следующий закон: из магнетов, поселение которых, для преуспеяния, снова устраивает бог, пусть ни один земледелец из тех, что́ входят в состав пяти тысяч сорока очагов, не становится по

доброй воле, или против воли, ни мелким торговцем, ни
крупным купцом; пусть никто не оказывает каких-либо услуг
частным лицам, занимающим иное, чем он сам, общественное
положение; исключение составляют отец, мать, их родственники
E по восходящей линии, все вообще старшие, если они свободо-
рожденные люди и живут действительно так, как это свойственно
последним. Впрочем, нелегко точно разграничить законом то,
что̀ свойственно свободорожденным людям, и то, что́ свойственно
несвободорожденным. Судить об этом будут люди, получившие
отличия за свою добродетель, причем они будут основываться
на своем отвращении ко второму или на своей склонности
к первому. Если же кто, прибегнув к какой-либо уловке, станет
заниматься не свойственной свободорожденным людям торго-
влей, то всякий желающий пусть возбудит против него обвинение
в своего рода посрамлении перед лицами, признанными выдаю-
щимися в смысле добродетели. Если окажется, что этот человек
действительно запятнал свой отеческий очаг недостойным заня-
920 тием, то, путем годичного заключения, его принуждают отка-
заться от него. В случае повторения — два года заключения;
вообще при каждом задержании беспрестанно удваивается время
заключения, по сравнению с предшествующим.

А вот и второй закон: тому, кто собирается торговать, надо
быть метеком или иностранцем. В-третьих, следующий третий
закон: в лице торговца мы должны иметь в нашем государстве
сожителя как можно лучшего или, по крайней мере, как можно
менее плохого. Поэтому законохранителям надо рассудить, что
они являются охранителями не только тех людей, которых легко
охранить от нарушений закона и испорченности; ведь такие
люди и без того хорошо подготовлены как своим происхожде-
нием, так и воспитанием; нет, надо скорее охранять не таких
B людей, а тех, что̀ занимаются такими занятиями, которые имеют
сильный уклон в ту сторону, чтобы люди становились плохими
В этом отношении торговля очень разнообразна и включает
в себя всякие подобного рода занятия; мы примем в расчет
только те ее виды, которые будут признаны для государства
крайне необходимыми. Для этого придется, опять-таки, со-
браться законохранителям вместе с лицами, опытными в каждом
C отдельном виде торговли, подобно тому, как это мы ранее пред-

писали относительно подделки товаров, что̀ сродни этому делу. На этом собрании надо будет рассмотреть, какого рода приход и расход обусловливают торговцу соразмерную прибыль; надо письменно закрепить соотношение расхода и прихода; а за соблюдением этих правил будут следить частью агораномы, частью астиномы, частью агрономы. Приблизительно такая постановка торговли принесла бы пользу для всех граждан и всего менее вредила бы тем, кто в государствах ею занимается.

5

Если кто при заключении договора не выполнит его условий— D
договоры, запрещаемые законами или постановлением народного собрания, исключаются — или как-нибудь несправедливым насилием будет принужден заключить договор; или если кто, несмотря на свою добрую волю выполнить условия договора, встретит к тому препятствия по непредвиденной случайности, то судебное разбирательство этого и всех остальных случаев невыполнения договора будет происходить в судах фил, если только дело не могло ранее разрешиться судом посредников или соседей.

Класс ремесленников посвящен Гефесту и Афине: ведь ремесленники своим общим трудом дают нам возможность жить;
Арею и опять-таки Афине посвящены те люди, что̀ своим тру- E
дом — иным, оборонительным — сохраняют изделия ремесленников [114] — стало быть, класс и таких людей по справедливости посвящен этим богам. И тот и другой класс постоянно пекутся о стране и о народе: одни правят состязаниями на войне, другие за плату производят орудия и изделия; этим последним не пристало допускать обман в своем труде; пусть они посовестятся
богов, своих прародителей. Если же кто из ремесленников зло- 921
стно не выполнит в указанный срок своего заказа; если он ничуть не посовестится при этом своего жизнеподателя-бога, считая что бог, в силу своих отношений к нему, его простит; если он ни на что не обратит внимания своим умственным взором, — то прежде всего его постигнет божий суд; во-вторых, пусть будет установлен следующий закон: стоимость изделия он должен заплатить обманутому им заказчику и снова выполнить в указан-

ный срок заказ, но даром. Принимающему заказ закон дает
такой же совет, какой он давал продавцу, именно: не пытаться
B повышать цену, но попросту оценивать свою работу по ее дей-
ствительной стоимости; так вот, то же самое предписывается
и тому, кто берет заказ. Дело в том, что ремесленник знает
действительную стоимость своей работы; следовательно, в госу-
дарствах свободорожденных людей самому ремесленнику ни-
когда не следует хитростью уловлять неопытного обывателя;
нет, его ремесло — дело ясное и чуждое по своей природе об-
мана. А если кто обижен, тот может начать судебное дело про-
C тив обидчика. Если заказчик не выплатит ремесленнику пра-
вильно причитающейся ему платы на основании договора, за-
ключенного согласно законам, то есть, если он нанесет бесчестие
градодержавцу Зевсу и Афине, причастным государственному
строю, иными словами, если он, возлюбив ничтожную выгоду,
нарушит великое общение, — тогда, вместе с богами, на помощь
единению, связующему государство, пусть придет закон: будет
взыскана плата в двойном размере с заказчика, если он не
уплатил в договоренный срок платы ремесленнику, а между тем
уже получил от него готовый заказ, взамен которого в недалеком
будущем следовало бы заплатить. В нашем государстве все
D остальное имущество не приносит процентов, если отдано кем-
либо взаймы; но в данном случае заказчик, если истечет год со
времени получения им выполненного заказа, должен уплатить
и наросшие проценты, именно: с каждой драхмы ежемесячно
одну шестую ее часть, т. е. один обол. Судебное разбирательство
по этим делам будет происходить в судах по филам.

Раз уже мы вообще упомянули о ремесленниках, то спраBе-
дливо будет коснуться мимоходом и ремесленников, занятых
военным делом, доставляющих своим трудом спасение госу-
дарству; это полководцы и все те, кто искусен в военном
E деле. Так вот и для них закон, — точно и они своего рода
ремесленники, как и вышеупомянутые: кто из них, предприняв
полезное для всего государства дело, — все равно, по своей ли
доброй воле или по предписанию, — исполнит его прекрасно,
тому государство воздаст по справедливости почести, которые
служат наградой для военных людей, да и закон неустанно будет
его восхвалять; если же этот человек взял ранее на себя

исполнение какого-нибудь прекрасного деяния на войне, но не осуществил его, то он подвергнется порицанию. Итак, пусть будет установлен этот закон, смешанный у нас с похвалой за такие деяния; этот закон не навязывает, но советует широким толпам граждан, оказывать почет, — правда 922
еще не самый высший, — тем хорошим людям, которые являются спасителями всего государства, благодаря ли своему мужеству или своей военной изобретательности. Дело в том, что величайший почетный дар надо предоставить прежде всего тем людям, которые смогли с особенным почетом отнестись к писаниям хороших законодателей.

6

Мы приблизительно изложили главнейшие из деловых отношений, в которые взаимно вступают люди. Остается вопрос о положении сирот и о попечении о них со стороны опекунов. Так вот это-то и придется так или иначе разобрать вслед за b
вышеизложенным. Здесь надо начать с завещаний, составлять которые бывают склонны люди, близкие к смерти, и с тех случайностей, которые иногда совершенно не дают возможности сделать завещание. Я сказал, Клиний, что здесь необходимо установить порядок, так как я вижу затруднительную и тяжкую сторону этого дела. Действительно, невозможно оставить это неупорядоченным. Если предоставить, чтобы всякое завещание было так-таки попросту действительным, независимо от того, c
в каком состоянии находился, при его составлении, человек, близкий к концу своей жизни, то получилось бы много различий между отдельными видами завещаний, в них вкрались бы противоречия законам, обычаям еще живущих граждан, да и высказанным ранее мыслям самого завещателя, которых он держался до тех пор, пока не собрался сделать завещание. Дело в том, что большинство из нас впадает в неразумие и расслабленность, когда видит, что смерть близка.

Клиний. Как ты это понимаешь, чужестранец?

Афинянин. Трудно, Клиний, иметь дело с человеком, близким к смерти: он полон ужасных и несносных для законодателя взглядов.

Клинии. То есть?

Афинянин. Он желает распорядиться всеми своими делами
D и поэтому, обычно, гневно отвечает.

Клиний. Что́ именно?

Афинянин. О боги, какой ужас — говорит он — свое
собственное имущество я не в праве отказать или не от-
казать тому, кому хочу: одному больше, другому меньше,
сообразно с тем, насколько плохо или хорошо относились
ко мне люди; ведь я это достаточно испытал и обнаружил
во время болезней, в старости и при разных других обстоя-
тельствах.

Клиний. Разве тебе не кажется, чужестранец, что он прав?

Афинянин. Мне кажется, Клиний, что древние законодатели
E были слишком снисходительны; да и законодательствовали-то
они, взирая и обращая внимание лишь на малую часть челове-
ческих дел.

Клиний. Как так?

Афинянин. Да, друг мой, они побоялись этих слов, и уста-
новленный ими закон позволяет так-таки попросту распорядиться
своим имуществом, как каждый пожелает. Ну, а мы с тобой
923 как-нибудь иначе, более складно, ответим тем из граждан твоего
государства, которые готовятся к смерти.

Друзья — скажем мы им — сегодня вы здесь, а завтра вас
нет; трудно вам разобраться в вашем нынешнем имуществе,
да и в самих себе, как это советует Пифийская надпись [115].
И вот я, как законодатель, устанавливаю: вы не принадле-
жите сами себе, и это имущество не принадлежит вам; все ны-
нешнее поколение и его собственность принадлежит всей со-
вокупности ваших предшествовавших и имеющих последовать
B поколений, а еще более — государству. Раз это та̀к, я не поз-
волю добровольно, чтобы кто-нибудь подкрался к вам, когда
вас обуревают болезни или старость, и убедил бы вас сделать
завещание вопреки наилучшей цели; нет, я стану законодатель-
ствовать, обращая внимание на все то, что̀ наиболее полезно
государству в целом и всей совокупности поколений; этой цели
я справедливо подчиню интересы каждого отдельного гражда-
нина. А вы, милостиво к нам и благодушно, продолжайте итти
по пути, свойственному человеческой природе. Это будет уже

наша задача позаботиться об остальных ваших делах, что̀ мы и
сделаем по мере возможности с величайшей тщательностью, не C
упуская ничего. Вот, Клиний, вступительные наставления, обра-
щенные к еще живущим гражданам или уже близким к своему
концу. Закон же будет следующий.

Если у кого есть дети, то, при составлении завещания и рас-
пределении своего имущества, следует назначить, по своему
усмотрению, первым наследником того из сыновей, кого заве-
щатель сочтет достойным; что касается остальных детей, то
пусть в завещании будет точно так же записано, если другой
гражданин согласен усыновить кого-нибудь из сыновей. Если же
останется у завещателя еще один сын, не приуроченный ни D
к какому наделу, и если есть надежда отправить его, согласно
закону, в колонию, то отцу дозволяется наделить его, чем он
хочет, из остального имущества, за исключением наследствен-
ного надела и всего, относящегося к наделу, инвентаря. Если
сыновей несколько, пусть отец разделит между ними на какие
угодно ему части все то, что̀ не входит в состав надела. Однако,
нельзя отказывать своего имущества тому сыну, который обза-
велся своим домом. Так же точно нельзя отказывать своего
имущества и дочери, если она обручена своему будущему су-
пругу; если же не обручена, то можно. Если после составления
завещания у кого-нибудь из сыновей или дочерей окажется зе- E
мельный надел, то пусть они откажутся от причитающейся им
по завещанию части имущества в пользу главного наследника
по завещанию завещателя. Если у завещателя только дочери и
нет потомства мужеского пола, то пусть он откажет свой надел
зятю по своему выбору, и обозначит его в завещании, как своего
сына и наследника. Если у кого умрет сын, собственный или
приемный, до достижения того возраста, когда его можно было бы
причислить к мужчинам, то завещатель пусть упомянет об этом 924
несчастьи и обозначит, кого должно признать его вторым сыном
на лучшее счастье. Если завещатель совершенно бездетен, то
пусть он изымет десятую часть из своего благоприобретенного
имущества и раздаст ее в дар кому хочет; все остальное он
должен передать тому, кто им усыновлен, чтобы, согласно с на-
мерением закона, безупречно приобрести себе в нем благодар-
ного сына. Если чьи дети нуждаются в опекунах, то после

смерти завещателя, назначившего детям известное число определенных опекунов по своему желанию, причем эти намеченные им лица добровольно согласились быть опекунами его детей,—
B этот выбор опекунов пусть признается правомочным, согласно тексту завещания. Если кто умрет, совершенно не составив завещания, или упустит указать избранных им опекунов, то опекунами становятся ближайшие родственники с отцовской и материнской стороны: двое со стороны отца и двое со стороны матери; к ним надо прибавить еще одного опекуна из числа друзей покойного. Этих лиц законохранители поставят опекунами над нуждающимися в опеке сиротами. Всеми делами об опеке и о сиротах постоянно ведают пятнадцать самых преста-
C релых законохранителей. Соответственно своему старшинству, они подразделяются на группы, по три законохранителя в каждой, т. е. на этот год первые трое, на другой год следующие трое, пока не будет пройден полный круг всех пяти групп; этой последовательности никогда не надо прерывать, насколько это возможно. Если кто умрет, вовсе не оставив завещания и оставив детей еще нуждающихся в опеке, то те же самые законы примут участие в затруднительном положении его детей.

Если кого постигнет неожиданный несчастный случай, при-
D чем останется потомство женского пола, то пусть он извинит законодателя, если тот из трех обязанностей отца выполнит только две, именно выдаст дочерей замуж за лиц, связанных свойством с данным родом, и позаботится о сохранении за ними надела; а вот, что касается третьей обязанности, о которой позаботился бы их отец,—ведь он, считаясь с характером и свойствами всех граждан, стал бы подыскивать подходящего для себя
E сына, а для своей дочери жениха,—вот это-то законодатель оставляет в стороне, так как ему невозможно произвести подобное рассмотрение. Поэтому пусть будет установлен, по мере возможности, следующий закон для подобных случаев. Если кто умрет без зевещания, оставив по себе дочерей, то дочь и надел покойного пусть возьмет единокровный брат умершего, если он не имеет надела. Если нет брата, пусть возьмет точно так же сын брата, если только он и дочь покойного подходят друг к другу по возрасту. Если же нет никого из них, кроме сына сестры покойного, пусть он поступит точно так же. На четвер-

том месте стоит брат отца покойного; на пятом сын—этого брата; на шестом — ребенок сестры отца покойного. Иными словами, если останется женское потомство, всегда надо продолжать род, основываясь на кровной близости, т. е. начинать с братьев и 925
племянников, сперва по мужской линии того же самого рода. О сообразности или несообразности времени вступления в брак будет заключать и решать судья, осматривая лиц мужского пола в нагом виде, а лиц женского пола обнаженными до пояса. Если у членов семьи так мало родственников, что даже нет, с одной стороны, внучатных племянников, а с другой стороны, точно так же нет сыновей деда, тогда дочь покойного пусть выберет, вместе с опекунами, кого-либо из остальных граждан себе в женихи, по своей склонности, если и жених имеет к ней склонность; этот гражданин и станет наследником покойного B
и супругом его дочери. В самом государстве может встретиться нередко много разных затруднений при выборе таких лиц. Так вот, если дочь, затрудняясь произвести выбор из местных граждан, обращает свои взоры на человека, отправленного в колонию, и ей по сердцу, чтобы именно этот человек стал наследником ее отца, то такой человек вступит во владение наделом, согласно законному порядку, если он в родстве с ней; если же такого между ними родства нет, да и среди граждан, живущих в государстве, у нее тоже нет родных, то он в праве жениться на ней, согласно выбору опекунов и самой C
дочери покойного, вернуться на родину и получить надел ее отца, раз тот не оставил завещания. Если же скончается, не оставив завещания, человек совершенно бездетный, т. е. не имеющий ни сыновей, ни дочерей, то в этом случае поступают в остальном, согласно вышеуказанному закону; а в его опустелый дом пусть вступят женщина и мужчина из его рода, на правах законных супругов, и надел поступает к ним во владение. Здесь на первом месте стоит сестра покойного, на втором — дочь его брата, на третьем — ребенок сестры, на четвертом — се- D
стра отца покойного, на пятом — дитя брата отца покойного, на шестом — дитя сестры его отца; они будут жить вместе с ближайшими родственниками, согласно правилам, установленным ранее данными нами законами. Не скроем тягостной стороны таких законов; тяжело это предписание, чтобы члены рода

покойного женились на своей родственнице. Повидимому, здесь
упускается из виду, что среди людей подобные требования
E встретят тысячи препятствий; им не захотят повиноваться, скорее
соглашаясь подвергнуться чему угодно, чем вступить в брак
против воли, в особенности, если потребуется вступить в брак
с лицами больными или увечными телесно или духовно. Воз-
можно, некоторым покажется, будто законодатель совсем не
взвесил этого. Но это предположение неверно. Итак, в защиту
законодателя и тех людей, кому он дает законы, надо предпо-
слать, пожалуй, как бы общее вступление, и обратиться к подчи-
ненным с просьбой извинить законодателя, если он в своих за-
ботах об общем благе не всегда сможет, вместе с тем, устранить
частных несчастий, случающихся с каждым из граждан в отдель-
926 ности; с другой стороны, надо извинить и тех людей, кому за-
конодатель дает законы, если они иной раз не смогут, есте-
ственно, выполнять предписаний законодателя, которые он дает,
не считаясь с этими обстоятельствами.

Клиний. Так, как же, чужестранец, было бы всего сообраз-
нее поступить, раз встречаются такие трудности?

Афинянин. Необходимо, Клиний избрать посредников между
этими законами и теми людьми, для кого они даны.

Клиний. Чтó ты разумеешь?

B Афинянин. Иногда бывает, что племянник, сын богатого
отца, не хочет добровольно взять замуж дочь своего дяди: он
изнежен и рассчитывает на лучшую партию. Иногда бывает, что
он вынужден ослушаться законодателя, раз от него требуют
подчиниться большому несчастью, заставляя его жениться
на сумасшедшей родственнице, или обладающей иными несчаст-
ными свойствами тела или души, так что, совместно с нею, и
жизнь становится не в жизнь. Так вот это наше нынешнее со-
ображение по этому вопросу пусть будет высказано в виде
C такого закона. Если кто жалуется на действующие законы о за-
вещаниях по поводу ли брака или по какому иному поводу;
если кто утверждает, что сам законодатель, будь он здесь и будь
он жив, никогда не принудил бы к такому поступку, т. е. к же-
нитьбе или выходу замуж, а между тем теперь законы прину-
ждают к этому,— то на это кто-нибудь из членов семьи или из
опекунов может возразить, что законодатель назначил пятна-

дцать законохранителей посредниками и отцами для сирот обоего пола. К этим-то законохранителям и надо обращаться для раз- D
бора всякого сомнительного вопроса, и их решение подлежит исполнению. Если кто найдет, что этим придается слишком большое значение законохранителям, пусть он перенесет дело в суд избранных судей, чтобы они разобрали сомнительные стороны вопроса. Кто проиграет дело, тот подвергается порицанию и поношению со стороны законодателя; для человека с умом это более тяжкое наказание, чем огромная денежная пеня.

8

А теперь поговорим как бы о вторичном рождении сирот.
Ведь о вскармливании и воспитании их после первого их ро- E
ждения была речь выше. После вторичного их рождения, когда они лишились родителей, следует подумать, каким образом сиротская доля станет как можно менее жалкой и несчастной для осиротевших. Прежде всего, говорим мы, закон дает им, вместо родителей, законохранителей в качестве не худших отцов. К тому же мы предпишем законохранителям постоянно заботиться о сиротах, как о членах своей семьи; к законохранителям и к опекунам обратились мы с подходящим вступлением относительно взращивания сирот. Мне кажется, мы кстати упомянули
в предшествующей беседе о том, что души покойных сохраняют 927
и после кончины какую-то способность заботиться о человеческих делах. Этот взгляд верен, но с ним связаны сложные вопросы. Относительно этого надо верить остальным преданиям, столь многочисленным и чрезвычайно древним. С другой стороны, надо верить и законодателям, что дело обстоит именно так. Законохранители и опекуны должны прежде всего стра-
шиться вышних богов, которые замечают покинутость сирот; B
затем следует страшиться душ почивших, природе которых свойственна чрезвычайная заботливость о своих потомках. Эти души благосклонны к тем, кто их почитает, а к тем, кто их не почитает,—неблагосклонны. К тому же надо страшиться душ людей живущих, достигших старости и величайшего почета; ведь где

благоденствует благозаконное государство, там их любят дети их детей и живут отрадно; эти люди чутко прислушиваются к положению сирот, зорко смотрят за ними, благосклонны к тем,
C кто справедливо относится к сиротам, и в особенности ненавидят тех, кто нагло поступает с покинутыми сиротами; сирот считают они самым великим и самым священным залогом. Опекуну и правителю следует обо всем этом поразмыслить — если они хоть немного могут мыслить — и соблюдать осторожность в вопросах взращивания и воспитания сирот, всячески оказывая последним всякие благодеяния по мере сил; этим он как бы делает взнос в свою пользу и в пользу своих детей. Кто послушен сказанию, предпосланному закону; кто не совершил ничего наглого по отношению к сиротам, тому не придется воочию познакомиться с гневом законодателя по этому поводу. Зато
D ослушник, допустивший несправедливость по отношению к сироте, оставшемуся без отца и матери, возместит весь понесенный им убыток вдвойне, по сравнению с тем, что̀ он должен был бы возместить, если бы он обидел ребенка, у которого живы и отец и мать.

Что касается прочего законодательства об отношении опекунов к сиротам, о попечении правителей над опекунами, то- если бы у них не было образца для взращивания свободорожденных детей и тех приемов, которые они применяют, взращивая сами своих детей и заботясь о своих домашних имущественных делах,—сюда можно было бы добавить соответственным обра-
E зом составленные законы как раз об этом самом, — тогда еще имело бы некоторый смысл установить об опекунстве какие-нибудь законы, имеющие много своеобразных особенностей, с тем, чтобы они внесли свои разнообразные отличия в уклад жизни сирот по сравнению с не-сиротами. Но ведь теперь у нас положение сирот не очень-то отличается во всем этом от положения детей, имеющих родителей; напротив, в смысле почета и бесчестия, заботливости, положение детей, имеющих родителей, совершенно несравнимо с положением сирот. Вот именно поэтому-то закон и отнесся с особою ревностью к законодатель-
926 ству, касающемуся сирот, и прибег к увещаниям и угрозам. Очень уместна была бы еще и следующая угроза: кто состоит опекуном над девочкой или мальчиком и кто из законохрани-

телей стоит на страже над опекуном и печется о нем, тот должен любить ребенка, которому выпало на долю сиротство, не меньше, чем своих собственных детей. И об имуществе воспитанника он должен заботиться не хуже, чем об имуществе членов своей семьи; желательно даже, чтобы он более ревностно заботился об имуществе воспитанника, чем о своем собственном. Всякий опекун должен действовать, руководясь этим одним законом о сиротах. Если же кто станет действовать иначе в этих вопросах, т. е., вопреки этому закону, то опекуна наказывает правитель, а правителя опекун может привлечь к суду избранных судей и наказывает его пеней, вдвое большей против той, что̀ назначена судом. Если окажется, что опекун небрежен или причиняет зло членам своей семьи или кому-нибудь из остальных граждан, его привлекают в этот же самый суд; причиненный ущерб он возмещает вчетверо, причем половина этой суммы поступает в собственность ребенка, а другая в пользу того, кто возбудил судебное дело. Лишь только сирота достигнет зрелости, он может, если считает, что его плохо опекали, привлечь к суду своих опекунов за дурную опеку, в течение пяти лет после истечения срока опеки. Если в этом будет уличен кто-нибудь из опекунов, суд решает, какому наказанию его подвергнуть. Если правитель будет уличен в том, что своим небрежением он повредил сироте, суд решает, что̀ ему придется выплатить ребенку; если же правитель изобличен в несправедливости, то, сверх пени, его отстраняют от правительственной должности законохранителей. Общее собрание граждан поставляет, взамен него, другого законохранителя для страны и для государства.

9

Несогласия отцов со своими детьми и детей с родителями происходят в бо̀льших размерах, чем нужно. При этом отцы сочли бы, что законодатель должен установить такой закон: отцу разрешается, если пожелает, оповестить всех при помощи глашатая, что он отрекается от сына, так что, согласно закону, он уже не его сын; а сыновья ожидали бы, что им будет позволено обвинить отца в безумии, когда он разбит болезнями или

*

старостью. Так, действительно, бывает обычно там, где нравы людей совершенно никуда негодны. А когда беда лишь на половину, например: отец не плох, а только сын плох — или обратно,— тогда не встречается таких несчастий, и нет такой огромной вражды. В государствах с другим строем сын, от которого отец публично отрекся, не неизбежно выбывает из государства. Но при нашем государственном строе, где будут действовать эти законы, сыну, таким образом лишившемуся отца, неизбежно придется выселиться в другую страну. Дело в том,
929 что ни одной семьи нельзя прибавить к пяти тысячам сорока семьям. Поэтому не только один отец, но и весь род должен отречься от такого человека, раз ему придется по праву подвергнуться такой участи. Здесь следует поступать согласно такому закону: кого охватила — все равно, по праву ли, или нет — во всяком случае несчастная страсть освободиться от родственных уз с тем, кого он породил и возрастил, тому не
B разрешается осуществить это так-таки попросту и сразу; нет, сперва пусть он соберет свою родню, вплоть до двоюродных братьев и сестер, а равным образом и родню своего сына со стороны матери. Перед ними пусть он выскажет свои обвинения и покажет, что сын действительно заслуживает, чтобы от него публично отреклись все члены рода; пусть и сыну будет предоставлено слово, притом в равной степени, чтобы он мог показать, что он вовсе не заслуживает подобного к нему отношения. Если отцу удастся убедить родственников и он получит за себя более половины их голосов, — причем не считаются голоса
C отца, матери и обвиняемого, из остальных же могут голосовать лишь достигшие зрелости женщины и мужчины,— то, при соблюдении этих правил, отцу разрешается только таким образом публично отречься от своего сына, но никак не иначе

Никаким законом не запрещается усыновить сына, от которого отреклась родня, если кто из граждан пожелает это сделать. Дело в том, что характер молодых людей обычно подвергается многим переменам в продолжение жизни. Если в течение десяти лет никто не пожелает усыновить того, от кого отреклась родня,
D то попечители о потомках, предназначенных для отправления в колонию, должны позаботиться о таких людях, чтобы они должным образом приняли участие в этой колонии.

Если кто, под влиянием какой-нибудь болезни, старости,
тяжелого нрава или всего этого вместе взятого, станет сильно
отличаться от большинства людей своим неразумием, причем
для остальных это незаметно, и лишь члены его семьи, живущие
с ним вместе, могут это заметить; или если он владеет всеми сво-
ими способностями, но разоряет свою семью, а сын стесняется E
и медлит возбудить против него в суде обвинение в слабоумии,—
то на этот случай устанавливается закон: прежде всего сын
должен обратиться к самым престарелым из законохранителей
и изложить им несчастье своего отца; законохранители, доста-
точно рассмотрев это дело, посоветуют ему, надо ли ему возбу-
ждать такое обвинение или нет; если они посоветуют это сделать,
они одновременно становятся и свидетелями против обвиняемого
и, вместе с тем, членами суда. Признанный слабоумным делается
на остальное время неправомочным распоряжаться своею соб-
ственностью, даже в мелочах, и остальную свою жизнь проводит
на положении ребенка.

10

Если муж и жена совершенно не подходят друг к другу из-за
несчастных особенностей своего характера, то такими делами
всегда должны ведать десять законохранителей, среднего
возраста[116], точно так же и десять женщин из числа тех, что̀ 930
ведают браками. Если супруги могут примириться, их примире-
ние будет иметь законную силу. Если же их душевные бури взды-
маются выше их самих, надо, по возможности, отыскать для
каждого из них подходящих сожителей. Конечно, такие супруги
отличаются вовсе не кротким нравом. Вот и нужно попробовать
соединить с ними характеры, более глубокие и более кроткие.
Если супруги находятся в разногласии между собою и, к тому же,
бездетны или у них мало детей, то к такому сожительству сле-
дует прибегнуть и ради детей. Если же количество детей доста- B
точно, то расторжение брака и новое его заключение следует
произвести ради забот друг о друге в старости. Если жена
скончается, оставив детей и женского и мужского пола, то уста-
навливается закон не принудительный, но в виде совета, чтобы

отец взращивал оставшихся детей, не вводя в свой дом мачехи. Если детей нет, необходимо вступить в новый брак, пока не народится достаточное количество детей для семьи и для государства.
C дарства. Если же муж умрет, оставив достаточное количество детей, то мать пусть продолжает жить в доме умершего мужа и пусть взращивает детей. Если же она кажется слишком молодой для того, чтобы без вреда для здоровья оставаться без мужа, то ее близкие должны переговорить с женщинами, заботящимися о брачных делах, и исполнить то, что̀ будет решено ими и этими женщинами. Если у молодой жены нет детей, то она должна вступить в брак ради детей. Мальчик и девочка уже признаются со стороны закона достаточным количеством детей. Если родители
D согласны признать своим родившееся дитя, но еще нужно решить, кому из родителей надо отдать ребенка, то при связи рабыни с рабом или свободорожденным человеком или вольноотпущенником, во всяком случае ребенок признается принадлежащим хозяину рабыни; если же свободорожденная женщина соединится с рабом, ребенок принадлежит хозяину раба. Если ребенок родится от собственной рабыни или от собственного раба, причем это обстоятельство совершенно явно, то ребенка, прижитого свободорожденной женщиной от раба, женщины пусть отошлют
E в другую страну вместе с его отцом; ребенка же свободорожденного человека, прижитого от рабыни, законохранители пусть отправят вместе с его матерью.

11

Пренебрегать родителями не посоветует никому ни один бог и ни один человек, обладающий разумом. Надо усвоить, что последующее вступление относительно попечения о богах является правильно постановленным и по отношению к почитанию или
931 непочитанию родителей. Древние законы относительно богов установлены у всех двояко. Мы явно почитаем тех богов, которых видим; других богов мы почитаем в изображениях, воздвигая им кумиры, причем считаем, что этим своим почитанием кумиров, хотя они и неодушевлены, мы снискиваем великое благорасположение и милость у богов одушевленных. Так вот,

у кого в доме есть драгоценный клад в виде отца, матери или их родителей, обремененных старостью, тот не должен думать, будто у него может появиться более значительный кумир богов; нет, родители в его доме составляют святыню его очага, если владелец дома правильным образом оказывает им попечение.

Клиний. А в чем же состоит эта правильность? B

Афинянин. Об этом я сейчас и скажу, потому что, друзья мои, подобные вещи стòит послушать.

Клиний. Только бы ты говорил!

Афинянин. Мы утверждаем, что Эдип, покрытый бесчестием, взмолился о той участи для своих детей, которая их и постигла, т. е. он был услышан богами, как об этом все твердят[117]; разгневанный Аминтор проклял своего сына Финика[118], Фесей — Ипполита. Можно было бы привести бесчисленное множество таких примеров, из которых явствует, что боги внимают родите- C
лям в их мольбах против детей. Действительно, как ни что другое, справедливо проклятие родителя своим детям. Раз бог внимает покрытому бесчестием отцу или матери в их мольбах против детей, то неужели можно считать неестественным, если отец, чрезвычайно обрадованный почтением со стороны своих детей; станет, поэтому, в своих молитвах неустанно желать им всякого добра, а следовательно, боги равным образом внемлют этой молитве и, думаем мы, уделят нам это благо. Иначе боги не были бы подателями всяких благ, что̀, как мы утверждаем, всего D
менее подобает богам.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так поразмыслим же над тем, что̀ мы немного ранее сказали: у нас не может быть никакого кумира, более ценного пред лицом богов, чем отец или дед, согбенные старостью; такое же значение имеет и мать. Если человек их почитает, бог радуется; иначе он не внял бы им. Чудесная это у нас святыня, наши предки, в особенности по сравнению с неодушевленными E
кумирами. Первые, т. е. одушевленные, присоединяют свои молитвы к нашим, если мы оказываем им попечение, и не присоединяют, если их не почитают; а кумиры не делают ни того, ни другого. Стало быть, человеку правильно надо прибегать к отцу, к деду и всем тому подобным лицам, раз у него есть такие, самые значительные из всех кумиров, для боголюбезной участи.

Клиний. Прекрасно сказано!

Афинянин. Всякий человек, имеющий разум, боится молитв родителей и почитает их, так как знает, что у многих и много раз они исполнялись. Раз это природой устроено именно так,
932 то для хороших людей находка — престарелые предки, достигшие крайних пределов жизни, а их ранний уход из жизни — потеря; для людей же дурных такие предки очень и очень страшны. Поэтому пусть теперь всякий, поверив нашим словам, оказывает всяческий почет своим родителям.

Если же кто будет глух к взглядам, выраженным в подобных вступлениях, то правильно было бы установить следующий закон на этот случай: если кто в этом государстве пренебрежет своим долгом к родителям; если кто не станет допускать и исполнять все их желания скорее, чем желания своих сыновей, всех своих
B детей и даже чем свои собственные,—пусть пострадавший известит, сам или через посланного, трех самых престарелых законохранителей и, с другой стороны, трех женщин, попечительниц браков. А они позаботятся и накажут обидчиков побоями и заключением, если те молоды, т. е. мужчин до тридцати лет; а женщин и еще на десять лет старше можно подвергать этим
C самым наказаниям. Если же люди, перешедшие за этот возраст, не отступят от небрежности по отношению к родителям, но станут причинять им зло, они привлекаются к суду ста одного самых престарелых граждан. Этот суд решит, какому наказанию должен подвергнуться виновный; при этом не запрещаются никакие взыскания, которым можно подвергнуть человека, и никакие пени.

Если же терпящие зло родители не в силах известить, то
D пусть всякий узнавший об этом гражданин из числа свободорожденных людей уведомит правителей; в противном случае он будет признан плохим гражданином, и всякий желающий может его привлечь к суду за вредный образ действия. Если донесет об этом раб, он получает вольную; если этот раб принадлежит обидчику или обижаемому, правительство отпускает его на свободу; если же он принадлежит кому-нибудь другому из граждан, государственная казна выплачивает его стоимость владельцу. Пусть правители позаботятся, чтобы никто его не обидел из мести за донос.

12

Что касается того вреда, который люди причиняют друг другу E
при помощи разных снадобий, то мы уже разобрали вопрос о
смертоносных ядах. Но еще остался вовсе не разобранным во-
прос о разных других способах наносить вред при помощи на-
питков, яств, мазей, если человек добровольно и с заранее обду-
манным намерением прибегает к нему. Дело в том, что есть два
вида отрав, применяемых человеческим родом; это-то обстоя-
тельство и затрудняет внести в этот вопрос определенность.
Тот вид, о котором мы только что высказались с полной опре-
деленностью, заключается в естественном нанесении одним те-
лом вреда другому. Другой вид — при помощи ворожбы, зача- 933
ровывающих песен и так называемых пут убеждает людей,
отваживающихся таким путем наносить вред, в том, что они
действительно в состоянии это сделать, а других в том, что они
понесли вред всего более именно со стороны людей, умеющих
кудесничать. Трудно узнать, что̀ именно бывает обычно при этом
и тому подобном; впрочем, даже если кто и узна̀ет, трудно убе-
дить других. Не стоит даже пробовать убедить души людей, по-
дозревающих друг друга в этом; если они увидят вылепленные B
из воска воспроизведения где-нибудь у дверей, на перекрест-
ках, или у могильных памятников их родителей, не стоит сове-
товать им не обращать на это внимания: ведь у них такие не-
ясные представления о всем этом!

Разделим на две части закон об отраве и ворожбе, соответ-
ственно с тем, к какому виду ворожбы или отравы человек при-
бегает. Прежде всего надо просить, увещевать и советовать, что
не следует пытаться это делать и устрашать большинство роб- C
ких, точно дети, людей; с другой стороны, не следует заставлять
законодателя и судью врачевать подобные людские страхи; ведь
пытающийся отравлять и ворожить не знает, что̀ он делает
с телом, раз он не сведущ в врачевании; это опять-таки касается
и ворожбы, раз человек не является прорицателем и предвоз-
вестником. Закон же об отравлении и ворожбе будет иметь
такое словесное выражение: кто применяет отраву не с целью
причинить смерть человеку или его людям, но с целью на- D

нести иной вред и даже смерть его стадам, или роям пчел, то, если отравитель врач и будет уличен судом в отравлении, он будет наказан смертью. Если же это обыватель, то суд решит, какому наказанию его подвергнуть или что̀ он должен уплатить.
E Если окажется, что человек, при помощи уз, заговоров, каких-то зачаровывающих песен, уподобился наносящему вред, то пусть он умрет, если он прорицатель или предвозвестник. Если же он чужд прорицательского искусства и будет уличен в ворожбе, то пусть и его постигнет то же самое, что̀ и отравителя из числа обывателей; пусть суд решит, какому наказанию его следует подвергнуть.

Что касается вреда наносимого друг другу воровством или насилием, то чем больше вред, тем больше и возмещение убытков в пользу пострадавшего, а чем меньше, тем меньше и наказание. Говоря вообще, наказание должно равняться причиненному ущербу. С целью возмещения убытков, за каждое злодеяние надо расплачиваться последующим возмездием, ради вра-
934 зумления. Возмездие будет легче, если злое деяние совершено по неразумию, или если преступник молод и его побудил на преступление кто-либо другой и тому подобное; тяжелее, если преступление совершено по благоприобретенному особому неразумию, из-за невоздержанности в наслаждении или скорби, из-за трусливого страха, каких-нибудь страстей, зависти, трудноисцелимого гнева. Его постигнет правосудие не за совершонное злодеяние — ведь совершившееся никогда не может стать несовершившимся,—но ради того, чтобы в будущем преступник совер-
B шенно возненавидел несправедливость, а также и все те, кто видел суд над ним, для облегчения, во многих отношениях, подобного несчастья. Ради всего этого законы должны, имея в виду все тому подобное, целить на подобие хорошего стрелка, чтобы определить размер наказания за каждый проступок в отдельности и вообще принудить преступника к тому, чего он заслуживает. Судья занимается этим же самым делом и должен помогать законодателю, когда суду предоставляется законом решить, чему подвергнуть подсудимого или что̀ с него взыскать. А законодатель, точно живописец, должен описать дела, сле-
C дующие за его писанием. Так вот, Мегилл и Клиний, нам теперь надо именно это и сделать, как можно прекраснее и лучше. Нам

надо указать те наказания, которые должны быть за воровство и всякие насилия, чтобы боги и дети божьи предоставили нам законодательство.

13

Сумасшедшие не должны показываться в городе. Их близкие
пусть охраняют их в своем доме, как умеют; в противном
случае, должны будут уплатить пеню: принадлежащий к са-
мому высшему классу — сто драхм, если он оставляет без при- D
смотра раба или свободорожденного; принадлежащий ко вто-
рому классу — четыре пятых мины; третий класс — три четверти
мины; две трети — четвертый. С ума сходят многие и по раз-
ному; одни, о которых мы и говорим, из-за болезней; бывает
это из-за плохой природы духа или воспитания; другие, при
возникновении незначительной неприязни, сильно возвышают
голос и начинают поносить и ругать других. Ничего подобного
и ни в каком отношении не должно проходить безнаказанно E
в государстве.

Относительно злословия пусть будет один закон для всех,
именно следующий: пусть никто никого не злословит. Если же
в разговоре люди расходятся во мнениях, то надо их понять и
научить как противника, так и всех присутствующих, воздержи-
ваясь всячески от злословия. Дело в том, что из расхождения
во мнениях и из желания противнику неудачи возникает женская
привычка обзывать друг друга позорными наименованиями; таким
образом, из-за пустяка, из-за легковесных сначала слов про- 935
истекает на деле ненависть и вражда самая тяжкая. Спорщик
с приятностью отдается неприятному чувству, т. е. гневу; своей
злобе он дает плохую пищу; снова дикой становится та часть
его души, которая была некогда укрощена воспитанием; озве-
рев, живет он в раздражении; зато он получил горькую прият-
ность гнева. Опять-таки все привыкли при спорах часто пере-
ступать границы и подымать на смех своего противника. Кто B
к этому привык, тот или вовсе теряет серьезность характера,
или во многом губит возвышенный склад своего ума. Поэтому
в священных местах никто не должен никогда произносить ни-
чего подобного, точно так же и при общенародных жертвопри-

ношениях, на состязаниях, на торговой площади, в суде и в общих
собраниях. Правитель, ведающий этими делами, пусть карает
каждого провинившегося невозбранно. Иначе ему нет места
C в соревновании в отличиях, так как он не заботится о законах
и не исполняет предписаний законодателя. Если кто в других
местах начнет ругаться, хотя бы даже обороняясь и не удер-
жится от таких слов, то пусть на защиту закона выступит пер-
вый попавшийся старик, пусть он ударами, т. е. другой бедой,
изгонит тех, что̀ склонны к гневу; иначе он подвергнется уста-
новленному наказанию.

Мы сейчас сказали, что человек не может не искать повода
поднять на смех своего противника, когда он его поносит; но
мы поносим, когда это сопровождается гневом. Но как же
D так? Ведь и сочинители комедий стремятся подымать людей
на смех; допустим ли мы их выступления, если они без гнева
будут у нас высмеивать в комедиях граждан? Или мы разграни-
чим здесь две стороны: забаву и ее противоположность. Для за-
бавы дозволяется всякому говорить о любом человеке смешные
вещи, но без гнева; а тому, кто это делает неприязненно и
с гневом, это не будет разрешено, как мы и сказали. Этого во-
проса никак нельзя оставить в стороне; надо определить зако-
ном, кому это разрешается делать, а кому нет. Комическому, или
ямбическому поэту, или служителю напевных муз не разрешается
вовсе высмеивать кого-либо из граждан ни в словах, ни в же-
E стах, все равно, делается ли это с гневом или без гнева. Ослуш-
ника афлотеты[119] исключают из страны непременно в тот же день;
иначе они должны будут заплатить три мины, посвящаемые тому
богу, в честь кого происходило состязание. А что касается тех
лиц, что̀ могут, как мы сказали ранее, делать это друг над дру-
936 гом, то им разрешается такое высмеивание — однако, если только
оно совершается без гнева, лишь как забава. Всерьез и с гне-
вом — не разрешается. Распознавание здесь поручается попечи-
телю об общем воспитании молодежи; что̀ он одобрит, то автор
может использовать публично; что̀ он забракует, того автор не
должен показывать никому и обнаруживать, что он этому
научил другого, раб ли то или свободорожденный человек;
в противном случае он будет признан плохим гражданином и
B ослушником законов.

14

Сострадание вызывает не тот, кто голоден или испытывает что-нибудь подобное, но тот, кто здравомыслен или обладает какою-нибудь добродетелью или ее частью, а между тем еще и находится в несчастьи. Поэтому было бы удивительно, если бы человек с такими качествами оказался в полном пренебрежении, так что дошел бы до крайней нищеты — причем все равно, раб ли это или свободорожденный — в государстве с хотя бы мало-мальски устроенными государственными порядками. Поэтому законодателю надо установить какой-нибудь такой незыблемый закон: нищих совсем не будет в нашем государстве; если C
кто попытается нищенствовать, снискивая себе пропитание нескончаемыми просьбами, того с торговой площади прогонят агораномы, из города — астиномы, а из остальной страны агрономы вышлют его за пределы государства, чтобы страна совершенно очистилась от подобных лиц.

Если раб или рабыня причинят вред в чем-либо чужому иму-
ществу по своей неопытности или каким-нибудь иным видом не- D
здравомыслия, и не по вине самого пострадавшего, то хозяин нанесшего вред раба должен или исправить, не скупясь, нанесенный вред, или передать пострадавшему самого раба, нанесшего ему вред. Если же хозяин, к которому предъявлено обвинение, станет утверждать, что это обвинение ему предъявлено для того, чтобы отнять у него раба, т. е. что это вообше уловка со стороны нанесшего вред раба и лица пострадавшего, то пусть он привлечет к суду того, кто заявил о злостно нанесенном ему вреде.
Если он выиграет дело, то получит вдвойне стоимость раба E
по оценке суда; если проиграет, то должен возместить нанесенный вред, а также передать и раба. Точно так же надо возместить вред, причиненный соседу вьючным животным, лошадью, собакою или другими домашними животными.

Если кто не хочет добровольно явиться свидетелем на суде, его вызывает нуждающийся в свидетелях; после вызова он должен явиться в суд; если он знает что-нибудь по делу и может дать свидетельские показания, пусть будет свидетелем; если же он заявит, что ничего не знает, то должен поклясться тремя богами: Зевсом,

937 Аполлоном и Фемидой, что он действительно ничего не знает;
тогда он отпускается из суда. Вызванный же для дачи показаний,
но не явившийся по приглашению лица вызывавшего, ответствен
по закону в нанесенном вреде. Если же кто выставляет в каче-
стве свидетеля кого-нибудь из судей, то судья, после дачи пока-
заний, уже не имеет права голоса в этом деле. Свободорожден-
ной женщине разрешается быть свидетельницей, выступать
в качестве защитницы—если ей уже минуло сорок лет—и вести
судебное дело, если у нее нет мужа. А при жизни мужа ей раз-
решается только выступать в качестве свидетельницы. Рабу,
B рабыне и ребенку разрешается быть свидетелями и выступать
в качестве защитников лишь по делам об убийстве, если только
они представят достойного поручителя в том, что они не укло-
нятся от суда, если свидетельство будет признано ложным. Каж-
дый из тяжущихся противников может, до окончательного разре-
шения суда, обвинить в ложных показаниях и весь состав свиде-
телей и часть их; обвинения той и другой стороны хранятся у
правителей за печатью и доставляются, когда идет разбор прав-
дивости или ложности свидетельских показаний. Если кто будет
C дважды уличен в лжесвидетельстве, то закон далее уже не при-
влекает его для дачи свидетельских показаний; если же трижды—
он лишается права впредь давать свидетельские показания.
Если же пойманный трижды в лжесвидетельстве осмелится вы-
ступать со свидетельскими показаниями, то пусть доносит на
него правителям всякий желающий. Правители предадут его
суду; если он окажется виновным, будет наказан смертью. Если
судом будет установлена ложность показаний тех свидетелей,
что обеспечили победу выигравшему судебное дело, причем ко-
личество таких лжесвидетелей окажется больше половины, то
судебное дело, выигранное при таких условиях, признаётся не-
D действительным и спорным, и производится его пересмотр, —
все равно, вынесено ли решение при этих условиях, или нет.
В чью бы пользу оно ни было решено, та̀к пусть и будет, и этим
заканчивается предшествующее дело.

Хотя есть много прекрасного в жизни человеческой, но к очень многим вещам как бы приросли разрушительные недостатки, которые пятнают и марают их красоту. Да вот хотя бы правосудие — какое это прекрасное явление среди людей! Оно смяг-

чило все людские отношения. Раз оно так прекрасно, каким же E
образом не быть у нас прекрасным и правозаступничеству? Но, несмотря на это, какой-то злостный поклеп, укрывшийся за прекрасным знаменем искусства, утверждает прежде всего, что есть особая уловка в судебных делах, состоящая в том, что, судясь самому или заступаясь на суде за другого, можно выиграть дело, независимо от того, прав ли человек в своем поступке, или нет. Если хорошо заплатишь, то получишь в подарок
это искусство и построенные на нем речи. Так вот, нам в нашем 938
государстве надо в особенности не допускать проникновения этого что ли искусства, или не искусства, а приема, приобретаемого опытом и постоянным навыком. Надо или, чтобы оно послушалось просьб законодателя и не высказывалось бы против права; или лучше, чтобы оно отправилось в другую страну. Послушных закон обходит молчанием, для ослушников же он
гласит: если окажется, что человек пытается отвратить в противо- B
положную сторону сознание справедливости в душах судей и растягивает судебное дело или некстати выступает с правозаступничеством, то всякий желающий может обвинить его в злоупотреблении судом или в злонамеренном правозаступничестве. Тогда дело решается в суде избранных судей; если виновный будет уличен, суд оценивает, что̀ побудило виновного к такому поступку: корыстолюбие или честолюбие; если окажется, что честолюбие, то суд определяет, на какой срок виновный лишается права выступать в суде или быть правозаступником;
если же корыстолюбие, то иностранец должен покинуть страну C
и никогда больше не возвращаться — иначе он будет наказан смертью; горожанин же должен умереть за свое корыстолюбие, которое он ценил выше всего. Смертная казнь назначается и в том случае, если кто будет признан вторично действовавшим под влиянием честолюбия.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Если кто самозванно выступит в ином государстве в качестве 941
государственного посла или глашатая; если какой-нибудь посол
известит не о том, что̀ ему было поручено, или, с другой сто-
роны, неверно передаст ответы, полученные от неприятелей или
друзей,—иными словами: если человек явно злоупотребит своим
званием посла или глашатая, против него надо возбудить судеб-
ное дело, так как он, вопреки законам, нечестиво нарушил пору-
чения и наставления Гермеса и Зевса. В случае признания его ви-
новным, надо определить ему то или иное наказание или пеню. b

Кража чужой собственности — поступок неблагородный, а
грабеж — бессовестное дело. Никто из сынов Зевса не прибегал,
для собственного удовольствия, ни к тому, ни к другому ни путем
обмана, ни путем насилия. Стало быть, никто не должен дать
себя убедить и обмануть поэтам и всяким другим баснословам,
будто можно пренебрегать этими вещами; нельзя, совершая
кражу или насилие, считать, что в этом поступке нет ничего
позорного, раз уже сами боги тоже так поступают. Такой взгляд
далек от истины и неправдоподобен; нет, кто поступает так
беззаконно, тот не бог и не чадо божие. В этой области зако- c
нодателю подобает иметь больше сведений, чем всем поэтам
вместе. Кто послушен нашему учению, тот благоденствует, и
да благоденствует он всегда! Ослушник же пусть поборется
с каким-нибудь таким законом: кто украдет что-нибудь из обще-
государственного достояния, — все равно, значительную ли вещь
или мелочь, — того должно постигнуть одинаковое наказание.
Дело в том, что даже и при мелкой краже побуждение было все
то же—только сил у вора было меньше. А человек, похитивший

что-нибудь большое, не им самим отложенное, совершил вполне
несправедливый поступок.

Итак, закон требует и в том и в другом случае одинакового
D наказания, независимо от размеров кражи. При этом имеется
в виду, что в одном случае преступник еще может, пожалуй,
исправиться, а в другом он уже неисправим. И вот, если, при
судебном разбирательстве, уличат в краже общегосударствен-
ного достояния какого-нибудь иностранца или раба, он, есте-
ственно, еще может исправиться; пусть суд решит, чему его под-
942 вергнуть или какую пеню он должен уплатить. Зато горожанина,
воспитанного так, чтобы он в будущем стал именно воспитан-
ным, надо счесть, пожалуй, неисправимым и покарать смертью,
если он будет уличен в насильническом расхищении своего оте-
чества; при этом безразлично, захватят ли его на месте престу-
пления или нет.

2

Что касается военных походов, то здесь надо многое обсу-
дить, да и законов придется, так или иначе, дать немало. Самое
главное положение такое: никто никогда не должен быть без
начальства, ни мужчины, ни женщины; ни в серьезных занятиях,
ни в играх никто не должен иметь привычку действовать по
B собственному усмотрению; нет, всегда, и на войне и в мирное
время, надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следо-
вать за ним; даже в самых незначительных мелочах надо
руководствоваться его указаниями, например, по первому его
приказанию, останавливаться на месте, итти вперед, заниматься
упражнениями, мыться, кормиться, пробуждаться ночью для
несения охраны и для исполнения поручений. Даже в самых
опасных обстоятельствах нельзя преследовать врага или отсту-
пать от него иначе, как по разъяснению начальников. Словом,
пусть человеческая душа путем навыка приучится к тому, чтобы
совершенно не знать и не уметь поступать отдельно от других
C людей; пусть жизнь всех людей станет всегда как можно более
сплоченной и общей. Ибо нет ничего лучше, полезнее и искуснее
этого — и да не будет! — для достижения на войне удачи и
победы.

В этом надо упражняться с самых молодых лет и в мирное
время, именно: начальствовать над другими и самому быть под
началом у других. А безначалие должно быть изъято из жизни
всех людей и даже животных, подвластных людям. Надо D
водить хороводы, предаваться всяческим видам хореи, раз она
имеет в виду военные отличия. Ради этой же цели надо разви-
вать подвижность и ловкость, воздержанность в пище и в питье,
выносливость в зимние холода и в том, что̀ им противоположно,
в спанье на жестком ложе; самое же главное — не портить силу
головы и ног, облекая их чуждыми покровами: ведь этим губят
свойственную людям природу волосяных покровов и естествен- E
ной обуви. Поддержание этих крайних оконечностей нашего
тела в здоровом состоянии имеет очень важное значение для
всего тела, плохое же их состояние отражается чрезвычайно
вредно; ноги во всяком теле исполняют наиболее служебную обя-
занность, голова же наиболее главенствующую, так как именно
в ней сосредоточены природою все главные органы чувств.

Такую похвалу воинственной жизни следует услышать моло- 943
дому человеку, а, с другой стороны, и следующие законы: кто
будет зачислен или кто будет назначен в какой-нибудь отряд,
тот должен отправляться в поход. Если кто уклонится от этого
по злостной небрежности, без разрешения на то военачальников,
то его, когда войско вернется из похода, надо привлечь к суду
военных правителей за уклонение от военной службы; все быв-
шие в походе принимают участие в суде, однако порознь:
гоплиты, всадники и, точно так же, представители остальных
родов оружия; провинившихся гоплитов надо привлекать к суду
гоплитов, провинившихся всадников — к суду всадников и так B
далее, словом — к суду представителей данного рода оружия.
Признанный виновным навсегда исключается из состязаний
в доблести, не может привлекать к суду другого по обвинению
в уклонении от военной службы, не может выступать обвини-
телем в подобных делах; кроме того, суд назначит ему дополни-
тельно какое-нибудь наказание или денежную пеню.

После того, как будет закончено судебное разбирательство
по вопросу об уклонении от военной службы, начальники каждого
рода оружия созывают опять собрание, на котором всякий
желающий присуждает знаки отличия своим товарищам по ору-

C жию; при этом нельзя ссылаться на предшествовавшие войны, приводить их в подтверждение и закреплять свидетельскими показаниями; надо основываться только на походе, совершонном в последний раз. Победным отличием для каждого будет служить венок из листьев оливы. Его можно посвятить, по своему выбору, в святилище богов, покровителей войны, с надписью, свидетельствующей, за какое отличие всей жизни был присужден этот венок. То же самое можно сделать и с наградою, полученною во второй и третий раз.

D Если кто отправится в поход и, до истечения срока, вернется домой, между тем, как правители еще не дали распоряжения о возвращении, то против него возбуждается обвинение в дезертирстве, и дело это решается теми же судьями, что̀ ведают делами об уклонении от военной службы; для признанных виновными назначаются те же наказания, что̀ и в первом случае. При назначении любого наказания для человека, каждый должен опасаться, как бы по возможности не назначить незаслуженного наказания, хотя бы даже невольно, а уже тем более не делать
E этого умышленно. Ибо Правда справедливо слывет теперь, да и раньше слыла, девственной дщерью Совестливости, а ложь естественно, ненавистна Совестливости и Правде [120]. Итак, и в остальных вопросах надо быть осторожным, как бы не нарушить правосудия; в особенности же это следует делать при разборе дел по вопросу о сложении с себя на войне оружия, как бы не ошибиться и не счесть позором, достойным порицания, неизбежную необходимость бросить оружие; как бы незаслуженно не назначить наказания человеку, его не заслуживающему. Правда, здесь очень не легко разграничить случаи, вынуждавшие бросить оружие, от других; все же, так или иначе, закон должен попытаться произвести это разграничение в отдельных случаях.
944 Привлечем на помощь сказания и приведем примеры: если бы Патрокл, принесенный к шатру без оружия, пришел в себя — как это бывало с бесчисленным множеством людей, — а между тем Гектору досталось то первоначальное вооружение, которое, как говорит поэт, боги даровали Пелею, при его браке, в приданое Фетиды, то в таком случае тогдашние подлые [121] люди получили бы возможность упрекнуть сына Менетия в том, что он бросил оружие [122]. Затем можно привести всех тех, кто поте-

рял свое оружие при падении с кручи, или на море, или в мест-
ностях, подверженных бурям, когда на воинов вдруг изли- B
ваются обильные потоки воды; словом, есть бесчисленное мно-
жество подобных случаев, которыми можно извинить себя, от-
говориться и прикрасить свою беду, впрочем, легко могущую
быть оклеветанной. Поэтому надо, по мере сил, отграничить
случаи большей и более тяжкой беды от им противоположных.

Впрочем, некоторое такое отграничение заключается уже
чуть что ни в самом словоупотреблении при высказывании пори-
цания. Дело в том, что не во всех случаях правильно было бы
говорить о *бросившем свой щит*, но лишь о *потерявшем свое*
оружие. Ведь не в одинаковом положении оказались бросившими C
свой щит тот, у кого он был отнят насильно, и тот, кто само-
вольно его кинул; здесь огромная разница по существу.

Поэтому закон пусть гласит так: если кого захватят враги,
он же не обратит на них своего оружия, не даст отпора, а само-
вольно кинет или бросит свое оружие, т. е. предпочтет бег-
ством сохранить свое позорное существование, а не мужеством
снискать прекрасную блаженную смерть, то, при подобной утрате
оружия, он подлежит обвинению, как бросивший, а в вышеука-
занном случае судья пусть прекратит разбирательство дела. D
Надо постоянно карать человека плохого, чтобы его исправить,
но не надо карать несчастного: это ни к чему не ведет. Но какое
наказание может оказаться полезным для человека, который
получил для своей обороны оружие, а вместо этого, напротив,
кинул его? Человек не может дать другому противоположных
качеств, как это, по преданию, некогда совершил бог, превра-
тивший Кенея фессалийца из женщины в мужчину[123]. А для
человека, бросившего свой щит, всего более подходило бы
обратное превращение, то есть, из мужчины в женщину; это и E
было бы наказанием. Теперь же, раз он очень близок к этому,
в виду своей привязанности к жизни во что бы то ни стало,
то для того, чтобы остальную свою жизнь он не подвергался
опасностям, но жил как можно долее, покрытый позором,
пусть будет следующий закон на этот случай: муж, уличенный
в постыдной утрате воинского оружия, не будет использован
никаким стратегом и никаким иным военачальником, как муж-
воин и не будет зачислен ни в какой военный отряд; в против- 945

ном случае, т. е. если такого негодного человека кто-нибудь зачислит в отряд, пусть евфин [124] оштрафует виновника на тысячу драхм, если он принадлежит к самому высшему классу, на пять мин, если — ко второму, на три мины, если — к третьему, на одну мину, если — к четвертому. Что же касается человека, изобличенного в трусости, то, кроме того, что он будет избавлен от опасностей, которым подвергаются мужественные по своей природе люди, он должен уплатить пеню в размере тысячи драхм, если принадлежит к высшему классу, пяти мин, если—ко второму, трех мин, если — к третьему, и одну мину — словом, точно так же, как и в предшествующем случае,—если он принад-
B лежит к четвертому классу.

3

Чем руководствоваться следовало бы нам при поставлении евфинов?

Ведь одни из правителей у нас поставляются по жребию и на год, другие на большее количество лет и путем косвенных выборов. Может ли быть удовлетворительным евфином над такими правителями тот, кто, изнемогая под бременем своей должности, выскажет или сделает что-либо неправое, или тот, у кого не хватает сил для достойного отправления своей долж-
C ности? Вовсе нелегко найти правителя над правителями, притом еще выдающегося своею добродетелью; однако, надо попытаться найти каких-нибудь таких божественных евфинов: этого требует дело. Как и на корабле или у какого-либо живого существа, так и в государственном устройстве есть много слабых мест; мы их в разных случаях обозначаем различными названиями, как-то: канаты, обшивка, подтягивающие веревки; хотя их много, но у всех них одно назначение.

Есть один очень значительный и удобный способ спасти государственный строй или обеспечить ему дальнейшее его продвижение, в случае происшедшего нарушения; способ этот
D состоит в следующем. Всякая страна и государство процветают и благоденствуют, если в них евфины лучше, чем подотчетные им правители, и если там безупречно отправляется безупречное

правосудие. Если же дело с подотчетностью правителей обстоит
иначе, если нарушено правосудие, связующее воедино все
органы государственного управления, тогда все правительствен-
ные должности распадаются, не согласуются одна с другой и
уже не преследуют общей цели, а это ведет к уничтожению E
единства государства, порождает в нем множественность, напол-
няет его междоусобиями и ведет к скорой гибели. Вот поэтому-то
евфины и должны всячески отличаться во всякой добродетели.

Устроим[125] поставление евфинов в таком виде: ежегодно
после поворота солнца от лета к зиме все государство соби-
рается в священном участке, посвященном Гелиосу и Аполлону;
там пред лицом бога пусть каждый заявит, кого он считает во
всех отношениях наилучшим из своей среды, — разумеется, за
исключением самого себя, — причем этот человек должен иметь
не менее пятидесяти лет; таких кандидатов надо указать трех; 946
из числа предложенных кандидатов, получивших наибольшее
число голосов, следует избрать не менее половины, если их
общее число четное. Если же оно нечетное, то надо изъять
одного, именно того, кто получил за себя всего менее голосов,
а из оставшихся отвергнуть половину по большинству голосов.
Если же у некоторых получится равное число голосов, и общее
количество таких кандидатов превышает половину, то надо
излишек отвергнуть, начиная с самых младших, а избрание
остальных поставить на голосование еще раз, пока трое из B
кандидатов не получат по неравному числу голосов. Если же у
всех них, или у двух из них, получится равное число голосов,
то надо обратиться к помощи доброй судьбы и счастья и путем
жребия определить, кто одержал верх, кто стоит вторым и кто
третьим, увенчать их масличным венком, воздать им всем отли-
чия и провозгласить во всеуслышание: государству магнетов
снова, с божьей помощью, удалось спастись; оно выделило
Гелиосу из своей среды троих наилучших мужей; их оно и посвя-
щает, согласно древнему закону, как лучшую свою часть Апол-
лону и Гелиосу, на все то время, пока они будут удовлетворять C
своему избранию. Они назначат на первый год двенадцать
евфинов, которые будут отправлять свою должность, пока каж-
дому из них не исполнится семидесяти пяти лет; на будущее же
время постоянно надо ежегодно поставлять троих евфинов;

последние поделят все правительственные должности на двенадцать частей и подвергнут их контролю, пользуясь всякими, однако, лишь пригодными для свободорожденных людей, средствами испытания. Пока евфины отправляют свою должность, они будут жить в священном участке Аполлона и Гелиоса, где
D они и были избраны. Отчасти каждый в отдельности, отчасти же сообща друг с другом они подвергнут рассмотрению деятельность всех должностных лиц и доложат об этом государству, поместив на площади свои записи относительно каждой правительственной должности с указанием, чему должно подвергнуть, по мнению евфинов, то или иное должностное лицо, или какую на него следует наложить пеню. Если какая-нибудь правительственная должность будет оспаривать справедливость этого суждения, то она может привлечь евфинов к суду избранных судей и, если угодно, возбудить дело против самых евфинов, если докажет неправильность произведенной ими ревизии. Если же вина будет доказана и если должностному лицу будет назначена
E евфинами смертная казнь, то пусть оно и будет казнено, раз уже нельзя удвоить этой казни; а другим наказаниям, которые можно удвоить, пусть оно подвергнется в двойном размере. Однако, надо выслушать, какова будет подотчетность и самих этих лиц, и каким образом она будет осуществлена[126].

При жизни евфинов им будут оказываться отличия со стороны всего государства: так, им будут предоставлены первые места на всех всенародных праздничных собраниях; затем, при
947 общеэллинских жертвоприношениях и феориях[127] или при участии в каких-либо других священнодействиях, именно из их среды посылают лиц, возглавляющих феорию; только они одни из граждан имеют право быть украшенными лавровым венком; все они будут жрецами Аполлона и Гелиоса, а признанный первым из числа ставших на тот год жрецами становится первосвящен-
B ником на один год; его имя ежегодно отмечается, и это служит мерою для исчисления времени до тех пор, пока существует государство. Для скончавшихся евфинов назначаются отличные от прочих граждан похороны: выставление тела, вынос его и погребение. Покойник будет облечен во все белое; не будет ни плача, ни рыданий; один хор из пятнадцати девушек и другой из юношей, стоя вокруг ложа, будут воспевать поочередно, в виде

песнопения, похвалу скончавшемуся жрецу, прославляя его пе-
нием весь день. На другое утро отнесут к гробнице ложе с покой- C
ником сто юношей из числа посещающих гимнасии, по выбору
родственников покойника. Впереди пойдут неженатые молодые
люди, все одетые в воинский убор, затем всадники на конях,
гоплиты в их вооружении и точно так же все остальные; отроки
вокруг ложа и перед самим ложем будут петь отечественную
песнь; за ложем последуют девы и женщины, уже не могущие быть D
матерями; далее следуют жрецы и жрицы за этим, не оскверняю-
щим их, погребением, тогда как при всех остальных погребе-
ниях они исключаются: впрочем участие жрецов допускается
только в том случае, если на это даст свое согласие Пифия[128].
Склеп для евфинов будет устроен под землею, в виде продол-
говатого свода, по возможности, из камней, ценных своею проч-
ностью; там, друг подле друга, будут стоять каменные ложа,
куда и надо возложить ставшего блаженным[129]. Кругом следует E
насыпать холм, обсадив его древесной рощей со всех сторон,
кроме одной, чтобы склеп с этой стороны мог быть расширен
в течение всего последующего времени, не нуждаясь в дополни-
тельной насыпи для почивших. Будут учреждены в честь евфинов
ежегодные мусические, гимнические и конные состязания.

Таковы почетные дары для тех, чьи отчеты будут признаны
безупречными. Если же кто из них, пользуясь тем, что он избран
в евфины, начнет проявлять свою человеческую природу и, после
избрания, станет порочным, то закон предписывает всякому же- 948
лающему возбудить против него дело. Само судебное состя-
зание пусть происходит на суде следующим образом: прежде
всего в состав такого суда входят законохранители, затем все
бывшие и состоящие евфинами, наконец, избранные судьи.
Обвинитель предъявляет обвиняемому обвинение в таком виде:
такой-то недостоин знаков отличия и данной правительственной
должности. Если обвиняемый будет признан виновным, он ли-
шается своей правительственной должности, погребения и осталь-
ных предоставленных ему почестей; если же истец не получит
в свою пользу и пятой части голосов, то он должен заплатить
двенадцать мин, если принадлежит к высшему классу, восемь B
мин, если — ко второму, шесть, если — к третьему, две — если
к четвертому.

4

Достоин восхищения так называемый Радаманфов способ разрешения тяжеб. Радаманф заметил, что тогдашние люди твердо верили в существование богов, что̀ было и естественно, так как в то время большинство принадлежало к числу потомков богов, одним из которых был и сам Радаманф, по преданию. Так вот он и решил, что никому из людей нельзя поручать суд, а только богам; поэтому судебные решения выносились у него просто и быстро. Судьям, сомневающимся в каком-нибудь деле обвиняемый давал клятвенное заверение относительно вызывающего
C сомнение вопроса; этим дело и кончалось, быстро и нерушимо. Но в наше время, как мы говорили, одна часть людей вовсе не признаѐт богов, другие полагают, что боги о нас не пекутся, а мнение огромного и наихудшего большинства людей таково: боги, получив незначительные жертвы и льстивые моления, содействуют хищению значительных предметов и, в большинстве случаев, помогают освободиться от больших наказаний; поэтому-то Радаманфовы правила правосудия уже не подходят для нынешних людей. Раз в людях изменились представления о богах, следует изменить и законы.

D Разумно установленные законы должны устранить из судопроизводства клятвенные заверения обеих тяжущихся сторон; при подаче всякого обвинения надо только письменно изложить свою жалобу, не сопровождая ее клятвенным заверением; точно так же и ответчик должен письменно изложить свои оправдания и, не подтверждая их клятвой, передать правителям. Ужасно сознавать, что, при обилии судебных дел в государстве, чуть
E что ни половина тех граждан, что̀ легко общаются друг с другом в сисситиях, в иных сообществах и в частных связях, — клятвопреступники. Поэтому пусть будет установлен такой закон: судья, собирающийся судить, должен принести клятву; затем и тот, кто путем клятв или подсчета голосов, производимого на жертвеннике, поставляет должностных лиц для всего
949 государства, должен всегда это делать; затем опять-таки тот, кто имеет суждение о хороводах и о всем мусическом искусстве, также председатели и распорядители гимнических и конных

состязаний, — словом, разрешается это делать во всех тех случаях, когда, по мнению людей, клятва не может принести выгоды. Зато в тех случаях, когда отрицание чего-либо, скрепленное клятвою, может явно принести большую выгоду, все тяжущиеся должны разрешать свои дела судебным порядком без клятв. Вообще на суде председатели не должны позволять никому клятвой подтверждать убедительность своих слов, проклинать B самого себя и свой род, прибегать к некрасивым мольбам и к женским воплям; нет, надо поучительно и внятно, сохраняя благопристойность речи, изложить свою правоту, и та́к вести дело до конца.

В противном случае оратор как бы отклоняется от предмета своей речи; поэтому правители должны постоянно направлять его речь к ее предмету. Впрочем, иностранцу по отношению к иностранцу разрешается, как и в настоящее время, если им угодно, с полным правом обмениваться друг с другом клятвами. C Ведь они не живут до старости в нашем государстве и, по большей части, не свивают себе здесь гнезда; следовательно, они не могут дурно повлиять на живущих с ним рядом владельцев страны.

Что касается подачи жалоб по частным делам, то здесь порядок будет один и тот же для всех, поскольку свободорожден ный человек является ослушником распоряжений государства, но его проступок не заслуживает ни побоев, ни тюремного заключения, ни смертной казни. Что же касается хороводов при некоторых шествиях, процессиях и других тому подобных общих праздничных выступлениях и государственных повинностях и D вообще во всем том, что̀ совершается ради мирного жертвоприношения или когда делаются взносы на военные надобности, — то во всем этом первая необходимость наказания еще может быть отвращена; с ослушников же возьмут залог те, кому государство и, вместе с тем, закон предпишут произвести взыскание. Если кто будет упорствовать, несмотря на то, что его имущество взято в залог, то такое заложенное имущество поступает в продажу, а вырученные деньги поступают в государственную казну. Если необходимо еще большее наказание, то каждая правительственная должность налагает на ослушников надлежащие наказания, направляет дело в суд, пока упорствующие не будут E поступать, как предписано.

5

Государству, которое не ведет ни внутренней торговли — разве лишь земледельческими продуктами, — ни внешней, необходимо взвесить, как поступать при отбытии граждан за пределы страны и при допущении в нее приезжих иностранцев. Здесь прежде всего должен дать свой совет законодатель, пытаясь, по мере сил, действовать убеждением.

Сношения государств с государствами обычно ведут к разнообразному смешению нравов, так как чужестранцы взаимно
950 внушают друг другу новшества. Это принесло бы величайший вред для граждан, обладающих, благодаря правильным законам, хорошим государственным устройством. Между тем для большинства государств, раз в них вовсе нет правильных законов, безразлично это смешение при приеме у себя иностранцев и при отправлении своих граждан, для их собственного удовольствия, в другие государства, лишь бы только человек выразил желание отправиться куда-нибудь и когда угодно в путешествие, все равно молод ли он или стар. Но, опять-таки, не принимать людей со стороны и самим не ездить в чужие страны совершенно недопустимо; вдобавок, это показалось бы остальным людям мерой грубой и жестокой; они сочли бы это за проявление тяжелого характера и самоуправства, обозвали бы это тягостным именем так называемого изгнания иностранцев [130].

Нельзя относиться безразлично к мнению других людей о нас: считают ли они нас хорошими, или нет. Дело в том, что большинство людей не в такой уже мере лишено способности разбираться в других людях, худы ли те или хороши, в какой оно лишено обладания добродетелью. Даже у плохих людей есть некая божественная сметливость, так что очень многие даже из самых плохих людей прекрасно различают в своих отзывах и в своем мнении людей лучших и худших. Поэтому хорошо было бы требовать от большинства государств, чтобы они дорожили своей доброй славой в глазах большинства людей. Впрочем, самое правильное и самое главное — это действительно быть хорошим и таким образом снискать своею жизнью добрую славу; иным путем это никак нельзя сделать, если

только человек стремится к совершеству. В особенности следовало бы этому, основываемому на Крите, государству снискать себе самую прекрасную и лучшую славу, в смысле добродетели, D
у остальных людей. По всей вероятности, можно вполне надеяться, что, спустя короткое время, солнце и остальные боги узрят среди благозаконных государств и стран и это наше государство, если только оно будет устроено разумно [131].

Итак, относительно путешествий в чужие края и страны и относительно допущения к себе иностранцев надо поступать следующим образом. Прежде всего, кто не достиг сорока лет, тому вовсе не разрешается путешествовать куда бы то ни было; затем вообще не разрешается никому путешествовать по частным надобностям, а только по общегосударственным, то есть, глашатаям, послам, феорам [132].

При этом нельзя причислить к путешествиям государствен- E
ного характера переходы границ во время войны или похода; их характер совсем другой. В Пифийский храм Аполлона, в Олимпию к Зевсу, в Немею [133] и на Исфм, надо посылать для участия в жертвоприношениях и состязаниях в честь этих богов людей, по мере сил, в самом большом количестве, самых прекрас ных и лучших, именно таких, которые могут доставить добрую славу своему государству, при этих мирных и священных видах общения, и снискать ему репутацию, соответствующую его воен- 951
ным успехам. Вернувшись на родину, эти люди наставят молодежь, что узаконения, определяющие государственный строй других государств, уступают нашим. Других таких феоров посылают заграницу законохранители по своему усмотрению. Если кто из граждан пожелает в течение большего срока наблюдать жизнь остальных людей, то никакой закон им в этом не препятствует. Ведь государство, незнакомое на опыте, в виду своей B
необщительности, с плохими и хорошими людьми, никогда не сможет быть достаточно кротким и усовершенствованным. Да и законы невозможно соблюдать, если они не будут восприняты сознательно, а не только по привычке. Среди толпы выделяются постоянно какие-нибудь божественные люди, — правда, их немного, — которые вполне достойны общения. И в благозаконных государствах они встречаются не чаще, чем в беззаконных. Человек, живущий в благозаконном государстве, должен по-

стоянно по следам разыскивать, странствуя по морю и по суше, чтобы найти того, кто неиспорчен, и с его помощью укрепить
C хорошие стороны узаконений, а упущения исправить. Без таких поисков, предпринимаемых с целью наблюдения, государство не может быть вполне устойчивым, так же как и тогда, когда наблюдения будут делаемы плохо.

Клиний. Но как осуществить и то и другое?

6

Афинянин. Вот как: прежде всего такой феор должен у нас уже переступить за пятьдесят лет и, кроме того, быть из числа людей, заслуживших себе хорошую славу, как вообще, так и на войне, чтобы представить собою остальным государ-
D ствам образцового законохранителя. А кто переступил уже за шестьдесят лет, тот не может быть феором. В пределах этих десяти лет феор может производить наблюдения сколько ему угодно лет; по возвращении на родину, он должен предстать пред собранием лиц, надзирающих за законами. Это собрание состоит из смешения молодых и престарелых людей и собирается ежедневно обязательно на заре, до восхода солнца. Оно состоит прежде всего из жрецов, получивших знаки отличия, за-
E тем из десяти всегда старейших законохранителей; далее туда входит новопоставленный попечитель о всех областях воспитания и лица, уже освободившиеся от этой должности; при этом каждый член собрания входит туда не только сам по себе, но вводит по своему выбору и молодого человека между тридцатью
952 и сорока годами. Эти люди собираются вместе и обсуждают постоянно законы своего родного государства; если они узна́ют, что в чужих краях законы или предметы обучения отличаются чем-либо таким, что̀, по рассмотренни, представляется полезным и разъясняющим вопросы о законах для лиц, изучивших эти науки — а не изучившие их как бы бродят в потьмах, — то старейшие вводят это и в нашем государстве, а младшие обязаны со всею ревностью приняться за изучение всего этого. Если кто-нибудь из таких приглашенных младших членов окажется недостойным приглашения, то все собрание в целом выносит
B порицание лицу, его пригласившему. Зато молодых людей, сни-

скавших себе добрую славу, охраняет весь остальной город; все граждане взирают на них и особенно берегут их; почитают их за хорошее поведение и более, чем остальных, покрывают бесчестием за поступки худшие, чем у большинства людей.

Феор, наблюдавший узаконения остальных людей заграни-
цей, сразу по возвращении должен отправиться в это Собрание.
Он сообщает всем членам его свои соображения или слышан-
ные им от других лиц разъяснения относительно законодатель-
ства, образования и воспитания. Если окажется, что он возвра-
тился ничуть не худшим, чем был ранее, хотя и не усовершен-
ствовавшимся, ему выражают одобрение, по крайней мере, за
его большое усердие. Если же он замечательно усовершенство- C
вался, то еще при жизни ему воздают хвалу, а по смерти Собра-
ние оказывает ему надлежащие почести. Если же окажется, что
он вернулся испорченным, вообразив сам себя мудрецом, его не
допускают общаться ни с молодыми, ни со старыми. Если он
послушен правителям, то пусть себе живет, как частный чело-
век; в противном случае он наказывается смертью, именно D
в том случае, если он будет по суду уличен в том, что вводит
суетные новшества в дело воспитания и в законы. Если же
никто из правителей не заключит в тюрьму человека, это заслу-
жившего, то, при назначении знаков отличия, таким правителям
будет вынесено порицание.

Вот каким условиям должен удовлетворять тот, кому позволено путешествие заграницу. После этого надо позаботиться о приеме приезжих иностранцев.

Есть четыре разряда иностранцев, заслуживающих упомина-
ния. Первый разряд совершает путешествия по большей части
летом, точно перелетные птицы; большинство таких иностранцев E
по морю совершают свой прямо-таки как бы перелет; ради обо-
гащения они занимаются торговлей и слетаются в другие госу-
дарства, пользуясь благоприятным временем года. На рынках,
в гаванях и общественных зданиях вне города, под городом,
должны принимать их власти, для того назначенные, из осто-
рожности, как бы кто из таких иностранцев не ввел каких нов-
шеств; они справедливо воздадут этим иностранцам все им
должное, но как можно реже будут обращаться к ним, — только 953
по необходимости.

Второй разряд иностранцев состоит из охотников полюбоваться красотой и послушать, чтò можно, из произведений Муз. Для всех таких людей должны быть приготовлены пристанища у святилищ, где они и встретят полное гостеприимство. Жрецы и храмовые служители должны заботиться о таких гостях, ухаживать за ними, пока те не уедут, чтобы они не причинили и не потерпели никакого вреда во время своего пребы-
B вания, но увидели и услышали все то, ради чего приехали. Если кем из них или кому-нибудь из них будет нанесена обида, судить их будут жрецы,—во всех делах, не превышающих пятидесяти драхм. Если у них возникает тяжба по большему делу, судебное разбирательство производят агрономы.

Третий разряд иностранцев, приезжающих из другого государства по его поручениям, надо принимать от имени государства. Их должны принимать только стратеги, гиппархи и такси-
C архи [134]; заботиться об их приеме надо совместно с пританами каждому, у кого остановится такой иностранный гость.

Иностранцы четвертого разряда могут приезжать разве лишь изредка. Это те, чтò приезжают к нам из чужих краев для наблюдения. Прежде всего такой иностранец должен иметь не менее пятидесяти лет; кроме того, он должен стремиться увидеть у нас что-нибудь лучшее, нежели в остальных государствах, что-нибудь отличающееся своею красотой, и указать на
D что-нибудь подобное иному государству; такой человек и без приглашения должен быть вхож в дома богатых мудрецов, раз он и сам таков. Пусть он направится в дом попечителя о воспитании, в уверенности встретить там полное гостеприимство, достойное такого гостя, или в дом человека, одержавшего победу во своей добродетели. В общении с ними он частью сам наставит их, частью от них научится и отправится обратно, дружественно почтенный со стороны друзей дарами и надлежащими почестями. Руководствуясь такими законами, надо принимать
E разных иностранцев и иностранок из чужих краев и посылать заграницу своих граждан. Мы почтим Зевса Гостеприимного тем, что не отлучим иностранцев от нашего стола и жертвоприношений, как это делают теперь питомцы Нила, и не оскорбим их грубыми распоряжениями.

7

При поручительстве, если кто дает таковое, надо подробно
перечислить все пункты, оговорив их письменно, в присутствии
не менее трех свидетелей, если дело идет о сумме не свыше ты-
сячи драхм; если же выше, то — не менее пяти свидетелей. По- 954
ручителем является посредник при покупке какой-нибудь вещи;
если она неправильно поступает в продажу или вообще не под-
лежит продаже, то и посредник и продавец — оба подлежат
суду. Если кто у кого хочет произвести обыск, он может это сде-
лать, войдя в его дом нагим или в коротком неподпоясанном
хитоне, и предварительно принеся узаконенную клятву, что он,
действительно, надеется найти здесь свою вещь. Подозреваемый
в утайке должен предоставить свой дом для обыска и все
в нем находящееся, как то, что́ запечатано, так и то, что́ без
печати. Если кто не даст произвести обыска желающему это B
сделать, последний пусть привлечет его к суду, оценив стои-
мость разыскиваемой вещи. Если первый будет уличен, он дол-
жен вдвойне против оценки возместить ущерб. Если хозяин
дома находится в отсутствии, то обитатели дома имеют право
осматривать, с целью розыска, все незапечатанные вещи; а
обыскиватель может приложить свою печать к запечатанным
вещам и приставить, кого хочет, стражем к ним на пять дней.
Если же хозяин будет отсутствовать большее время, то обыск
надо производить с привлечением астиномов, вскрывая запеча-
танные вещи и снова точно так же их запечатывая, совместно C
с обитателями этого дома и с астиномами.

Что касается вещей спорной принадлежности, то будет огра-
ничен срок, сверх которого у обладателя уже нельзя оспаривать
эту вещь. В этом отношении не может возникнуть спора отно-
сительно земельных участков и жилищ. Зато, если кто владеет
чем-нибудь иным и явно обнаруживает свое пользование этою
вещью, в городе на рынке и в святилищах, и никто этого не
оспаривает, между тем как собственник заявлет, что он все это
время разыскивал эту вещь, хотя ее обладатель явно не скры-
вался, иными словами, если целый год один человек обладал
вещью, а другой ее разыскивал, то, по прошествии года, никто

D не в праве заявлять свои притязания на эту вещь. Если же обладатель не пользовался ею в городе и на рынке, но явно пользовался ею в деревне, причем не встретился с ее собственником в течение пяти лет, то, по прошествии пяти лет, собственнику уже нельзя впредь изъявлять свои притязания на нее. Если кто пользовался вещью в городе, но лишь у себя дома, то срок давности устанавливается трехлетний; если кто обладает такой
E вещью втайне в деревне, — десятилетний; если в чужих краях, — бессрочно, то есть, нет никакой давности, если собственник где-нибудь найдет ее.

Если кто насильственно воспрепятствует явиться в суд своему противнику или его свидетелям — все равно, собственный ли это его раб или чужой, — судебное решение теряет совершенно свою силу. Если этому подвергся свободорожденный человек, то, кроме того что решение теряет свою силу, виновник
955 заключается в тюрьму на год, и всякий желающий может возбудить против него обвинение по поводу такого обращения в рабство. Если кто насилием воспрепятствует явиться своему противнику по состязанию в гимнастическом или мусическом искусстве или в любом ином состязании, то желающий пусть уведомит афлофетов[135], а те объявят свободный доступ на состязания всякому желающему. Если они не смогут этого сделать и если победит на состязании тот, кто воспрепятствовал явиться своим противникам, то награду за победу надо вручить пострадавшему и записать его имя, как победителя, в тех святили-
B щах, в каких он сам пожелает; а насильнику запрещается делать какое-либо приношение в храм и делать надпись о таком состязании; его можно привлечь по обвинению в нанесенном ущербе, все равно, будет ли он побежден на состязании, или же сам победит.

Если кто сознательно укрывает украденную вещь, он подлежит одинаковому с вором наказанию. Укрывательство изгнанника наказывается смертью. Пусть каждый человек считает своим другом или врагом того же, кого считает и государство. Если кто по частному почину заключит с кем-нибудь мир или пойдет войной без общегосударственного на то решения, то и
C ему наказанием будет смерть[136]. Если какая-нибудь часть государства заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-либо

войной, то виновных в этом стратеги привлекают к суду; в случае изобличения, им грозит смертная казнь.

Служащий своей родине должен служить ей без взяток. Здесь не может быть никаких отговорок, никаких, хотя бы одобряемых всеми, оснований, будто ради хорошей цели можно принимать взятки, ради плохой — нельзя. Ведь это трудно разобрать и, даже разобрав, нелегко совладать с собой. Всего D
вернее слушаться закона, повиноваться ему и не оказывать никаких услуг за взятки. Ослушник подвергается смертной казни, лишь только он будет изобличен на суде.

Что касается денежных взносов в общегосударственную казну, то надо ценить частную собственность по многим причинам. Члены фил должны в письменной форме сообщить агрономам ежегодное приращение собственности каждого гражданина, чтобы, раз есть два источника взносов, казна могла воспользоваться тем из них, который ей желателен в данном году, однако, после строгого обсуждения, надо ли внести часть всего имущественного ценза или только приносимый им ежегодный E
доход. Расходы на сисситии при этом исключаются. Человек умеренный должен делать богам умеренные приношения. Земля и домашний очаг каждого являются посвященными всем богам. Итак, пусть никто не посвящает богам вторично того, что́ и так уже им посвящено. В других государствах возбуждают 956
зависть золото и серебро в частных домах и в святилищах. Слоновая кость, этот остаток тела, лишившегося души, есть приношение неподходящее; а железо и медь — военные орудия. Поэтому пусть всякий желающий, по своему выбору, посвящает в общенародные храмы деревянные изделия из цельного дерева и точно так же изделия из камня. Ткани должны быть посвящаемы не больше, по размерам, таких, над которыми работала одна женщина в течение месяца. Белый цвет подобает богам и в тканях и вообще. Окрашенных тканей нельзя посвящать; их надо применять только для воинских украшений. Самые божественные дары — птицы и небольшие кумиры, исполнение которых один художник может закончить в один день. При осталь- B
ных приношениях сообразуются с этими же правилами.

*

8

На сколько частей подразделяется все государство, каковы они должны быть, каковы будут законы относительно самых главных видов деловых сношений людей, — о всем этом уже было сказано. Остается поговорить еще о судопроизводстве.

Первый вид суда составляют выбранные судьи, сообща намеченные ответчиком и истцом; таким судьям больше подхо-
C дит название диэтетов. Второй вид судей — члены поселков и фил, распределенные на двенадцать частей по всей стране; если дело не разрешено первым судом, то прибегают к этим судьям, раз желают добиться большего наказания. Если ответчик вторично проиграет дело, он должен уплатить пятую часть стоимости вчиненного ему иска. Если же обвинитель желает в третий раз пересмотреть дело, будучи недоволен этими судьями, то свое дело он может передать в суд особо для этого
D избранных судей; если он снова проиграет дело, он оплачивает в полуторном размере вчиненный им иск. Если истец, проиграв свое дело в первом суде, не успокоится, но обратится ко второму суду, то, в случае выигрыша дела, он получает пятую часть; в случае проигрыша, он оплачивает такую же часть иска. Если тяжущиеся, не удовлетворенные предшествующими судами, обратятся к третьему суду, то, в случае проигрыша, ответчик, как было указано, уплачивает в полуторном размере, а
E истец в половинном сумму иска. Избрание судей, по жребию, равно как и заполнение состава суда; поставление служителей для каждой правительственной должности; сроки, в которые все это должно совершаться; способ подачи голосов, отсрочка и все тому подобное, необходимое при судопроизводстве; вчинение тяжеб в первом суде и в последних; необходимые судебные прения и очные ставки и все близко к этому примыкающее, — о всем этом мы говорили ранее; впрочем, не мешает и дважды и трижды повторить хорошую мысль.

957 Всякие мелочи в узаконениях, которые легко найти, если они были пропущены престарелым законодателем, должен восполнить молодой законодатель. Было бы сообразно устроить именно таким образом частные суды. О судах же общегосударственных

и таких, к которым должны обращаться правительственные
лица, чтобы надлежащим образом осуществить свое назначение, — о всем этом во многих государствах встречаются немало законоположений, составленных хорошими людьми и очень
подходящих. Заимствовать отсюда то, что подходит к учреждае- B
мому теперь государственному строю, должны законохранители, проверив эти законоположения на опыте, обсудив и исправив, пока каждое из них не окажется вполне удовлетворительным. Тогда все считается законченным, скрепляется печатью незыблемость этих законоположений, и ими пользуются в течение всей жизни. Что касается молчания судей, их благословия, — и противоположного этому, вообще всего того, что идет вразрез с тем, что в остальных государствах слывет нередко справедливым, хорошим и прекрасным, — то об этом кое-что уже было
сказано, кое-что еще придется указать под конец нашей беседы. C
Кто намеревается быть справедливым судьею, тот должен считаться со всем этим, понимать в этом толк, имея в своих руках письменное изложение всего этого. Ведь из всех наук наиболее усовершенствует человека, им занимающегося, наука о законах; по крайней мере, так должно быть, если правильны основные ее положения; иначе понапрасну у нас божественный и чудесный закон получил имя, близкое к разуму[137]. В особенности это касается остальных сочинений, выраженных в стихах или в прозе по-
хвал или порицаний чему-либо, иной раз письменно закрепленных, D
иной раз возникающих при ежедневных всякого рода общениях, когда из страсти к спорам одни что-либо подвергают сомнению, а другие из-за уступчивости, подчас очень суетной, соглашаются с ними, — все это надо точно сверять с сочинениями законода-
теля. Хороший судья должен впитать в себя эти сочинения, как E
средство, предохраняющее от остальных учений и усовершенствовать самого себя и свое государство с целью уготовать хорошим людям устойчивость справедливости и ее увеличение, а людям порочным — искоренение невежества, несдержанности, трусости, коротко говоря, всякой несправедливости, насколько это в его силах и насколько поддаются исцелению превратные мнения таких порочных людей. А кому неотвратимо суждено иметь такие мнения, то для душ, находившихся в таком состоянии,
только смерть может быть исцелением. Поэтому — мы вправе 958

это часто повторять — такие судьи и руководители судей достойны похвалы со стороны любого государства.

После того, как ежегодные судебные дела придут к концу и будут разрешены, исполнение судебных приговоров будет совершаться по следующим законам: правительственная власть творящая суд, пусть прежде всего отдаст все имущество приговоренного тому, кто выиграл дело, за исключением самого необходимого имущества, сразу после каждого отдельного голосования, при помощи провозглашения глашатая в присутствии
B судей. Если после месяцев, назначенных для судопроизводства, пройдет еще один месяц, и проигравший дело не заключит полюбовного соглашения с выигравшим его, то творящая суд правительственная власть, в защиту прав выигравшего дело, передает ему имущество человека, проигравшего дело. Если неоткуда взять денег или нехватает не менее одной драхмы, то такое лицо может не ранее судиться с кем-нибудь другим, как уплатив весь свой долг выигравшему дело. Однако, в то же время все остальные в праве судиться с ним. Если осужденный станет чинить препятствия осудившей его правительственной власти, то лица, несправедливо встретившие здесь препятствия, пусть привлекут его к суду законохранителей. Если кто будет уличен
C в таком преступлении, его наказывают смертью, так как он губит все государство и законы.

9

Человек рождается, получает воспитание, производит детей, воспитывает их, вступает сообразным способом в деловые сношения, подвергается наказаниям, если кого обидел, налагает наказания на других людей, —словом живет согласно законам;
D затем неизбежно, по воле судьбы, он старится, и, естественно, наступает его кончина. И вот, что́ касается скончавшегося мужчины или женщины, то истолкователи правомочны дать указания относительно тех божественных узаконений, которые надо исполнить в честь подземных и здешних богов. Нельзя устраивать гробниц на возделываемой земле; нельзя там воздвигать никаких — ни больших ни малых — памятников; где почва по
E своим природным свойствам только для этого и годится, там и

надо хоронить тела покойников, не причиняя никаких неудобств живущим. Земля — наша мать; она охотно доставляет людям пропитание. Поэтому пусть никто — ни живущий ни покойник — не лишает этого нас, еще живущих. Нельзя насыпать могильный холм выше, чем это могут сделать пять человек в течение пяти дней. Каменные могильные плиты надо делать такой величины, чтобы там уместилась похвала жизни покойника. выраженная не больше как четырьмя героическими стихами [138].

Выставлять тело внутри дома надо не дольше того времени, 959
в течение которого становится ясным, что оказавшийся мертвым действительно умер, а это будет, пожалуй, по нашим человеческим расчетам, через три дня; тогда и надо соответственно устроить вынос тела к месту погребения. Надо верить законодателю как вообще, так и в том, что душа совершенно отлична от тела; что даже в этой жизни каждого из нас поддерживает не что иное, как именно душа, а тело следует за каждым из нас, как ее внешнее видимое проявление. Поэтому прекрасно говорят B
о покойниках, что тело умерших есть только образ, а сущность каждого из нас, именно то, что́ называется душой, которая отходит к иным богам, чтобы дать там отчет, на самом деле бессмертна. Для человека хорошего, как говорит отеческий закон, этот отчет не страшен, а для плохого очень страшен; но никакой значительной помощи у него после его смерти нет. При жизни человеку должны помогать все его близкие, чтобы он был как можно справедливее и жил наиболее благочестиво, а по смерти не был повинен в тяжких прегрешениях и не подвергся бы наказанию в той жизни, что́ будет после этой. Раз это обстоит так, то не следует особенно разоряться и счи- C
тать, что в этой груде плоти погребаешь своего близкого; нет, надо считать, что твой сын, брат, вообще тот, о ком в особенности тоскуют при погребении, закончил, исполнил свою земную участь и отошел от нас; что теперь будет хорошим поступком ограничиться умеренными издержками на этот как бы бездушный жертвенник подземных богов. Надлежащую меру угадает всего лучше законодатель. Пусть будет такой закон: издержки на все погребение для человека высшего класса не должны превышать пяти мин, для человека второго класса — трех, двух мин — для человека третьяго класса, одной мины — D

четвертого; это были бы достаточно умеренные издержки.
Законохранителям придется выполнять много иных задач, забо-
титься о многом; они должны заботиться прежде всего о детях,
о взрослых, вообще о людях любого возраста. При кончине
каждого гражданина должен присутствовать кто-либо из законо-
хранителей, которого выберут в попечители домочадцы скон-
E чавшегося. Ему поставят в заслугу, если все нужное для покой-
ника исполнено будет хорошо и умеренно, если же не хорошо, то
это поставится ему в упрек. Выставление и все остальное пусть
совершается согласно закону об этом. Однако, государственный
закон должен сделать следующую уступку: было бы неблаговидно
предписывать или запрещать оплакивание покойников; зато
надо запретить испускать вопли и стенания за пределами дома;
960 надо не дозволять нести тело покойника открыто по улицам, и
при этом уличном шествии не должно быть места стенаниям; надо,
чтобы еще до наступления дня шествие было за городом [139]. Пусть
именно это соблюдается в узаконениях. Повинующийся свободен
от наказания; ослушавшийся одного из законохранителей наказы-
вается всеми ими, причем все они сообща устанавливают нака-
B зание. Что касается особого вида погребения покойников, или
даже лишения их погребения, то все такие дела об отцеубий-
цах, святотатцах и всех им подобных были разобраны ранее и
определены законами. Таким образом наше законодательство,
пожалуй, закончено.

Впрочем, каждое дело заканчивается не тем, чтобы что-
нибудь исполнить, приобрести, учредить; нет, надо считать
вполне законченым то дело, которое нужно было сделать, только
тогда, когда найдены средства, способствующие сохранению
того, чтó появилось на свет; иначе дело в его целом еще не
C закончено.

Клиний. Ты прав, чужестранец; объяснись, к чему из только что сказанного имеют отношение твои слова?

10

Афинянин. Клиний, многое из достояния наших предшественников прекрасно прославлено и, пожалуй, не меньше и имена Мойр.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Первая из них — Лахесис, вторая — Клофо̀, третья — Атропос, спасительница того, о чем шла речь. Эти имена уподоблены пряже, закрепляемой на огне, что̀ дает ей
силу не раскручиваться. Это последнее свойство должно дать D
государству и его строю не только телесное здоровье и спасение, но и благозаконие в душах, а еще более спасение законов. Мне кажется, что нашим законам явно недостает как раз этого. Каким образом законы приобретут, согласно с их природой, эту способность не раскручиваться?

Клиний. Ты упомянул о чем-то очень существенном, если только вообще возможно найти средство придать какому бы то ни было достоянию это свойство.

Афинянин. Однако, это действительно возможно, как это
для меня сейчас совершенно ясно обнаружилось. E

Клиний. Так давайте неотступно всячески отыскивать это средство, пока не найдем для вышеуказанных законов именно этого свойства. Ведь было бы смешно понапрасну трудиться над чем-нибудь и не достигнуть никаких прочных результатов.

Мегилл. Твой совет правилен; во мне ты найдешь человека тоже таких взглядов.

Клиний. Хорошо. Так в чем же состояло бы спасение, по твоим словам, для государственного строя и для наших за-
конов? Каким образом оно могло бы осуществиться? 961

Афинянин. Разве мы не сказали, что в нашем государстве должно быть особое Собрание, устроенное так: десятеро самых престарелых законохранителей и все получившие отличия должны постоянно собираться вместе. Кроме того, люди путешествовавшие с целью разыскать, нет ли где чего-нибудь подходящего для охраны законов, вернувшиеся на родину невредимо и подвергшиеся испытанию со стороны вышеуказанных лиц, могут быть достойными участниками этого Собрания. Сверх того, каж-
дый из них должен прихватить одного человека из молодежи, B
однако, уже достигшего тридцати лет, сперва самому обсудить, достоин ли тот этого по своей природе и воспитанию, а затем ввести этого молодого человека в среду остальных и, если и остальным будет угодно, взять его с собою; в противном случае для остальных, а в особенности для самого забракованного,

должно остаться тайною состоявшееся решение. Это Собрание будет собираться рано утром, пока каждый всего более свобо-
C ден от своих частных и государственных дел. В таком роде были наши предшествовавшие указания.

Клиний. Да, в таком.

Афинянин. Возвращаясь опять к этому Собранию, я сказал бы вот чтó: я утверждаю, что это Собрание, если им воспользоваться, как якорем для всего государства, спасло бы все то, чтò нам желательно, так как в нем сосредоточено все полезное.

Клиний. Как так?

Афинянин. Для нас было бы удобным случаем вслед за тем дать надлежащие исчерпывающие разъяснения.

Клиний. Прекрасно сказано! Осуществи же свой замысел!

D Афинянин. Надо принять во внимание, Клиний, что у всякой вещи есть свойственное ей, сохраняющее ее, начало; так в живом существе самым главным является душа и голова.

Клиний. Чтò ты разумеешь?

Афинянин. Доблестная душа и светлая голова спасают всякое живое существо.

Клиний. Как?

Афинянин. В душе, кроме всего прочего, возникает разум, а в голове, кроме всего прочего, зрение и слух. Коротко говоря, разум, смешанный и слившийся воедино с прекраснейшими чувственными ощущениями, с полным правом можно было бы назвать спасением всякой вещи.

Клиний. Да, это так, повидимому.

E Афинянин. Это действительно так. Но на чтò направлен разум, смешанный с ощущениями, когда он спасает, например, суда, во время бури или во время ясной погоды? Не правда ли, кормчий корабля, вместе с матросами, соединяют ощущения с руководящим их разумом и, следовательно, спасают и самих себя и корабль со всем, чтò на нем?

Клиний. Так что же?

Афинянин. Вовсе нет нужды в многочисленных примерах. Обратим только внимание хотя бы на военное дело и на ту цель, какую ставят себе полководцы — или любые служители
962 врачебного искусства,—чтобы достигнуть спасения. Не правда ли,

у первых целью будет победа и одоление врага, а у врачей и их служителей — доставление телу здоровья?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Но если бы врач не знал того состояния тела, которое мы обозначили сейчас, как здоровье; если бы полководец не знал, что̀ такое победа — и так далее, во всех приведенных примерах, — то разве возможно было бы ему проявить свой разум во всем этом?

Клиний. Как это может быть!

Афинянин. А как же обстоит дело с государством? Если бы кто обнаружил незнание той цели, куда должен стремиться государственный человек, разве можно было бы его по праву признать, во-первых, правителем, а затем разве мог бы он спасти то, B
цель чего ему вовсе неизвестна?

Клиний. Как это может быть!

11

Афинянин. Так вот и теперь, как видно, если только мы намерены закончить устройство поселения в нашей стране, должно быть нечто такое, что̀ знало бы прежде всего именно то, на что мы указываем, т. е. цель этого поселения,—она имеет у нас государственный характер; далее надо знать, каким образом следует приняться за дело, что̀ именно прежде всего в самих законах, а затем и в людях, может пригодиться, а что̀ не может. Если государство будет лишено всего этого, то не бу- C
дет ничего удивительного, если оно станет в каждом случае и при каждом деле поступать случайно: ведь оно лишено и разума и ощущений.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Так вот, в каком же теперь разряде или учреждении нашего государства имеется в достаточной мере такой охраняющий орган? На что̀ можем мы указать?

Клиний. Это еще не совсем ясно, чужестранец. Если позволено догадываться, то, мне кажется, твои слова клонятся к тому Собранию, которое, как ты только что сказал, должно собираться ночью.

Афинянин. Твое замечание совершенно верно, Клиний. Это D

Собрание, как показывает наше нынешнее исследование, должно обладать всяческой добродетелью; самое же главное состоит в том, чтобы не было блужданий при преследовании разных целей, но чтобы иметь в виду что-нибудь одно и все стрелы как бы метать всегда по этому направлению.

Клиний. Разумеется, так.

Афинянин. Теперь мы поймем, что нет ничего удивительного в блуждании государственных узаконений, раз в каждом государстве цели законодательства разные. Неудивительно
E также, что по большей части определяют справедливое положение вещей так: в одних государствах таковым считают власть некоторых лиц, независимо от того, лучше или хуже они остальных людей; в других — богатство, независимо от того, сохраняет ли при этом государство свою независимость или нет; тогда как в иных государствах все стремление направлено на достижение свободного существования; третьи устанавливают свое законодательство двояко, имея в виду обе эти цели: самим быть свободными и владычествовать над другими государствами. Те же, что̀ считают себя всего более мудрыми, имеют в виду одинаково все эти и тому подобные цели, но не могут указать той преимущественной и единой цели, которую все остальное должно иметь в виду.

963 Клиний. Следовательно, чужестранец, правильно наше давнишнее утверждение: мы сказали, что все наши законы должны всегда иметь в виду единую цель; мы совершенно правильно согласились, что такая цель — добродетель.

Афинянин. Да.

Клиний. Но мы различили четыре вида добродетели.

Афинянин. Конечно.

Клиний. Всеми ими руководит разум; его должно иметь в виду все остальное, в том числе и эти три вида добродетели.

Афинянин. Ты прекрасно уловил последовательность наших утверждений, Клиний; следуй этому и впредь. Мы указали
B ту единую цель, которую должен иметь в виду разум — кормчий, или врачебный, или полководческий; мы остановились сейчас на исследовании цели разума государственного. Мы обратились бы к нему, точно к человеку, с таким вопросом. Чудесный, какова же твоя цель? Какова твоя единая цель? Разум врачебный

мог определенно указать на это, неужели же ты не можешь указать, хотя ты выдаешься среди всего разумного, как ты это мог бы утверждать! Мегилл и Клиний, не можете ли вы оба, хорошо произведя должное расчленение, ответить мне, вместо него, какова эта цель? Ведь я часто давал вам подобные определения в других случаях. C

Клиний. Нет, чужестранец, мы никак не можем.

Афинянин. Но, по крайней мере, вы можете сказать, что надо ревностно стремиться к отысканию этой цели, и укажете, в какой области надо ее искать.

Клиний. В какой же, например, области?

Афинянин. Например, если, по нашему утверждению, есть четыре вида добродетели, то ясно, что каждый из них необходимо признать единым, хотя всех их четыре.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Однако, все это вместе взятое мы считаем единым. Ведь и мужество мы признаём добродетелью, и разумность, и остальные два вида, причем считаем, что это все по существу не множественно, но составляет определенное единство, именно добродетель. D

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Совсем нетрудно указать, чем различаются между собою эти две добродетели, мужество и разумность, почему они получили особое наименование, и так далее. Но не так легко понять, почему и в каком смысле мы обе их и все прочее назвали единством, именно добродетелью вообще.

Клиний. Что̀ ты разумеешь?

Афинянин. Вовсе нетрудно разъяснить то, о чем я говорю. Давайте разделимся мы с вами так: одни будут спрашивать, другие — отвечать.

Клиний. Что̀ ты этим хочешь опять сказать?

Афинянин. Спроси меня, почему, признав единство добродетели, мы снова отдельно обозначаем эти два ее вида: первый — мужество, второй — разумность. Я тебе скажу причину: первый вид касается страха и распространяется даже на зверей, — это мужество; его можно заметить даже в нравах совсем маленьких детей. Ведь мужество сообщается душе и без рассудка, просто как природное свойство. С другой стороны, душа E

без рассудка никогда не бывала разумной и не обладала умом; этого нет, и опят-таки никогда не будет, так как рассудок свойство совсем особое.

Клиний. Ты прав.

964 Афинянин. Чем различаются эти два вида добродетели и почему их именно два, ты понял из моих слов. В чем же состоит их единство и тожество, это уже твоя очередь мне указать. Представь, что ты должен указать, почему эти четыре вида составляют единство; спроси же у меня, почему их четыре, раз ты показал, что здесь единство. Затем обсудим, надо ли человеку, обладающему достаточными знаниями о каком-нибудь предмете, имеющем наименование и, в свою очередь, определение, знать только одно это наименование, а определение можно и не знать; или же позорно для человека, хоть что-нибудь собою представляющего, не знать всего этого о предметах, выдаю-
B щихся своею величиной и красотой.

Клиний. Повидимому, позорно.

Афинянин. Для законодателя, для законохранителя, для всякого, кто думает выделиться своею добродетелью и кто именно поэтому получил награды за победу, нет ничего более важного, чем именно то, о чем мы сейчас ведем речь: мужество, здравомыслие, разумность и справедливость.

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. Истолкователи, учителя, законодатели, охранители остальных людей, разве не должны наставлять в этом
C того, кто нуждается в знаниях и в сведениях? Разве не должны они карать и устрашать того, кто в этом нуждается и кто в этом погрешает? Разве не должны они всячески разъяснять то значение, какое имеет порок и добродетель, и этим выделяться из остальных людей? Или окажется лучше этих людей, победивших во всякой добродетели, любой пришедший в государство поэт, любой человек, выдающий себя за воспитателя юношества. Далее, в том государстве, где стражи недостаточно владеют словом и недостаточно умеют действовать, хотя и достаточно знают о добродетели, не будет удивительным, если такое государство, как лишенное охраны, испытает то, что́ терпит большинство нынешних государств.

D Клиний. Конечно, это будет неудивительно.

12

Афинянин. Так что же? Следует ли нам осуществить то, о чем у нас сейчас идет речь? Каким образом надо подготовить стражей, чтобы они были и в словах и на деле более тщательны в смысле добродетели, чем большинство граждан? Каким способом наше государство уподобится голове и ощущениям разумных людей, коль скоро оно будет иметь в себе подобный охранительный орган?

Клиний. Как это, чужестранец? Каким образом мы сравниваем наше государство с такими вещами?

Афинянин. Ясно, что само государство представляет со- E
бою полое тело; отборные и наиболее одаренные молодые люди из стражей занимают его вершину, чтобы, обладая остроразвитыми душевными способностями, озирать кругом все целиком государство; стражи передают свои ощущения органам памяти, сообщая старшим все, что̀ делается в государстве.
Старцы, которых мы сравнили с разумом, так как они, по преиму- 965
ществу, размышляют о многом достойном упоминания, дают свои советы, пользуются услугами молодых людей и их советами, и, таким образом, и те и другие сообща действительно спасают все государство в его целом. Скажем ли мы, что именно та̀к должно быть устроено это или как-нибудь иначе? Неужели мы найдем нужным одинаково, т. е., наравне с любыми воспитанными и образованными людьми, привлекать к этому делу тех, кто имеет эти знания, и тех, кто их не имеет?

Клиний. Нет, друг мой, это невозможно.

Афинянин. Следовательно, надо стремиться к более осно- B
вательному образованию, чем указанное.

Клиний. Быть может.

Афинянин. Но то образование, которое мы сейчас слегка затронули, не есть ли именно такое, в каком мы нуждаемся?

Клиний. Разумеется, да.

Афинянин. Разве мы не сказали, что в каждом деле выдающийся и полезный народу страж должен не только быть в силах обращать внимание на многое, но еще должен и стремиться к ка-

кой-нибудь одной цели, знать ее и сознательно подгонять к ней все, что́ охватывает своим взглядом?

Клиний. Верно.

C Афинянин. Разве есть более точный способ рассмотрения и созерцания чем тот, когда человек в силах отнести к одному виду множество непохожих явлений?

Клиний. Быть может, есть.

Афинянин. Не быть может, а действительно есть, друг мой; ни у кого из людей нет более ясного метода, чем этот.

Клиний. Доверяя тебе, чужестранец, я уступаю; продолжим же далее нашу беседу в этом направлении.

Афинянин. Итак, повидимому, надо принудить стражей нашего божественного государственного строя прежде всего уметь
D тщательно различать то, что́ состоит из четырех частей, но составляет единство и тожество; то, что́ состоит, как мы говорили, из мужества, здравомыслия, справедливости и разумности, но составляет единство, которое справедливо можно обозначить именем добродетели. Если угодно, друзья мои, давайте теперь особенно упирать на это положение и не оставлять его без рассмотрения, пока не разъясним достаточно, что́ же такое то, на что́ надо обращать свой взор: есть ли это единство, или целая совокупность, или и то и другое, словом, какова вообще его природа. Если это от нас ускользнет, можно ли ожидать, что вопрос о добродетели будет решен у нас удовлетворительно, раз
E мы не будем в состоянии выяснить, множественна ли добродетель, четыре ли ее вида, или она едина? Если мы послушаемся нашего совета, мы всякими средствами попытаемся внедрить эти знания в наше государство; но если вы решаете, что это вообще нужно оставить в стороне, то так и следует поступить.

Клиний. Клянусь богом, покровителем чужестранцев, это никак нельзя оставить в стороне, чужестранец! Нам кажется, ты был вполне прав. Но как придумать такие средства?

Афинянин. Пока еще не будем говорить о средствах.
966 Прежде всего надо нам самим притти к согласию и прочно установить, следует ли нам вообще это делать или не следует.

Клиний. Конечно, следует, если только это возможно.

13

Афинянин. Что же дальше? Мыслим ли мы точно так же о прекрасном и о благом? Наши стражи должны ли знать, что каждое из них множественно, или что оно едино, вообще, каково оно?

Клиний. Пожалуй, естественно и необходимо считать это все единым.

Афинянин. И что же, достаточно ли только тàк мыслить, B
но не быть в состоянии доказать это какими-нибудь доводами?

Клиний. Как можно! Ты говоришь о свойстве, подходящем разве лишь рабу.

Афинянин. Так что же? Разве не то же самое скажем мы о любом заслуживающем внимания предмете: кто действительно станет стражем законов, тот должен действительно знать о них истину и быть в состоянии словесно ее излагать и подкреплять соответствующими делами, различая явления, прекрасные по своей природе и им обратные.

Клиний. Почему бы нет.

Афинянин. Разве не является одним из самых прекрасных C
предметов понятие о богах, которое мы усердно разобрали, именно: ведать, что они существуют, и явно владеть столь великой силой такого познания, насколько то возможно человеку; большинство же граждан можно извинить, если оно следует только тому преданию, которое содержат законы. Зато будущих стражей надо побудить к самому старательному усвоению полной веры в существование богов. Это побуждение будет состоять в том, чтобы никогда не избирать в законохранители и не включать D
в число граждан, испытанных своею добродетелью, человека не божественного и не потрудившегося на этом поприще.

Клиний. Справедливо твое требование, чтобы человека в этом отношении неспособного и бездеятельного забраковывать и удалять от прекрасного.

Афинянин. Итак, мы знаем, что относительно богов есть два убедительных довода, которые мы выше уже разобрали.

Клиний. Какие это доводы?

Афинянин. Один касается, как мы указывали, души, именно: E

она старше и божественнее всех вещей, движение которых, если присоединить к нему возникновение, создало вечную сущность. Другой довод—относительно перемещения, именно: наблюдается стройный порядок, так как над светилами и прочими телами господствует разум, все упорядочивающий. Нет настолько безбожного человека, который, заметив все это не кое-как и не как невежда, не вынес бы как раз обратного впечатления, чем
967 какое выносит толпа. Ведь она думает, будто люди, занимающиеся наукой о звездах и необходимыми, следующими за нею, иными науками, становятся безбожниками, так как замечают, что происходящие явления, возможно, совершаются по необходимости, а не в силу разумной воли, направленной к осуществлению блага.

Клиний. Как же с этим быть?

Афинянин. Как я сказал, в наше время дело обстоит совершенно обратно тому положению вещей, чем тогда, когда мыслители мыслили эти явления неодушевленными. Впрочем, и тогда уже преисполнялись удивлением и подозревали здесь то, что́ теперь действительно установлено людьми, тщательно занимавшимися этим; уже тогда предполагали, что при неодушевленности тел,
B не обладающих разумом, не могли бы быть выполнены столь удивительно все точные расчеты. Некоторые даже отваживались и тогда уже выставлять рискованное положение, что разум привел в стройный порядок все небесные явления[140]. Но те же самые люди снова допустили ошибку в понимании природы души, в том, что она старше тел; считая, напротив, ее младше, они снова,
C так сказать, разрушили все, а в особенности самих себя. Все небесные тела, носившиеся пред их очами, показались им наполненными камнями, землей и многими иными неодушевленными телами, на которые и разделились первоосновы вселенной. Вот это-то и вызвало тогда появление безбожия и отвращение к занятиям этими вопросами. Прибавилось еще и поношение: поэты стали сравнивать философов с собаками-пустолайками и говорить тому подобные бессмыслицы. А сейчас, как
D было сказано, все обстоит обратно.

Клиний. Как так?

14

Афинянин. Никто из смертных людей не может стать твер-
дым в благочестии, если не усвоит только что указанных двух
положений: душа старше всего, что̀ получило в удел рождение;
она бессмертна, и правит всеми телами; вдобавок, как это мы не
раз указывали, этот указанный в звездах разум—смысл всего
существующего; необходимо усвоить эти предварительные зна- E
ния, чтобы заметить их общность с мусическими искусствами и
воспользоваться ими для нравственного усовершенствования
в согласии с узаконениями, и чтобы быть в состоянии дать ра-
зумный отчет во всем том, что̀ разумно. А кто не в состоянии,
в дополнение к гражданским добродетелям, приобрести эти зна- 968
ния, тот едва ли когда будет удовлетворительным правителем
всего государства; он будет только слугою другим правителям.
Теперь, Клиний и Мегилл, нам нужно посмотреть, следует ли ко
всем вышеуказанным и разобранным законам прибавить еще та-
кой: будет установлен, согласно закону, охранительный орган
для спасения государства, именно, Ночное Собрание правите-
лей, достигших указанной степени образованности. Как мы по- B
ступим?

Клиний. Как же, друг мой, не прибавить нам этого, если это
хоть сколько-нибудь для нас возможно.

Афинянин. Так вот, все мы и поведем упорную борьбу за
это. Я тоже охотно буду вашим помощником в этом деле; кроме
себя, я, может быть, найду и других помощников, благодаря
моей большой опытности в этом деле и непрестанному его рас-
смотрению.

Клиний. Да, чужестранец, всего более надо итти по этому
пути, раз чуть что ни сам бог ведет нас по нему. Теперь надо C
указать и исследовать, какой образ действий здесь был бы пра-
вилен.

Афинянин. О таких вещах, Мегилл и Клиний, еще невоз-
можно устанавливать законы, пока все это еще не устроено.
Лишь после этого надо будет установить законом, в чем именно
члены Собрания будут полновластны. Но уже и теперь, в качестве

подготовительной меры, надо дать наставление, связанное с подробной беседой, если приняться за дело как следует.

Клиний. Как так? Как это понимать?

Афинянин. Прежде всего надо составить перечень тех лиц,
D кто годен для такой охраны по своему возрасту, по силе своих знаний, по нравственному складу, по привычкам. После этого нелегкая задача будет найти, что̀ же именно изучать; также нелегко и стать учеником того, кто это нашел. Вдобавок, еще определенный срок, предназначенный для усвоения, именно: с какого времени надо обучаться и в течение какого срока,—установить все это письменно было бы напрасно. Ведь даже самим обучающимся неясно, что̀ именно изучается вовремя, пока
E каждый в глубине души не приобрел знаний по данному предмету. Если сказать, что все сокровенные области знания недоступны, то это будет сказано неправильно, так как они недоступны именно потому, что не было предпослано разъяснений.

Клиний. Так ка̀к же поступить, чужестранец, раз все это так?

Афинянин. И для нас, друзья мои, повидимому, сохраняет свое значение поговорка: в середине сходятся крайности. Если бы мы захотели рискнуть всем государственным строем, то нам надо было бы поступить так, как говорят игроки: или бросить трижды шесть или три простых игральных кости [141]. Я хочу рискнуть
969 вместе с вами тем, что̀ я выясняю и истолковываю мои взгляды на образование и воспитание, опять возникшие в этой нынешней беседе. Да, риск здесь большой, и кому-нибудь другому он был бы не по плечу. Но тебе, Клиний, я советую приняться за это дело. Ведь ты либо получишь величайшую славу за правильное устройство государства Магнетов, — или тот, кто, по воле божьей, станет его эпонимом [142], — либо неизбежно покажешься чрезвычайно мужественным в глазах всех последующих лю-
B дей. Если же, дорогие мои друзья, создастся у нас это божественное Собрание, то ему надо вручить государство. Об этом нет спора ни у кого из нынешних, так сказать, законодателей. Действительно, только тогда вполне осуществится чуть что ни на яву то, чего мы коснулись в нашей предшествующей беседе, как какой-то мечты, когда мы дали образ разума, возглавляющего все, если члены этого Собрания будут у нас смешаны между

собою с самым тщательным отбором и надлежащим образом воспитаны. Получив такое воспитание, они поселятся в вышго- c
роде над всей страной и будут совершенными стражами, каких, в смысле их спасительного значения для добродетели, мы никогда не видели в нашей предшествующей жизни.

Мегилл. Друг мой Клиний, на основании всего только что сказанного, нам надо или оставить устроение государства, или же не отпускать этого чужестранца, но всяческими просьбами и средствами заставить его принять участие в устроении этого государства.

Клиний. Ты совершенно прав, Мегилл; я так и сделаю, а d
ты помоги.

Мегилл. Помогу.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Кроме указанных выше (см. т. XIII, введоние, 15) русских переводов „Законов“, VII книга имеется в переводе С. В. Меликовой („Педагогические воззрения Платона и Аристотеля“ под редакцией проф. Ф. Зелинского, изд. газеты „Школа и жизнь“, Пгр. 1915, 50—73) почти целиком (точнее: 788 — 793 A; 793 D — 794 E; 795 D — 799 A; 802 A — 803 B; 804 C — 805 B; 808 D — 824).

[2] (788 C). Образчики товаров (*δείγματα*), выставляемые купцами у входа в лавки.

[3] (788 D). Кто эти „многие“ — неизвестно, так как в дошедшей до нас литературе упоминаний об этом нет. Спор шел не только о росте: в подлиннике сказано *μήκη*, т. е. речь идет вообще об объеме и размерах человеческого тела.

[4] (789 B). „У нас“, т. е. в Афинах.

[5] (789 C). В Афинах были в ходу петушиные бои. Известно также пристрастие некоторых афинян к перепелам (*ὄρτυξ*), получившее насмешливое прозвание „ортигомания“.

[6] (790 D). В подлиннике *αἱ περὶ τὰ τῶν κορυβάντων ἰάματα τελοῦσαι*. Место темное, вызвавшее различные толкования. Перевод дан на основании комментария К. Риттера. Корибанты — служители Великой Матери богов, справлявшие во Фригии ее культ оргиастическими плясками при звуках шумной музыки; богиня имела также нищенствующих жриц; кроме того, женщины вообще участвовали в ее культе. Комментаторы отделяют слово *ἰάματα* (исцеление, врачевание) от слов *περὶ τὰ τῶν κορυβάντων*; таким образом, *τὰ τῶν κορυβάντων* — состояние корибантов или состояние, подобное состоянию корибантов, т. е. оргиастическое. Это состояние души врачуется, по известному ритуалу, при совершении каких-нибудь обрядов, что̀ видно из формы *τελοῦσαι*, от глагола, взятого из культового обихода.

[7] (790 E). Хорея — см. т. XIII, прим. 28.

[8] (792 E). Перевод не передает красивого афоризма подлинника, построенного на близком созвучии слов *ἦθος* (нрав) и *ἔθος* (привычка, обыкновение) и подкрепленного двукратным употреблением слова „всякий“: *πᾶς* и *πᾶν*.

[9] (793 B). „Осенившая мысль“ — точнее „пролитая сверху“. Образ, встречающийся вообще у Платона: мысль — как бы ручей, стекающий с высот и орошающий долины.

[10] (794 B). В подлиннике ἀγέλη, стадо, толпа. Платон употребляет лаконское название. В Спарте (и на Крите) так назывались отделения мальчиков, воспитывавшихся вместе.

[11] (794 E). Плектр — палочка, которою ударяли по струнам при игре на лире, по-русски „погудало".

[12] (795 B). Панкратий — собственно „всеборение", борьба, соединенная с кулачным боем.

[13] (795 C). Схолиаст поясняет: „Герион ... царь Эрифеи имел тело, сросшееся из трех человек. Бриарей, сын Урана и Геи ... имел сто рук и пятьдесят голов".

[14] (795 D). „Ловконогий" (ἀρτίπους) — слово редко встречающееся (по объяснению лексикографов = имеющий здоровые, проворные ноги), принадлежит поэтическому языку (напр. Софокл, Трахинянки, 58). По этому образцу Платон образует неологизм: „ловкорукий" (ἀρτίχειρ).

[15] (796 A). Антей, сын Посидона, царь Ливии, пока касался Матери-Земли, был непобедим в борьбе. Он принуждал чужестранцев бороться и, победив, умерщвлял их. Геракл одолел его, приподняв его от земли. Керкион — изобретатель того вида борьбы, где применяются также и ноги, между тем как Фесей слыл изобретателем рукопашной борьбы. Керкион в Элевсине заставлял всех прохожих бороться с ним и умерщвлял их, но был побежден Фесеем. Эпей — победитель в кулачном бою на состязаниях в честь Патрокла (Илиада, XXIII, 668 сл.). Амик, сын Посидона, первый употребил при кулачном бое ремни, которыми, с тех пор, бойцы стали обвязывать кулаки.

[16] (796 A). Различалась борьба 1) в стоячем положении и 2) партерная.

[17] (796 A). В подлиннике технический термин ἐξείλησις — развертывание, движение. Перевод дан согласно объяснению Etymol. Magn.

[18] (796 A). Вслед за Stallbaum'ом исключаю μετ' перед εὐσχήμονος.

[19] (796 B). Здешние, т. е. Критские. На Крите справлялся культ Зевса Идейского, так как, согласно сказаниям, именно здесь был скрыт и охраняем куретами младенец Зевс от желавшего его поглотить Кроноса. Куреты — спутники местной Критской богини Реи, матери Зевса, отожествленной впоследствии с Кибелой, Великой Матерью богов, Диндименой. Жрецы Реи и Идейского Зевса также назывались куретами. По преданию, куреты, спутники Реи, дабы заглушить крик спрятанного в Идейском гроте младенца Зевса стали плясать, бряцая оружием. Отсюда шумная пляска в полном вооружении, в честь Зевса или Реи, получила название пляски куретов; иначе она называлась πυρρίχη. Диоскуры — сыновья Зевса, почитавшиеся в Спарте покровителями гимнастики; в их честь справлялись празднества.

[20] (796 B). „У нас", т. е. в Афинах. Дева-Владычица — Афина-Паллада.

[21] (799 B). „И остальных", — очевидно, в честь детей богов и демонов.

[22] (799 E). Все это рассуждение Афинянина основано на игре слов: νόμος — название музыкальных пьес, νόμος — закон, νομοφύλακες — законохранители.

[23] (800 D). „Дни несчастливые", т. е. такие, когда воспрещались народные собрания и заседания суда.

[24] (800 E). „Карийской музой" — схолиаст объясняет: плакальщики были

карийцами и за плату оплакивали покойников; другие понимают это в том смысле, что надгробные плачи звучали по-варварски (по-карийски), нестройно.

[25] (800 E). „Длинное одеяние", т. е. *στολή* — парадное длинное платье.

[26] (801 A). В предшествующем *βλασφημία* было передано через „злословие"; для соответствия, здесь слово *εὐφημία* (вообще непереводимое) передается условно через „благословие", а *εὔφημον* — „благословный". Собственно *εὐφημία* означает: произнесение слов, имеющих хорошее предзнаменование или же благоговейное молчание, — во всяком случае, воздержание от слов, предзнаменовывающих дурное.

[27] (801 B). „Серебряного и золотого богатства" — богатство *πλοῦτος*, бог богатства *Πλοῦτος*; фраза построена на смешении этих двух значений, что̀ вызвало порицание со стороны автора трактата „О возвышенном" (ср. т. XIII, 14).

[28] (802 B). Вместо рукописного *ἐπανερόμενον* принимаю конъектуру C. F. Hermann'а *ἐπαναιρόμενον*, что̀ он объясняет как *ἐπαναλαμβανόμενον*.

[29] (803 E). В пунктуации следую Stallbaum'у.

[30] (804 E). „Древние предания", т. е. об амазонках; савроматиды — амазонки; савроматы — племя, происшедшее (Геродот, IV, 110—116) от браков амазонок со скифами.

[31] (805 E). „У нас всех", т. е. у афинян; „жителей той местности", т. е. ближайшим образом Аттики.

[32] (807 B). „Если мы станем ... надлежащая мера" — очевидно, речь идет о менее совершенном, по сравнению с „Государством", проекте государственного устройства.

[33] (809 C). „Грамота" (*γράμματα*), т. е. первоначальное обучение чтению.

[34] (812 A). „Грамматист" — учитель, обучающий элементарной грамоте. Между грамматистом и грамматиком такое же соотношение, как у римлян между litterator и litteratus.

[35] (812 B). См. кн. II, 9.

[36] (812 E). Одно из важных свидетельств об античной музыке, возбуждавшее различные толкования в новое время. Одни усматривали здесь даже указания на существование и у греков полифонической музыки, а не только унисонной; другие это отрицали. Место в подлиннике темное и допускает различные толкования. В переводе преднамеренно оставлена неясность подлинника и не внесено никакого толкования. „Другогласие" — *ἑτεροφωνία*; „согласие" — *ξύμφωνον*; „противогласие" — *ἀντίφωνον*.

[37] (815 A). „Воинской пляской", т. е. *πυῤῥίχη*, военная пляска в полном вооружении у спартанцев и у критян.

[38] (815 B). Место темное. Перевод дан на основании толкования Ritter'а, основывающегося на толковании Susemihl'я.

[39] (815 D). „Нашей", т. е. относящейся к государственной жизни.

[40] (816 A). „В лад" — *ἐμμελῶς*, т. е стройно, складно; „невпопад" — *πλημμελῶς*, противоположность — *ἐμμελῶς*.

[41] (816 B). „Скла́дными" — *ἐμμέλειαι*; эммелии — род пляски, благопристойной и величавой, применявшейся в трагедиях, в противоположность *σίκιννις*, употреблявшейся в сатирических драмах, и *κόρδαξ* — в комедиях. (Etym. M. s. v. *Σίκιννις*; Hesych. s. v. *ἐμμέλεια*; Bekker, Anecd. I, p. 101).

[42] (816 B). См. прим. 37.

[43] (116 B). См. прим. 41.

[44] (817 A). „Вносить ли и вводить ли нам“ и т. д. Разумеется постановка трагедий, при которой пришлось бы составить хор, запастись необходимыми театральными принадлежностями и пр.

[45] (817 C). Трагедия развилась первоначально из песен и плясок хора, окружавшего жертвенник Диониса. Затем, когда простой запевало всё более превращался в профессионала-актера, раскинутый шатер скрывал его от глаз зрителей до начала представления.

[46] (817 D). „Дадим хор“ — техническое выражение в смысле: разрешить постановку пьесы.

[47] (819 B). „Последовательные выступления ... кому с кем стать в пару“— кулачные бойцы и борцы становились, по жребию, в пары и та̀к выходили на состязание. Эта жеребьевка носила название *σύλληξις*; если же число бойцов было нечетным, то оставшийся вступал последним в борьбу с победителем. Таким образом этот оставшийся должен был выжидать (очевидно, сидя) своей очереди, что̀ и называлось *ἐφεδρεία*.

[48] (821 B). „Блуждающими“ — перевод *πλανητά*, планеты.

[49] (821 C). Утренняя звезда — Геосфор; Вечерняя звезда — Геспер.

[50] (821 D). „Благословие“, см. прим. 26.

[51] (822 B). По Stallbaum'у — фигура умолчания, апосиопеза. Подразумевать можно: „разве это не было бы нелепо?“ или что-нибудь подобное.

[52] (829 D). Орфей — см. т. XIII, прим. 36. Фамирид — фракийский певец, дерзнувший состязаться с музами, за что был лишен ими дара пения.

[53] (830 A). Панкратиаст — см. прим. 12.

[54] (830 B). Очевидно, имеется в виду ремень, покрытый выпуклыми металлическими приспособлениями, увеличивающими силу удара.

[55] Следую поправке С. А. Жебелева: *τυμβωρύχους* вместо рукописного *τοιχωρύχους* — стенокопателей. См. его „Введение в археологию“, П. 1923, II, 62.

[56] (833 B). Различались следующие виды бегов: бег (*δρόμος* или *στάδιον*), иногда на двойное расстояние (*δίαυλος*), также в оружии (*ὁπλίτης δρόμος*); особенный род бега был *δόλιχος*, простиравшийся более чем на 4 версты.

[57] (833 B). Около 10 верст с небольшим.

[58] (835 A). Афлофеты — название лиц, определявших награды при состязаниях, вообще судьи состязаний.

[59] (835 C). По Ritter'у, *λόγος* в данном месте — голос совести.

[60] (836 A). Мнение Zeller'a, что здесь идет речь о взаимной любви между юношами и девушками, отвергается Stallbaum'ом и Ritter'ом, следующими в данном случае за Ast'ом. Перевод дан согласно их толкованию. Впрочем, остается неясным, какие из этих родительных падежей — genetivi objectivi, а какие — subjectivi.

[61] (836 C). О Лае, отце Эдипа, у Афинея (XIII, p. 602 F) рассказывается так: по мнению иных, начало подобным любовным сношениям положил Лай. Он гостил у Пелопа, влюбился в сына его Хрисиппа, похитил его и с ним бежал на колеснице в Фивы. Этот сюжет трактовал Еврипид в трагедии „Хрисипп“. Тот же рассказ у Элиана (Var. Hist. XIII, 5).

[62] (836 E). Перевод дан согласно комментарию Ritter'a.

[63] (837 C). Фиест родил Эгисфа от своей же дочери Пелопии. Макарей, сын Эола, был в связи с сестрой своей Канакой; по одной версии, они сами себя лишили жизни, по другой — Эол послал дочери меч, давая понять, что им она должна умертвить себя. У Овидия в „Героидах" ее предсмертное письмо любовнику-брату:

„О, если б смерть, Макарей, роковую ту ночь упредила,
Что нечестивой любви нам завершила союз!
Брат мой! Зачем ты, ко мне столь небратнею страстью пылая,
Тем меня сделал, чем быть брату не может сестра?
Впрочем, пылала и я...

(Овидий, Героиды XI. Перев. Ф. Ф. Зелинского).

[64] (837 E). Фигура умолчания; дополнить можно было бы примерно так: „этого я еще не понимаю".

[65] (838 A). „Пашня" — обычная греческая метафора в данном случае. У Платона встречается еще в „Тимее", 91 D.

[66] (839 C). „Осуществление не осуществимо"—*μὴ δυνατὸν εἶναι δὺ ι ασθαι*— на эту и другие подобные особенности языка „Законов" обращает внимание Ast (ad Legg. I, c. 14, p. 82).

[67] (838 E). Перевод дан на основании понимания Ritter'a: *ἰδιωτικῶς* = einseitig ausgebildet.

[68] (840 A). Вместо рукописного *ὧν* принимаю поправку Heindorf'a: *ὡς*.

[69] (840 A). Об Икке Платон в „Протагоре" (316 D) вкладывает в уста Протагора следующее утверждение: софистическое искусство отличается древностью; но в старину люди, им занимавшиеся, старались его прикрывать и давали ему то форму поэзии, как Гомер, то даже гимнастики, как Икк Тарентский. Крисон Гимерский упоминается Платоном также и в „Протагоре" (335 E), как сильный скороход. Кротонец Астил — победитель на играх в 73 олимпиаду. „Очень многие другие" — это была обычная практика атлетов, см., напр., у Горация, Ars poetica, 412 сл.: „Кто старается беганием до вожделенного достигнуть предела, тот в отрочестве многое понес и претерпел, потел и на холоде мерз: воздержался от венеры и от вина". (Перев. Тредьяковского).

[70] (840 C). Аналогичная мысль у ап. Павла (I Кор. 9, 24 сл.): „не знаете ли, что бегущие в ристалище бегут все, но лишь один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Всякий состязающийся может во всем совладать с собой. Те — для получения тленного венка, мы же — для нетленного. Вот я и бегу так, чтобы это было явно; не так я бьюсь, чтобы только раздирать воздух; не в бровь, а в глаз бью я свое тело и порабощаю его, чтобы, быв глашатаем для других, самому не стать бесславным". Стремление к цели порождает у ап. Павла— аскетизм, у Платона эллинскую аскезу (*ἄσκησις*), т. е. всестороннее (*μὴ ἰδιωτικῶς*, см. прим. 67), путем упражнения, развитие тела, при котором, по Платону, легче человеку совладать с собою. Однако, даже римляне могли только молиться, чтобы здравый дух был в здоровом теле:

Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano.

(Ювенал, X, 356).

Оторванная от контекста часть этого стиха до сих пор держится, в ложном понимании, как обычное присловье.

[71] (840 E). Беспорядочная Афродита, ср. „Пир", 180 E.

[72] (841 B). Место, породившее несколько толкований. Однако, ясно, что здесь речь идет о дозволяемых законом брачных сношениях, причем, по образцу лаконских обычаев, советуется не выставлять их напоказ. В Лакедемоне, как сообщает Ксенофонт (Lac. resp. I, 5), супруг должен был втайне посещать свою супругу; ему стыдно, если заметят, что он идет к своей супруге или выходит от нее.

[73] (842 B). На Крите сисситии совершались на государственный счет, в Лакедемоне каждый гражданин вносил свою долю натурой.

[74] (844 D). Т. е. Деметра.

[75] (844 D). „Недолговечную дионисическую забаву", т. е. виноград, не заготовляемый впрок. Слова носят поэтический колорит; быть может, это реминисценция из поэта (ср. Еврипид, Электра, 497).

[76] (844 D). Вероятно, имеется в виду изюм и приготовляемое из него вино (Rosinenwein), упоминаемое ниже, 845 B.

[77] (844 D). Полевые плоды — виноградная лоза, плоды которой предназначены для заготовления впрок, а не для еды (Bekker, Anecd. I, p. 340). — „С восходом Арктура" — в Греции эта звезда бывает видима в начале сентября. Вообще осень у греков считалась с появления Сириуса до восхода Арктура, т. е. соответствовала, по нашему, концу лета и началу осени (ср. Гесиод, Работы и Дни, 807 сл.).

[78] (844 E). Т. е. внести 50 драхм в казну святилища Диониса.

[79] (845 C). Подобный же закон действовал и в Спарте, по указанию C. F. Hermann'a (De vestig. instit. p. 32 и 64).

[80] (848 D). Фессалийская колония на Крите носила название „Магнесия". Ее обитатели выселились впоследствии в Малую Азию, основав на реке Меандре опять-таки Магнесию. Будущее государство „Законов" намечается как раз на месте бывшего критского поселения магнетов.

[81] (853 C). „Неподатливо точно рог"— *κερασβόλος*. У землепашцев в древности существовало поверье, что семя,. коснувшееся случайно, при сеянии, рогов вола, само становилось твердым и не могло уже дать ростка. Это поверье осмеивает Феофраст (De causis plantar. IV, 14). Отсюда метафорически и люди называются *κερασβόλοι*.

[82] (853 D). В подлиннике игра слов: *ὧν δὴ χάριν οὐκ ἐπίχαριν*.

[83] (854 E). Ritter в комментарии задает вопрос: was heisst *μοχθηρότερον ἧττον*? и отвечает: es heisst vielleicht: „weniger unglücklich".

[84] (855 B). *Ἄτιμον* по объяснению схолиаста = *ἀτιμώρητον*. Вместо *ὑπερορίαν φυγάδα* читаю *ὑπερόριον φυγάδα*.

[85] (855 C). „И Кир давал отличия тем, кто у него лучше, начиная даже с мест для сидения и стояния при нем. Впрочем, такое место он не назначал навсегда, но держался обычая, чтобы за славные подвиги переходили на места

более почетные, а за небрежность спускались на менее почетные" (Ксенофонт, Киропедия, VIII, 4, 5).

[86] (855 С). Переведено согласно объяснению схолиаста: *καὶ ἐκλογὴν καὶ αἵρεσιν τῶν ἀρίστων*.

[87] (856 А). „Священный голос", т. е. посвященный богу.

[88] (856 В). „Ставленника", принимаю чтение *ἄνθρωπον*.

[89] (858 D). Ликурговы законы были не письменные, но передавались изустно и назывались *ῥῆτραι*, т. е. договоры между царем, советом и народом. Законы Солона были написаны на деревянных призмах, вращавшихся на оси.

[90] (866 С). Метек—так назывались жители Аттики, люди лично свободные, но не пользовавшиеся гражданскими правами.

[91] (868 А). Т. е. смерти.

[92] (884 А). Филеты — члены фил.

[93] (886 А). „Никогда не сказал бы я, будто я их стыжусь"—*ὥς γε αἰδοῦμαι*, потому что *αἰδώς* — нравственная стыдливость, или совестливость, возникает, по греческим представлениям, только перед высоко стоящими, в смысле нравственном, людьми, следовательно, в данном случае неуместна.

[94] (886 В). „Вы, живущие вовне", т. е. вне философии.

[95] (886 С). Напр., в приписываемой Гесиоду „Феогонии" рассказывается о происхождении из Хаоса богов, о титанах, об их отношениях друг к другу и т. п. У Евмела Коринфского в „Титаномахии" сообщалось о борьбе титанов и т. д.

[96] (886 Е). Имеется в виду учение Анаксагора (середина V века): небесные светила — оторванные куски земли и камня, раскалившиеся в огненной среде, чему подтверждением служил, по уверению Анаксагора, большой метеорит Эгоспотама; материальный мир устрояется Умом. Обвиненный в безбожии, Анаксагор был вынужден покинуть Афины.

[97] (889 Е). Имеется в виду учение атомистов: Левкиппа, Демокрита. Антифонт (Oxyr. pap. XI, 1915) отграничивал справедливость природную от той, что́ установлена законами (см. С. Я. Лурье, Новый оксиринхский отрывок. Изв. Акад. Наук, 1918, 1591 сл., особенно 1596 сл.).

[98] (890 В). *Οὕτω τούτων πάλαι παρασκευασμένων* — если видеть здесь мужеск. род, то: „раз эти люди (т. е., приверженцы таких взглядов) искони приготовились [к борьбе]".

[99] (893 Е). Т. е., как в силу соединения, так и в силу разъединения.

[100] (894 А). Вероятно, речь идет о трех измерениях; ведь, линия и плоскость (математическая), как предметы одного и двух измерений, нами не воспринимаются, но лишь мыслятся в отвлечении.

[101] (896 Е). Учение о двух мировых душах породило много толков и недоумений, как в древности, так и в новое время. У Плутарха (De Isid. et Osir. 48) есть ссылка на это место. По мнению Плутарха, Платон в предшествовавших сочинениях как бы затемнял и скрывал это учение и лишь в старости, в „Законах", заявил о нем прямо. Климент Александрийский (Strom. V, p. 701) отожествлял злую мировую душу с христианским диаволом. В новое время это учение о двух мировых душах заставило Ast'a (Platos Leben und Werke, 387) и

Zeller'a (Platonische Studien, 43) отвергать принадлежность „Законов" Платону Впоследствии Zeller отказался от этого взгляда.

102 (899 B). „Все полно богов" — по свидетельству Аристотеля (О душе, I, 8), такой взгляд выразил уже Фалес.

103 (901 A). Гесиод, Работы и Дни, 302—306:

„Тот и богам ненавистен и нам, кто, от дела летая,
Трутням подобный, живет куцехвостым, что́ в праздности вечной
Трудолюбивых питаются пчел неустанной работой;
Труд тебя ставит владельцем овец и иного достатка,
Труд добывает тебе и богов неуклонную милость".

(Перев. Ф. Ф. Зелинского).

104 (904 E). В переводе Жуковского стих гласит:

Боги, владыки Олимпа, такой уж имеют *обычай*.

Слово „обычай" совершенно не передает смысла этого стиха ни в контексте Одиссеи, ни в данном месте „Законов" и объясняется, очевидно, Фоссовым переводом, которым руководился Жуковский:

Das ist dir der Gebrauch der Unsterblichen auf dem Olympos.

105 (905 B). Ср. Псалом 138, 7—10: „Куда пойду от духа твоего и от лица твоего куда убегу? Взойду ли на небо — ты там; сойду ли в преисподнюю — и там ты. Возьму ли крылья зори и переселюсь на край моря, — и там рука твоя поведет меня и удержит меня десница твоя". Сходные выражения встречаются, впрочем, и у греческих писателей, напр.: Геродот, IV, 132. Еврипид, Ипполит, 1220; Медея, 1306.

106 (906 A). *Πλειόνων δὲ τῶν μή* — место темное, допускающее различные понимания, сильно меняющие смысл. Ritter (Kommentar, 326) предлагает дополнить *τῶν μὴ ἐναντίων*, иными словами: добра в мире больше, чем зла. Zeller (Philos. d. Griech., 973 и сл.) понимает как раз обратно, имея в виду „Государство", 379 C.

107 (913 C). Имеется в виду Солон (Diog. Laërt. I, 57).

108 (914 B). Геката — богиня дорог, перекрестков.

109 (916 A). Священная болезнь — эпилепсия.

110 (917 C). Это узаконение „относительно твердых цен" высмеяно комиком Алексидом.

111 (917 E — 918 A). Агораномий — присутственное место агораномов. Астиномий — присутственное место астиномов.

112 (918 E). Ritter в своем комментарии вспоминает Bellamy и его будущее государство, где каждый образованный человек должен пробыть хотя бы год кельнером и т. п.

113 (919 B). Поговорка: *πρὸς δύο οὐδ' Ἡρακλῆς* — с двумя и Геракл не справится.

114 (920 E). Труд ремесленников посвящен Гефесту, как богу покровителю ремесл вообще (*τέχναι*) и в частности металлургического дела; Афине, как по-

кровительнице женских ремесл: тканья, вязанья и т. п. (Афина, называемая Ἐργάνη). Высший класс, несущий военную службу, получает оружие от низшего; своим трудом и искусством (τέχναι) он защищает и обороняет как все государство в целом, так и ремесленников, поэтому он посвящен Арею; с другой стороны, он должен мудро поддерживать и сохранять своим искусством (τέχναι) государственный порядок; отсюда его посвящение Афине, как богине мудрости.

115 (923 A). Знаменитое „познай самого себя“ при входе в Дельфийский храм Аполлона.

116 (929 E). „Среднего возраста“ — так понимает это место Ritter, основываясь на толковании Müller'а.

117 (931 B). Софокл, „Эдип в Колоне“, 421—430:

О разгорись же, распря роковая!
О боги! Мне исход отдайте в руки
Грядущей битвы, поднятых мечей!
Тогда ни тот, кто ныне властью грозен,
Не сохранит ее, ни тот изгнанник
Своей отчизны не увидит вновь.
Да, горе им! Когда родитель их
Бесчестно из отечества был изгнан —
Никто из них его не удержал,
Не заступился, нет: детей раченьем
Меня глашатай всенародно в Фивах
Изгнанником безродным объявил!

(Перев. Ф. Ф. Зелинского).

118 (931 B). В IX песни Илиады (ст. 447 сл.) Финик (у Гнедича Феникс) говорит:

...злобы отца избегая, Аминтора, грозного старца.
Гневался он на меня за пышноволосую деву:
Страстно он деву любил и жестоко бесславил супругу,
Матерь мою, а она, обнимая мне ноги, молила
С девою прежде почить, чтобы стал ненавистен ей старец.
Я покорился и сделал. Отец мой, то скоро приметив,
Начал меня проклинать, умоляя ужасных Эринний,
Ввек на колени свои да не примет он милого сына,
Мной порожденного: отчие клятвы исполнили боги,
Зевс подземный и чуждая жалости Персефония.
В гневе убить я отца изощренною медью решился;
Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
Будет в народе молва и какой мне позор в человеках,
Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне!

(Гнедич).

119 (935 E). Афлофеты — см. прим. 58.

120 (943 E). См. Гесиод, Работы и Дни, 254 и сл.

121 (944 A). „Подлые“ — *κακοί* — в сословном смысле.

122 (944 A). О том, как Патрокл лишился оружия у Гомера (Илиада, XVI, 793 и сл.; XVII, 125 и сл.; XVIII, 83 и сл.) рассказывается так:

Шлем с головы Менетидовой сбил Аполлон дальновержец
. . . .
Вся у Патрокла в руках раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крепкая, медью набитая; с плеч у героя
Щит, до пят досягавший, с ремнем повалился на землю;
Медные латы на нем разрешил Аполлон небожитель.
. . . .
Гектор, меж тем, обнаживши от славных доспехов Патрокла,
Влек, чтобы голову с плеч отрубить изощренною медью
. . . .
. . . . . . Гектор, назад отступивши к дружинам,
Прянул в свою колесницу; доспехи же отдал Троянам
Несть в Илион, да хранятся ему на великую славу
. . . .
Гектор убийца похитил с него и доспех тот огромный,
Дивный, богами дарованный . . . . . .

123 (944 D). Кеней, по преданию, был первоначально девушкой и, по своей просьбе, был превращен в мужчину и сделан неуязвимым.

124 (945 A). Евфины — финансовые чиновники, ревизоры, контролеры.

125 (945 E). *Τεκταινώμεθα* — имеется в виду вышеуказанный образ корабля с его обшивкой и пр.

126 (946 E). Здесь явно какой-то пропуск в тексте.

127 (947 A). Феория — так назывались священные посольства, которые греческие государства посылали на важнейшие праздники других государств, связанных с ними узами племенного родства или политическими интересами. Участники такого посольства — феоры.

128 (947 D). Не было в обычае, чтобы жрецы сопровождали похоронную процессию.

129 (947 E). *μακάριον γεγονότα* — евфемизм в роде нашего „в Бозе почивший“ или „преставившийся“.

130 (950 B). *ξενηλασία* — изгнание иностранцев, в чем упрекали спартанцев. Ср. Протагор, 474.

131 (950 D). Гомеровское выражение, употребленное также и в „Государстве“, V, 468 C.

132 (950 D). Феор — см. прим. 127; так как это слово, так же как и феория, в родстве с глаголом *θεωρέω* — гляжу, смотрю, наблюдаю, то здесь у Платона постоянно чувствуется это значение слова феор: он не только участник священного посольства, но и наблюдатель, созерцатель.

133 (950 E). Немея — долина в Арголиде; в роще Немейского Зевса праздновались Немейские игры через каждые три года.

[134] (953 B). Гиппархи — см. т. XIII, прим. 110; таксиарх — командир *τάξις*, соответствующего нашему батальону.

[135] (955 A). Афлофеты, см. прим. 58.

[136] (955 C). Ср. „Ахарняне“ Аристофана, где афинянин Дикеополь заключает мир со Спартой для одного себя.

[137] (957 C). Платон, в духе этимологий „Кратила“, указывает на близкое созвучие слов *νόμος* — закон и *νόος* (*νοῦς*) — разум, о чем говорится и в IV, 713 E.

[138] (958 E). Т. е. гексаметром.

[139] (960 A). Погребали обычно за городом, хотя бывали исключения, напр., в Спарте, а в древнейшие времена и в Афинах (ср. Минос, 315 D).

[140] (967 B). *νοῦς πάντα διακοσμῶν* — учение Анаксагора, см. прим. 96.

[141] (968 E). Играли тремя костями, так что трижды шесть было высшим количеством очков.

[142] (969 A). Т. е. тот, по имени которого государство получит свое название.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К ЗАКОНАМ

Перевод А. Н. Егунова

ВВЕДЕНИЕ

Извилистый путь „Законов“ окончен. Достигли ли собеседники грота и святилища Зевса, мы не знаем. Впрочем, Платон, повидимому, не особенно останавливался на реальности ситуации диалога. Но цель беседы достигнута: начертан в своем роде стройный план государства и, как возглавление, дан проект Ночного Собрания, блюстительного органа, спасающего все государство. Перед читателем развернут большой и, в основном, законченный набросок. Тем не менее, в рукописях вслед за двенадцатой книгой идет тринадцатая, с особым заглавием *Ἐπίνομις*, иногда называемая и *Ἐπινόμιον* (вероятно, неологизм; приблизительно его можно передать по-русски — по аналогии с *Δευτερονόμιον* — „Второзаконие“ — как: „Послезаконие“, или „Позаконие“).

Содержание „Послезакония“ не является, по существу, новым в сравнении с „Законами“. Собственно говоря, это развитие двух мест „Законов“: XII, 966 В сл. и VII, 818 В сл. В первом из указанных мест ставится вопрос: чему надо обучаться? Этот вопрос в „Послезаконии“ принимает несколько иную форму: чему надо обучиться, чтобы смертному человеку стать мудрым? (973 В). По „Послезаконию“, высшая мудрость состоит в знании наук о числе. Число — божественный дар бога (976 Е — 977 А); кто его не знает, тот не может дать себе отчета в том, что̀ им воспринято чувственным путем. Число проявляется в телах, и, соответственно пяти видам правильных многоугольников, есть пять элементов. Из этих пяти элементов образовано пять разрядов живых существ (ср. Тимей, 39 Е — 40 А); высший разряд — звезды, с их пламенной природой, низший — люди, состоящие, главным образом, из земли. Звезды разумны и одушевлены; это или боги или образы богов. Посредниками между людьми и богами служат промежуточные существа — демоны и полубоги. Разумность божественных светил сказывается в подчиненности их движений числам. Науки о числе человеку надо постигать в такой последовательности: арифметика, геометрия, стереометрия, астрономия. И не к безбожию ведет астрономия, а, напротив, к богобоязненности и пониманию вселенной, как гармонии (991 Е), что̀ составляет высшее блаженство, которому причастна, однако, лишь малая часть людей.

Если оставить пока в стороне свидетельства древних, а рассматривать лишь содержание „Послезакония“, то ничто не мешает признать, что Платону, по окончании грандиозного наброска „Законов“, где все намечено, по большей части, лишь в общих чертах, захотелось более детально коснуться любимого вопроса об образовании, о предметах обучения, о мудрости; тогда, такой не-

сколько в ином масштабе и в иной манере написанный, этюд и составил „Послезаконие". Можно даже предположить, что это было сделано одновременно или — что̀ мало вероятно — даже до написания „Законов". Сюда же относится и то обстоятельство, что язык „Послезакония" не обнаруживает значительной разницы по сравнению с языком „Законов" [1].

Античные свидетельства об авторе „Послезакония" колеблются: Цицерон (De Orat. III, 6) и Прокл (in Eud. I, p. 12; in Tim., p. 269 C) приписывают его Платону. Диоген Лаэртский (III, 56. 61 сл.) упоминает, что Аристофан Византийский и Фрасилл, разделившие Платоновские диалоги: первый — на трилогии, второй — на тетралогии, считали этот диалог подлинным. Но тот же Диоген Лаэртский, при упоминании о роли Филиппа Опунтского, как редактора „Законов" (III, 37, 25), прибавляет: „ему (т. е. Филиппу), как говорят, принадлежит „Послезаконие". Точно так же у Свиды, под словом *φιλόσοφος* (по Boeckh'у—Филипп Опунтский) читается: „он разделил на 12 книг „Законы" Платона, а 13-ую, как передают, прибавил сам; он был слушателем Сократа и самого̀ Платона; занимался исследованием небесных явлений". Вслед за тем Свида перечисляет сочинения Филиппа; из этого перечня видно, что Филипп, хотя и был учеником Сократа, действительно немало занимался натурфилософией, астрономией и математикой. Эти свидетельства Диогена Лаэртского и Свиды, наряду с некоторыми особенностями „Послезакония", заставили в новое время исследователей отрицать принадлежность этого диалога Платону [2]. Но в последнее время против этого направления возникла реакция, и H. Raeder (Platons philosoph. Entwickelung, 413—419) считает возможным приписать диалог Платону.

Все же, имея в виду и приведенные древние свидетельства, представляется невозможным (по крайней мере, переводчику) приписывать „Послезаконие", не обинуясь, Платону. В качестве тринадцатой книги „Законов" этот диалог совершенно неприемлем: он нарушает своеобразную законченность двенадцатой книги и только ослабляет впечатление, да и пристегнут он крайне неловко: „вот мы снова сошлись, как было условлено" — между тем в „Законах" такого условия вновь сойтись нет. Это явно напоминает начальные слова „Тимея". Предположение, что это отдельный диалог, написанный Платоном на тему, близкую к „Законам", — допустимо. Но тогда встают неразрешимые вопросы: когда же написан этот диалог? После „Законов"? И что́ делать с неоконченным „Критием"? Естественнее считать, что Филипп Опунтский, ученик Платона, бывший, допустим, редактором его „Законов", извлек „из бумаг" покойного учителя содержание этого диалога, дополнил его тем, что́ слышал от учителя при его жизни, и добросовестно изложил все это, но не с широким размахом мастера, а с кропотливой точностью ученика. Таким образом остаются в силе древние свидетельства, объясняется сходство этого диалога с „Законами" и, местами, с „Тимеем". Старческий тон „Послезакония", отмечаемый исследова-

[1] C. Ritter, Untersuch. über Plato, 91 сл., что̀, впрочем, не помешало Ritter'у, отрицавшему принадлежность „Послезакония" Платону, считать автора этого диалога „schwach an Verstand" (Kommentar zu Gesetzen, 64).

[2] F. Ast, Platos Leben und Schriften, 393. Ed. Zeller, Platon. Studien, Tübingen 1839. K. Fr. Hermann, Gesch. u. System d. platon. Philosophie, Heidelberg 1839.

телями, не будет при этом неожиданностью: раз, по словам Свиды, Филипп был слушателем Сократа, то, следовательно, он мог быть почти ровесником Платону. Античные воззрения на литературную собственность были отличны от наших: поставить на своем сочинении (вернее, реферате) имя учителя было не подлогом, но актом своеобразного пиэтета. Если и исключить „Послезаконие“ из числа подлинных Платоновских диалогов, все же его нельзя ставить на одну доску с каким-нибудь „Аксиохом“ или „Эриксием“: верный ученик заботливо и верно передал мысли учителя; немудрено, что в „Послезаконии“ слышится подлинный Платон, исследователь не только законов государственных, но и законов вселенной.

Перевод на русский язык: И. Сидоровского (творений велемудрого Платона, часть третья, содержащая в себе „Законы“ или о законоположении *тринадцать* книг, СПб. 1785). Специальная литература — та же, что́ о „Законах“ (см. т. XIII, введение). Кроме того: H. Reuther, De Epinomide Plat., Diss., Lpz. 1907.

А. Егунов.

1

Клиний. Ну вот, чужестранец, мы и сошлись, как было ус- 973
ловлено, все втроем — я, ты и этот вот Мегилл, — чтобы рас-
смотреть, как нам разобрать вопрос о рассудительности; если
пораздумать, то рассмотрение этого вопроса всего лучше на-
правит человека в сторону рассудительности, поскольку вообще
он может ею обладать[1]. В самом деле, можно признать, что мы
разобрались во всем остальном, касающемся установления за-
конов. А вот, то, что̀ всего важнее отыскать и высказать, именно: B
чему должен смертный человек обучиться, чтобы быть мудрым,
этого мы не сказали и не отыскали. Давайте, попробуем сейчас не
упустить этого. Дело в том, что иначе мы, пожалуй, не закончим
того, ради чего мы все двинулись в путь, надеясь выяснить все
вопросы с начала до конца.

Афинянин. Хорошо ты говоришь, дорогой Клиний. Но ду-
мается мне, тебе предстоит услышать странную речь; впрочем,
с другой стороны, она как-то и не так странна. Многие люди, даже
с большим жизненным опытом, держатся того взгляда, что чело-
веческий род никогда не будет счастливым и блаженным. Про- C
следи и посмотри, не покажется ли тебе, что и я, вместе с ними,
окажусь здесь прав. Я также отрицаю возможность для людей,
за исключением немногих, стать счастливыми и блаженными.
Но я ограничиваю это пределами нашей жизни. У человека есть
прекрасная надежда, что после смерти он достигнет всего того,
ради чего при жизни он стремился жить как можно лучше, по
мере сил, чтобы, окончив жизнь, достигнуть подобного конца.
Я не высказываю ничего мудреного; нет, так или иначе мы D
все — и эллины и варвары — признаём это, то есть: каждому жи-

вому существу тяжко сначала появиться на свет; прежде всего тяжко быть причастным утробному состоянию, затем опять-таки само появление на свет, вдобавок взращивание, воспитание — все это, как мы все признаём, сопряжено с тысячью тягостей.
974 Жизнь наша кратковременна, даже если не принимать в расчет каких-нибудь особых бедствий, но лишь такие, которые выпадают на долю каждого в скромных размерах. Эта кратковременность позволяет человеку вздохнуть свободно, кажется, лишь в середине его жизни. А быстро подступающая старость заставляет каждого, кто только не преисполнен детских чаяний, отказаться от желания снова возвратиться к жизни: ведь человек принимает в расчет прожитую им жизнь. На что́ я здесь могу сослаться? На то, что уже сама природа обсуждаемого сейчас
B вопроса такова. Мы обсуждаем, каким образом мы можем стать мудрыми, точно каждый человек имеет эту возможность. Между тем мудрость бегом убегает от нас тогда, когда мы приближаемся к разумности так называемых искусств, разумностей и других тому подобных, по нашему мнению, наук, тогда как ни одна из них не заслуживает такого обозначения, раз вся их мудрость обращена на человеческие дела. А ведь душа человека твердо в этом уверена и заявляет, что, по своей природе, она
C каким-то образом может иметь такую мудрость. Однако, душа человека не очень-то может найти, в чем состоит эта мудрость, когда она появляется и каким образом приходит. Не правда ли, на такое состояние человеческой души очень походит наше нынешнее затруднение в вопросе о мудрости и это наше разыскание. Возникающие здесь у каждого человека трудности превышают даже ожидание; по крайней мере, так бывает у тех людей, которые среди нас оказываются в состоянии исследовать, разумно и без разногласий, как самих себя, так и других людей, при помощи всякого рода способов рассуждения и всякого рода обсуждения. Согласимся ли мы, что это действительно так? Или нет?

D Клиний. Согласимся; однако, все же мы надеемся, чужестранец, что со временем мы, с твоею помощью, составим себе наиболее истинное мнение по этому вопросу.

Афинянин. Итак, нам надо прежде всего разобрать все остальные, так называемые, науки, которые, впрочем, отнюдь

не делают мудрым человека, ими занимающегося и их усвоившего. Покончив с этими науками, мы попробуем, для сравнения, изложить — а после изложения и усвоить — те науки, которые нам необходимы.

2

Итак, сперва рассмотрим те первые начатки знаний, которые
должны быть прежде всего у смертного племени. Эти начатки
в высшей степени необходимы, так что, пожалуй, они являются E
поистине первыми. Однако, человек, овладевший этими начат-
ками знаний, даже если он когда-то в начале и казался мудре-
цом, в наше время уже вовсе не будет признан мудрым, а эти
его знания скорее навлекут на него упрек.

Давайте, укажем, в чем состоят эти начатки знаний, и почему 975
чуть что не всякий, у кого появляется соревнование в том смысле,
чтобы быть признанным человеком с наилучшими нравственными
качествами, избегает этих знаний путем приобретения разумно-
сти и упражнения в ней. Первым из этих начатков знаний
является тот взгляд, который, как говорит предание, с одной сто-
роны, совершенно отучил нас от свойственного всем живым су-
ществам пожирания друг друга, а с другой — приучил нас к обыч-
ной пище. Да не прогневаются за это на нас предшествующие
поколения; впрочем, они теперь относятся к нам благосклонно,
ибо мы приветствуем тех из них, кто впервые установил то,
о чем мы говорим. Хотя производство ячменной крупы и пше- B
ничной муки и питание ими прекрасно и хорошо, все же это ни-
когда не сможет сделать человека вполне мудрым. Дело в том,
что само название „производство“ указывает лишь на трудность
получения самих предметов этого производства. Приблизительно
то же самое относится и ко всяческим видам земледелия. Ведь
оказывается, что все мы беремся за обработку земли не при по-
мощи искусства, но просто от природы, а бог нам в этом по-
могает. Да и домостроительство, всякого рода зодчество, выде- C
лывание разной утвари, кование, изготовление орудий для сто-
лярного дела, для лепки, плетения и тому подобного, полезно
для народа, но нельзя сказать, чтобы это имело отношение

к добродетели. Точно так же разного рода охота, ставшая столь
разнообразною и искусною, все же не дает величия, соединен-
ного с мудростью. Равным образом и ведовство; всецело так же
и искусство. Дело в том, что эти искусства знают только то,
чего они касаются, причем вовсе не задаются вопросом,
истинно ли это.

D До сих пор мы рассматривали добывание предметов первой
необходимости, производимых при помощи искусства; при этом
выяснилось, что во всех без исключения случаях это занятие
не делает человека мудрым. Далее нам остается рассмотреть уже
прямо какую-то забаву, по большей части состоящую в воспро-
исведении и во всех отношениях несерьезную. Люди применяют
воспроизведение как при помощи многих орудий, так и при помощи
не совсем благовидных воспроизведений самих тел; далее, они
воспроизводят как в прозе, так и в разного рода стихах и теми при-
емами, матерью которых является живопись, причем ее произве-
дения бывают очень разнообразны и чрезвычайно различны,
в зависимости от того или иного, сырого или сухого, материала.
Хотя бы человек занимался любым этим мастерством с вели-
чайшей старательностью, все равно, воспроизводящее искусство
не сделает никого мудрецом. Правда, в конце концов все эти
изделия могли бы оказать неисчислимую помощь неисчисли-
E мому количеству людей. В этом отношении величайшим и наи-
более полезным искусством является то, что̀ носит название
военного и полководческого искусства; его употребительность
снискала ему наибольшую известность; но оно, зато, нуждается
всего более в счастливом стечении обстоятельств, да и по своей
природе скорее обязано мужеству, нежели мудрости. Искусство же,
976 называемое врачебным, приносит пользу всем живым суще-
ствам, когда их природа страдает от перемен времен года, от
холода или от несвоевременно наступившей жары. Однако, и
здесь ничто не имеет значения для приобретения наиболее
истинной мудрости. Дело в том, что врачебное искусство лишено
надлежащей меры и полно смутных предположений. Правда, мы
должны будем признаться, что кормчие и, вместе с ними, моряки
в известном смысле оказывают нам помощь; но никто не уверит
нас, будто хоть один из них является человеком мудрым. Ведь
никто из них не ведает причин гневного напора ветра или его

ласкового дуновенья[2], между тем такое знание было бы очень по сердцу всему искусству кораблевождения. Точно так же обстоит B
дело с теми людьми, которые, по их утверждению, помогают нам, силою своего красноречия, вести судебные дела; они обращают все свое внимание, путем развития памяти и постоянного упражнения, на нравственную сторону человека, причем очень далеки от истинной сущности справедливости.

Кроме мнимой мудрости, остается еще одна странная способность, которую большинство назвало бы скорее природным свойством, чем мудростью. Она состоит в быстрой сообразительности, в легком усваивании, в очень большой и твердой памяти, запоминающей то, что̀ для человека полезно; благодаря C
этому, человек сразу поступает так, как подсказывают обстоятельства. Все эти способности одни люди считают природным свойством, другие — мудростью. Однако, ни один разумный человек никогда не захочет признать действительно мудрым того, кто обладает этими свойствами.

3

Так вот, надо открыть какую-то такую науку, обладание которой делало бы человека действительно мудрым по существу, а не только по видимости. Посмотрим, что̀ это за наука. Мы беремся, во всяком случае, за трудное исследование, раз D
мы хотим найти, помимо вышеуказанных наук, такую науку, которую по существу и естественно надо было бы признать мудростью, науку, обладатель которой станет ни ремесленником, ни глупцом, но мудрым и добрым, благодаря этой науке, гражданином; правитель ли он в своем государстве или подчиненный — все равно он будет справедлив и благопристоен.

Сперва рассмотрим ту науку, которая сделала бы человека самым бессмысленным и безрассудным существом, если бы только она вышла из человеческого обихода и не существовала наряду с другими нынешними науками. Эту науку не очень трудно заметить. В самом деле, сравнивая, так сказать, одну науку с другой, мы найдем, что только наука, давшая всему смерт- E
ному роду понятие о числе, могла бы это сделать. Я думаю, что

ее дал нам для нашего спасения скорее бог, чем какая-либо случайность. Надо указать, о каком боге я это думаю; хотя, с одной стороны, это представляется странным, зато, с другой стороны, это как-то и не так странно. В самом деле, как не считать таким виновником, давшим нам величайшее из благ, разумность, того, кто вообще является виновником всяких благ для нас?
977 Какого же бога превозношу я своими словами, Мегилл и Клиний? Пожалуй, это — Небо, и всего справедливее почитать его и преимущественно к нему обращаться с молитвами; так это и делают все иные божества, да и боги. Все мы согласились бы, что оно для нас стало виновником и всех остальных благ. Мы, действительно, и утверждаем, что оно дало нам и понятие о числе, да и в будущем даст, если кто захочет ему сопутство-
B вать. В самом деле, кто обратится к правильному созерцанию его, — вселенной ли, Олимпом ли, или Небом угодно кому его называть, тот пусть та̀к его и называет — тот будет сопутствовать ему в его собственных разнообразных переменах и в обращении звезд, что̀ дает разные исходы временам года и всем живым существам. Итак, мы будем утверждать, что оно дает нам и остальную разумность, вместе с общим понятием о числе, да и все остальные блага. Самое же главное будет то, если человек, получив от него дар чисел, разберется во всем его круговращении.

Однако, вернемся немного назад в нашем рассуждении и
C вспомним, как правильно мы заметили, что никогда мы не стали бы разумными, если бы исключили понятие о числе из человеческой природы. Дело в том, что душа живого существа, лишенного рассудка, вряд ли сможет овладеть всей добродетелью в совокупности. Ведь существу, не знакомому с тем, что̀ такое „два“ или „три“, „нечет“ или „чет“, совершенно неведомо понятие числа. Поэтому такое существо вряд ли сможет дать себе отчет в том, что̀ приобретено только путем ощущений и памяти. Правда, это ничуть не препятствует иметь осталь-
D ные добродетели, как-то: мужество и здравомыслие. Но тот, кто не умеет правильно считать, никогда не станет мудрецом. А у кого нет мудрости, этой наиболее значительной составной части добродетели, тот не может стать вполне благим и, следовательно, не может стать блаженным. Почему это так необходимо,

для разъяснения этого потребовалось бы рассуждение более
пространное, чем все вышеуказанное. Впрочем, и теперь будет
правильным сказать, что из всех остальных так называемых
искусств, разобранных нами — допустим, что все это действи-
тельно искусства, — не осталось бы ни единого, но все они E
совершенно исчезли бы, если будет исключена наука о числах.
Бросив взгляд на эти искусства, человек может, пожалуй, предпо-
ложить, что человеческий род нуждается в понятии о числе ради
незначительных целей. Однако, и это уже важно. Если же чело-
век примет во внимание божественное начало, заключающееся
в рождении и смерти, в чем также можно распознать начало
благочестия и действительно сущее число, то окажется, что даже
не всякий прорицатель может познать все в совокупности
понятие о числе: настолько велико его значение для нас, вызы- 978
ваемое его соприсутствием с нами. Раз уже и во всякого рода
музыке надо исчислять движение и звуки, то ясно, что число
является виновником всех благ, а это самое главное. Что
число не производит ничего дурного, это легко распознать,
как это вскоре и будет сделано. Ведь чуть что не всякое не-
отчетливое, беспорядочное, безобразное, неритмичное, не-
складное перемещение и вообще все, что причастно чему-ни-
будь дурному, лишено какого бы то ни было числа; именно так B
должен мыслить об этом тот, кто собирается в счастьи окон-
чить свои дни. Точно так же и о справедливом, благом, прекрас-
ном и о всем тому подобном никто никогда не сможет про-
извести расчисление по отношению к самому себе и совершенно
не сможет убедить в этом другого человека, если только он не
знает науки о числе и не овладел правильными представлениями
в этой области.

4

Давайте, рассмотрим, как мы выучились считать. Скажи-ка,
откуда у нас появилось понятие единицы, двойки. Почему только
мы одни из всех живых существ по своей природе можем иметь C
такое понятие? Ведь у многих иных живых существ природа не
приспособлена к этому, так что они не могут от своих отцов

научиться считать. А у нас впервые насадил это бог, так что
мы можем понимать то, что̀ нам показывают; затем бог показал
нам это некогда и показывает до сих пор. Если сравнивать еди-
ницу с единицею, то что̀ более прекрасное можно созерцать,
как не день в смысле родового понятия? Далее человек пере-
ходит к частному понятию ночи; здесь пред ним совершенно
D иное явление. Происходит беспрестанная смена многих ночей
и многих дней; небо всегда производит это беспрестанно, научая
людей понятию о единице и о двойке, так что, наконец, и самый
неспособный человек в состоянии усвоить счет. При виде этого,
каждый из нас сможет получить понятие о числах „три“, „че-
тыре“, понятие о множественности. Одно из этих небесных тел,
именно луну, бог сделал такою, что она является то большей,
то меньшей и совершает свой путь, постоянно являя день иным,
E вплоть до пятнадцати дней и ночей. Таково круговращение луны,
если кому угодно полный круг считать единицею. Стало быть,
коротко говоря, даже самое неспособное существо усвоит это,
если только оно принадлежит к тем, кому бог дал природу, спо-
собную к усвоению. До сих пор и в этих пределах любое живое
существо в состоянии хорошо считать, наблюдая единичные яв-
ления сами по себе. Зато, думается мне, требуется большая со-
979 образительность, чтобы всякий раз дать себе отчет во взаим-
ных соотношениях чисел. Здесь, как мы сказали, бог сделал так,
что луна то прибывает, то идет на убыль; он установил месяцы
по отношению к году, и всякий человек начал, на доброе счастье,
путем наблюдения сравнивать любое число с другим числом.
Благодаря всему этому, у нас бывает урожай, земля беременеет,
так что для всех живых существ получается пропитание, если
ветры и дожди бывают умеренны, а не чрезмерны. Если же,
B напротив, дело идет к худшему, то здесь приходится винить не
божескую природу, а человеческую, которая не по справедли-
вости распределяет свои средства к жизни.

Когда мы производили наши разыскания о законах, мы почти установили, что во всем остальном людям легко распознать самое для них наилучшее; всякий человек достаточно развит, чтобы понять и осуществить наши слова, если только он знает, что̀ для него естественно является полезным и что̀ — вредным. Мы постановили и посейчас держимся такого мнения, что все

остальные навыки не очень трудно приобрести, но зато чрез- C
вычайно трудно решить, каким образом люди могут стать порядочными. Опять-таки, как мы указываем, приобретение всего остального, что̀ свойственно порядочному человеку, возможно и нетрудно. Всякий понимает, в каком размере следует — или не следует — обладать имуществом, какими телесными свойствами надо отличаться, какими благими душевными качествами. А каковы эти благие качества души, на это всякий ответит: душа должна быть справедливой, здравомысленной, мужественной и мудрой. Но какова эта мудрость, здесь, как мы только что разобрали, большинство людей совершенно расхо-
дятся друг с другом в своих взглядах. А теперь, кроме всех D
вышеуказанных видов мудрости, мы нашли еще один ее вид, притом не какой-нибудь незначительный, именно в том смысле, чтобы казаться мудрым, — это, когда человек усвоил то, что̀ мы разобрали. Но мудр ли и благ ли человек, знающий в этом деле толк, вот в чем надо дать себе отчет.

Клиний. Естественно, чужестранец, что в столь важных вопросах ты попытаешься дать и указания.

Афинянин. Да, Клиний, эти указания немаловажны. Но еще E
более затрудняет то, что они вполне и во всех отношениях истинны.

Клиний. Разумеется, чужестранец. Однако, не откажи изложить свой взгляд.

Афинянин. Хорошо, а вы оба не откажите выслушать.

Клиний. Очень охотно, — я отвечаю тебе от лица нас обоих.

5

Афинянин. Прекрасно. Итак, повидимому, приходится 980
сказать прежде всего о том, можем ли мы одним именем обозначить то, что̀ мы понимаем под мудростью. Если сделать это для нас очень трудно, то возникает вопрос: каковы ее виды и сколько их, так чтобы человек, овладевший этими видами, был, по нашим воззрениям, мудрым.

Клиний. Так скажи же!

Афинянин. Далее, нельзя отказать законодателю в возможности высказать о богах более красивые и лучшие уподо-

бления, нежели какие были указаны ранее, в виде как бы прекрасной забавы, и указать, как надо проводить свою жизнь, по-
B читая богов и старея в песнопениях и в счастьи.

Клиний. Прекрасны твои слова, чужестранец! Да будет это завершением твоих законов! Да проведешь ты чистую жизнь, услаждая богов, и да получишь в удел наилучшую и наипрекраснейшую кончину!

Афинянин. Так ка̀к же мы скажем, Клиний? Решить ли нам, что песнопениями мы чрезвычайно почитаем богов, и поэтому, с молитвой, приступить к высказыванию самых прекрасных и лучших взглядов о богах? Согласен ты с этим или нет?

C Клиний. Да, вполне. Итак, друг мой, доверившись богам, помолись и выскажи приходящие тебе на ум прекрасные соображения о богах и богинях!

Афинянин. Да будет так, лишь бы только бог нами руководил! Помолись и ты вместе со мною!

Клиний. А теперь говори!

Афинянин. Итак, прежде всего мне придется, раз мои предшественники плохо, повидимому, представили происхождение богов и живых существ, изложить это лучше, согласно выска-
D занному выше взгляду. Мне придется повторить то доказательство, с которым я пытался обратиться к нечестивцам, утверждая, что боги существуют, пекутся обо всем как о малом, так и о великом; что они непреклонны во всех делах, касающихся справедливости. Помнишь ли ты это, Клиний? Ведь вы получили и записи для памяти. Да, высказанные тогда взляды были вполне истинны. Из них самым главным было то, что любая душа старше любого тела. Помните ли вы это? Действительно, так ли оно на самом деле? Разве не убедительно, что то, что̀
E лучше, то и древнее и более богообразно, в противоположность худшему, которое моложе и менее почтенно; повсюду правящий старше подчиненного и во всех отношениях руководитель старше руководимого. Итак, призна́ем то положение, что душа
981 старше тела. Раз это так, то, пожалуй, вполне убедительно, что первоначало у нас старше первого рождения. Установим же, что начало начал более благообразно, и что мы правильно вступили на путь, ведущий к высочайшим вершинам мудрости, коснувшись происхождения богов.

Клиний. Пусть будет это так, по мере сил.

Афинянин. Скажи, разве не будет согласно с природой и вполне истинно утверждать, что существо является живым тогда, когда соединение воедино души и тела порождает единую форму?

Клиний. Верно.

Афинянин. Такое существо и можно, по всей справедли- B
вости, называть живым существом.

Клиний. Да.

Афинянин. Надо сказать, что, по весьма вероятному взгляду, есть пять видов твердых тел, из которых можно было бы лепить всего прекраснее и лучше; весь же остальной род тел имеет одну форму. Нет ничего бестелесного, что̀ могло бы возникнуть, и нет ничего, вовсе не имеющего окраски, за исключением действительно божественного рода души. Одному этому подобает лепить и производить, а телу, как мы и говорим, подобает ле-
питься, рождаться и быть видимым. Первому подобает — повто- C
рим опять: это стоит сказать не раз — быть невидимым, сознательным и постигаемым лишь умственно, обладающим памятью и умеющим считать перемены в нечетном, равно как и в четном. Итак, есть пять тел. Здесь надо назвать огонь, воду, в-третьих — воздух, в-четвертых — землю, в-пятых — эфир. Смотря по главенству того или иного тела, получается много разных живых
существ. В каждом отдельном случае это надо понимать так: D
прежде всего установим единый земной род; это все люди, все многоногие и безногие животные, все, что̀ способно передвигаться и все, что̀ пребывает на месте, будучи прикреплено корнями. Здесь единство надо мыслить так: все эти существа состоят из разных родов, но бо̀льшая их часть состоит из земли и из твердой природы. Как иной род живых существ, следует установить второй разряд, также рождающий и могущий быть
видимым. В нем всего больше огня, хотя есть и земля и воздух E
и незначительные доли всех остальных элементов; поэтому надо признать, что из этого разряда возникают разнообразные и видимые живые существа. Опять-таки надо думать, что таков род живых существ на небе; таким надо признать весь божественный род звезд; им уделено прекраснейшее тело, блаженнейшая и наилучшая душа. Из двух возможных участей им надо при-

писать, пожалуй, вторую: каждое из них может быть или не-
982 уничтожаемым, бессмертным и, по всяческой необходимости, вполне божественным, или же оно может иметь долгую жизнь, достаточную для своего существования, так что оно вовсе не нуждается в его продлении.

6

Прежде всего разберемся в только что указанном. Мы утверждаем, что существует два разряда живых существ. Затем мы опять-таки утверждаем, что оба эти разряда видимы. Первый, как это может показаться, состоит из огня, весь целиком; второй — из земли. Земной род движется в беспорядке, а огненный — в полном порядке. Тот род, который движется в беспорядке,
B надо считать лишенным разума; та̀к поступает большинство окружающих нас животных. Поступательное же движение, совершаемое на небе в строгом порядке, надо принять за доказательство разумности. Достаточным доказательством разумного существования служит постоянное, единообразное и тожественное поступательное движение, действование и состояние. Более необходимой, чем что бы то ни было, является здесь необходимость предположить, что эти тела имеют душу, обладающую разумом. Ведь она законодательствует, как правительница, а не
C как подчиненная. Неизменное же, — когда душа, по совету наилучшего разума, избирает себе наилучшее, — становится совершенством, согласно разуму; даже адамант не крепче его и не более неизменяем. Три Мойры поддерживают и наблюдают, чтобы то, что̀ приобретено по наилучшему совету богов для каждого, и было совершенным. А людям надо считать доказательством того, что звезды и все поступательное их движение обладает разумом, их постоянное тожественное действие, по принятому издревле решению, длящееся уже
D непостижимо долго. Звезды не перерешают своего решения, не движутся вверх и вниз, не делают то одно, то другое, не блуждают и не изменяют своих оборотов. Между тем именно это-то многих из нас привело к обратному заключению, будто звезды не имеют души, раз их действие тожественно и единообразно.

За этими безумцами последовала толпа и предположила, что
человеческий род обладает разумом и живет, коль скоро он на-
ходится в движении, род же богов не обладает разумом, раз он
только перемещается всегда одинаково. Однако, человеку было
возможно подняться до более прекрасного, лучшего и отрадного
взгляда, что признаком обладания разумом следует считать как
раз то, что разум постоянно действует по одному и тому же E
плану, одинаковым образом и вследствие одних и тех же причин.
Именно такова природа звезд, столь прекрасная на вид: их путь
и хороводы прекраснее и величественнее всех хороводов; они
для всех живых существ осуществляют надлежащее. Впрочем,
в подкрепление справедливости наших слов об одушевленности
звезд, подумаем прежде всего о их величине. В самом деле, 983
они в действительности вовсе не так малы, как кажутся; на-
против, размер каждой из них огромен; этому стоит верить, так
как это достаточно доказано. Безошибочно можно мыслить
солнце, все целиком, гораздо бóльшим, чем вся целиком земля.
Да и все движущиеся звезды обладают действительной вели-
чиной. Так вот и рассудим, каким образом можно было бы за-
ставить такое бремя совершать кругообразное движение всегда
в одно и то же время, как это совершается и посейчас. Какая B
природа могла бы это сделать? Я утверждаю, что виновником
здесь будет только бог; иначе это невозможно. Ведь и одуше-
вленными они стали только при посредстве бога, как это мы
выяснили. Раз бог в состоянии это совершить, то для него со-
всем легко было создать прежде всего любое живое тело, любое
бремя, затем заставить его двигаться по тому направлению, ко-
торое он признает наилучшим. Коротко говоря, скажем теперь
одно истинное слово о всем этом: невозможно, чтобы земля,
небо, все звезды и все тяжелые небесные тела совершали еже-
годно свой путь столь точно, согласно месяцам и дням, чтобы
все вообще существующее существовало для всех нас столь
благим, если бы только при каждом или в каждом из всего этого
не было души. Насколько человек ничтожнее этих светил, на- C
столько более ясные воззрения должен он обнаруживать, а не
говорить вздора.

*

7

Между тем, человек не скажет ничего ясного, если назовет причиною стремительное движение тел или их природу или что-нибудь подобное. Но опять-таки надо вполне разобраться в вы-
D сказанном нами воззрении. Имеет ли наш взгляд смысл, или вовсе лишен его, раз мы прежде всего утверждаем, что есть два рода сущностей: душа и тело? И то и другое имеет много разновидностей, отличных друг от друга и несходных между собою; нет ничего иного, третьего, что было бы свойственно одному из них. Душа отличается от тела: она обладает разумом, а оно — установили мы — не обладает; она правит, оно подчиняется; она — причина всего, оно не является причиной какого-либо
E состояния. Стало быть, какая нелепость, какое безрассудство утверждать, будто небесные явления имеют какую-нибудь другую причину, а не являются порождениями души и тела! Итак, если наше воззрение должно победить существующие о всем этом учении и убедительно обнаружить божественность всех этих явлений, то надо из двух возможностей выбрать одну: или с полным правом прославлять небесные тела как богов, или принять, что они стали образами богов, точно кумиры, сработанные
984 самими богами. Ведь это дело не чьих-либо несмышленных или малоценных рук. Так вот, как было сказано, нам надо установить какую-нибудь одну из этих возможностей; коль скоро это будет установлено, следует им оказывать почет преимущественно пред всякого рода кумирами. Ведь никогда не найдется более прекрасных и более общих для всего человечества кумиров, воздвигнутых в столь отличных местах, отличающихся чистотой, величавостью и, вообще, жизненностью, чем небесные тела, ко-
B торые именно таковы. Итак, мы теперь подступаем к вопросу о богах со следующей точки зрения.

Мы заметили два разряда видимых нами живых существ; один из них мы признали бессмертным, другой, т. е. весь земной, стал смертен. Это три средних разряда из пяти, находящиеся между ними; они всего более ясны на основании обычных представлений; о них-то и надо попытаться говорить. А после огня мы поместим эфир. Мы установим,

что душа из него образует живые существа, обладающие
той же силой, что̀ и остальные роды, причем они большею
частью состоят из их собственной природы, и лишь немногие C
образованы с помощью соединения с свойствами остальных
родов. После эфира душа образует из воздуха иной род живых
существ и третий род из воды. Раз душа произвела все это, то
естественно, что все небо преисполнено живых существ. Душа
приспособила каждый род согласно его силе, причем все они
стали причастны жизни. Образовав второй, третий, четвертый и
пятый род живых существ, причем она начала с рождения богов, D
явных нам, душа закончила нами, людьми.

8

Что касается богов, как, например, Зевса, Геры и всех
остальных, то их можно разместить по этому же закону, как
кому будет угодно, лишь бы прочно было усвоено это учение. Но
первыми, зримыми, величайшими, почтеннейшими богами, зорко
видящими все и везде, надо признать природу звезд и те явления, которые мы ощущаем в связи с ними. Непосредственно
после них и под ними надо сряду поместить демонов, воздушное E
племя, занимающее третье, среднее место, демонов, являющихся
виновниками истолкования; их надо весьма почитать молитвами
за их благознаменательные возвещения. Из этих двух разрядов
живых существ, тот, что̀ образован из эфира, а вслед за ним и
тот, что̀ образован из воздуха, незримы; даже их близкое присутствие для нас неявно. Оба эти разряда причастны удивительной разумности, так как это племя легко усваивающее и
памятливое; мы сказали бы, что они знают все наши мысли и 985
удивительным образом приветствуют того из нас, кто прекрасен
и благ, а очень порочного ненавидят, так как они уже причастны
скорби. Между тем бог, достигший совершенства в своей божественной участи, находится вне таких переживаний, как наслаждение и скорбь, и во всем причастен лишь разумности и познаванию. Раз небо стало преисполнено живых существ, то эти демоны являются истолкователями посреди живых существ, носясь
легким движением по земле и по всему свету. Пятый разряд, B

образованный из воды, правильно можно было бы уподобить полубогам; ведь они из них и произошли. Они иногда зримы, иногда же скрываются, делаясь неразличимыми, что̀ для темного взгляда является чудом.

C Эти пять разрядов живых существ, действительно, существуют, в чем пришлось убедиться некоторым из нас или во сне, в сновидении, или слыша слова откровения и прорицания, когда бываешь здоров или болен, или когда придешь к концу жизни. Эти представления разделяются как частными людьми, так и государством. Вот почему сооружено много святилищ многим божествам, да и впредь будут сооружаться. Законодатель, хоть чуть-чуть обладающий умом, никогда не отважится делать нововведения во всех этих областях и не допустит, чтобы его госу-
D дарство поддерживало новые, еще неясные, культы. Он не станет препятствовать жертвоприношениям, установленным отеческими обычаями, так как он ничего ровно не знает в этих делах: ведь смертной природе невозможно знать все это. Но что касается действительно явных богов, то это же самое воззрение заставляет признать чрезвычайно дурными тех, кто не отваживается ни сказать нам прямо, ни обнаружить своих взглядов, а между тем уклоняется от обрядового почитания иных богов и не воздает им подобающего почета. А теперь
E случается именно так, как если бы кто из нас, заметив солнце или луну, взирающих на всех нас, ничего не сообщил об этом, хотя мог бы это сделать, так что эти светила были бы лишены почитания; если бы он, поскольку это от него зависит, не проявил никакого желания явно учредить, в честь этих божеств, на почетном месте празднества и жертвоприношения и назначить сроки, уделить времена года, в честь этих божеств из
986 бо́льших и меньших годов[3]. Разве такой человек не заслуживает по праву обозначения дурного, вредного и для самого себя и для другого сознающего это человека.

Клиний. Конечно, так, чужестранец. Это даже в высшей степени дурной человек.

Афинянин. Так вот, дорогой Клиний, знай, что именно в таком положении нахожусь я.

Клиний. Как это ты говоришь!

9

Афинянин. Узнайте, что на всем небе есть восемь сил, братски родственных между собою. Я их созерцал; однако, в этом нет ничего мудреного; это легко заметит и всякий другой. Из этих сил три следующие: одна — солнца, другая — луны, B
третья — неподвижных звезд, о которых мы упомянули немного ранее; остается еще пять других.

О всех этих светилах и о тех силах, что̀ находятся в них, все равно, сами ли они идут или совершают свой путь по этому направлению, несясь в колесницах, всякий из нас всех будет мыслить, не иначе, как так: одни из них — боги, другие — нет; одни связаны между собою родством, другие же таковы, что никому из нас и сказать о них нельзя; лучше скажем, что все они, по нашему утверждению, братья, и участь их брат- C
ская. Воздадим им почитание, однако, не так, что одному посвятим целый год, другому — месяц, а третьему не отведем уже никакой доли и никакого времени, в которое они проходят свой оборот, содействуя мировому порядку, зримому и установленному разумом, наиболее божественным из всего. Человек счастливый сперва поражен этим мировым порядком, затем начинает его любить, чтобы усвоить его, насколько это возможно для смертной природы, полагая, что таким образом он всего лучше и всего благополучнее проведет свою жизнь и, по смерти, придет в места, подобающие добродетели, — такой человек поистине и на самом деле примет посвящение, овладеет единой D
разумностью, раз уже он сам един, и будет в остальное время созерцать самые прекрасные явления, какие доступны зрительному восприятию. А теперь нам остается далее указать, сколько этих богов и каковы они. Ведь мы никогда не окажемся лжецами; на этом-то, по крайней мере, я твердо настаиваю. E

Я опять-таки утверждаю, что таких богов — восемь. О трех из них мы уже говорили; остаются еще пять. Четвертый вид перемещения и круговращения, равно как и пятый, по своей скорости чуть что ни равны солнцу, во всяком случае, не медленнее и не быстрее его. Вообще, их постоянно три, и разум достаточен для руководства ими. Мы признаѐм такими богами

солнце, утреннюю звезду и еще третьего, которого нельзя
назвать по имени, так как оно неизвестно; причиной этого
является то, что первый, заметивший это, был варваром. Дело
в том, что древний обычай воспитал первых людей, обративших на
987 это внимание, под воздействием красоты летнего времени, кото-
рым достаточно обладает Египет и Сирия; там люди постоянно
видят все звезды, так сказать явно, потому что в этом краю
мира никогда не бывает облачности и влажности[4]. Из тех краев
эти сведения распространились повсюду, в том числе и здесь,
причем эти знания были подкреплены тысячелетним, бесконеч-
ным наблюдением. Поэтому надо смело включить это в законы.
В самом деле, не считать ценным того, что̀ божественно, между
тем как иное, вообще говоря, все-таки считается ценным, это
B явное неразумие. Если же они не получили названия, то надо
указать именно на эту причину; впрочем, они заимствовали свои
имена у богов. Так утренняя звезда, — она же и вечерняя, —
пожалуй, не без основания носит имя Афродиты, что̀ вполне
в духе сирийского законодателя. А то светило, которое со-
вершает свой путь вместе с солнцем, получило, пожалуй, имя
Гермеса. Есть еще три светила, которые, скажем мы, переме-
щаются вправо вместе с луной и солнцем. Надо указать на одно
из них, именно на восьмое; его скорее всего можно было бы
признать вышним миром. Оно совершает свой путь в направле-
нии, обратном всем светилам, ведет всех остальных; по крайней
мере, так кажется нам, людям, столь мало сведущим во всем
C этом. Но необходимо высказать то, о чем у нас имеется доста-
точно сведений; мы так и поступим: ибо, действительно, сущая
мудрость именно как-то так и обнаруживается человеку, хотя
мало-мальски владеющему правильным божественным размы-
шлением. Следуют остальные три звезды; из них одна отличается
от прочих своею медленностью, и некоторые дают ей имя
Крона; следующую за ней в смысле медленности надо назвать
именем Зевса; именем Арея — следующую; она одна из всех них
имеет наиболее красноватый оттенок. Коль скоро кто-нибудь
D указал нам на эти светила, уже нет никаких трудностей их заме-
тить; но лишь только это будет усвоено, следует мыслить о них
именно та̀к, ка̀к мы указали.

10

Всякий эллин должен поразмыслить над тем, что местность, занимаемая нами, эллинами, чуть что ни лучше всех остальных в смысле ее прекрасных свойств. Здесь надо отметить то ее преимущество, что она занимает среднее место между странами с суровым зимним климатом и странами с жаркой природой. Раз, в смысле летнего жара, природа тех мест, как мы сказали, превосходит нашу родину, то, естественно, нам позже были переданы сведения об этих богах мира. Однако, мы должны признать, что эллины усовершенствуют все, что̀ бы они ни получили от варваров. С этим точно так же надо считаться и при обсуждении E
того вопроса, который мы сейчас разбираем. Хотя и трудно отыскать несомненную правду в этом отношении, однако, у нас есть сильная и прекрасная надежда, что эллины прекраснее и справедливее по существу позаботятся о всех этих богах, чей 988
культ, по преданию, пришел к нам от варваров. Эллины могут применить здесь свою образованность, дельфийские прорицания и весь свой культ, основанный на законах. И пусть никто из эллинов не пугается мысли, будто не следует заниматься божественными делами, раз мы смертны; напротив, надо думать как раз обратное, именно: божественное не лишено разума, оно знает человеческую природу, прекрасно ведает, что она, под его наставничеством, последует за ним и усвоит его наставления. B
А что божество дает нам наставления, например, понятие о числе, уменье считать, это ему, конечно, известно. Всех неразумнее был бы тот, кто этого не знает. Ведь, как говорится, он действительно не знал бы в этом случае самого себя, сердился бы на того, кто в силах усвоить эти знания, не радовался бы, без зависти, успехам того, кто, благодаря богу, стал благим. Есть много прекрасных доводов в пользу того, что в ту пору, когда C
у людей зародились первые представления о богах, как они произошли, какими стали и по какой причине, и какие деяния они совершали, все эти воззрения были бы не по вкусу и не по сердцу людям здравомыслящим. То же самое и взгляды следующих поколений, утверждавшие наибольшую древность огня, воды и всех прочих тел, относившие к позднейшему времени

чудесное явление души, считавшие главным и самым почтенным то перемещение, которое производит тело само над собой путем нагревания, охлаждения и всех тому подобных явлений, и отрицавшие значительность перемещения, производимого
D душой над телом и над самой собой. А теперь, раз мы утверждаем, что душа, лишь только она очутится в теле, движет — в этом нет ничего удивительного — и перемещает и его и самое себя, нет никаких доводов против убедительности того, что душа в состоянии перемещать любую тяжесть. Вот почему мы и теперь считаем душу причиной всего и все блага считаем именно такими, а все дурное — иным по своим свойствам. Ничего удивительного нет в том, что душа является причиной всякого рода перемещения и движения; перемещение и движение
E в сторону блага есть свойство всеблагой души, а в противоположную сторону — свойство противоположной души. Впрочем, благо должно всегда брать верх над тем, что̀ ему противоположно.

11

Все это мы высказали согласно справедливости, мстящей за нечестие. Что же касается предмета нашего исследования, то мы не можем не верить, будто мы не должны считать мудрецом
989 человека благого. А насчет этой мудрости, которую мы отыскиваем уже давно, давайте, посмотрим, мыслима ли она в том образовании или в том искусстве, нуждаясь в знании которого, мы были бы невеждами и в области справедливости, раз уже мы таковы. Мне кажется, что да; сейчас я об этом скажу. Дело в том, что я производил изыскания повсюду, и вот я попытаюсь в ясном виде представить вам ту причину, что̀ была мною обнаружена. Главнейшая область добродетели нами осу-
B ществляется нехорошо; это и было причиной — я вполне уверен — того, что именно это вытекает из только что указанных соображений. В самом деле: никогда никто нас не разуверит, что есть область добродетели более главная для смертного племени, чем благочестие. Следует указать, что этого не случилось в наилучших натурах из-за величайшего невежества. А наилучшие натуры это те, что̀ встречаются чрезвычайно

редко; зато они очень полезны, если встретятся. Дело в том, что
душа, обладающая и медлительностью и ей противоположною
природой в умеренных, кротких размерах, была бы обходительна,
восхищалась бы мужеством, была бы послушна здравомыслию
и, что̀ самое главное, при этих своих природных свойствах
могла бы усвоивать, обладала бы хорошею памятью и смогла бы C
очень хорошо радоваться именно своей любознательности.
Правда, подобные натуры не очень-то легко появляются на
свет; но раз они встречаются, раз они получат должное обра-
зование, они могут сдерживать в надлежащих пределах натуры
худшие, более многочисленные помощью разумности, своего
поведения и отдельных указаний насчет богов, как и когда
надо так поступать относительно жертвоприношений и очи-
щений пред богами и людьми. Они далеки от всякого рода
наружной рисовки, но поистине почитают добродетель. А это
самое главное для любого государства. Вот мы и утвер- D
ждаем, что такие натуры, по своей природе, всего значи-
тельнее и способны как можно лучше и прекраснее усвоивать
те знания, которым их обучают. Между тем обучать невозможно
без божьего руководства. Стало быть, если кто принимается не
та̀к за обучение, то лучше его и не усвоивать. Впрочем, из
нынешних слов вытекает для таких натур необходимость усвоить
именно такие взгляды. Мне же необходимо указать на эти наи-
лучшие натуры. Давайте, попробуем основательно разобраться
в свойствах всего предмета и в способах его усвоения. Я, по мере E
моих сил, буду указывать. Кто может, пусть выслушает, каким
именно образом можно усвоить благочестие; пожалуй, придется
услышать нечто необычное. Ведь мы лично указали бы, что эта 990
наука — чего никогда не предположил бы человек, несведущий
в этом деле,—называется астрономией. Вам неизвестно, что
величайшим мудрецом необходимо должен быть истинный астро-
ном, не тот, кто занимается астрономией по Гесиоду, и ему
подобные, ограничивающиеся наблюдением над заходом и вос-
ходом светил, но тот, кто из восьми кругооборотов наблю-
дает преимущественно семь, при которых каждое светило B
проходит свой круговой путь так, что это нелегко смогла бы
рассмотреть любая натура, непричастная свойствам чудесной
натуры. Как мы только что сказали, мы укажем, согласно нашему

утверждению, надлежащий способ и направление для усвоения. Прежде всего укажем вот на что.

12

Луна очень быстро проходит свое круговращение и совершает свои фазы, начиная сперва с полнолуния. Затем надо поразмыслить над солнцем, которое, в течение всего своего кругоC вращения, проходит через свои поворотные пункты, и над его спутниками. Чтобы не повторять часто того же самого об этих светилах, скажем, что путь остальных светил, указанных нами ранее, сообразить легко. Чтобы подготовить натуры, способные усвоить эти знания, следует предварительно их научить многому и приучить с детского и отроческого возраста к настойчивому труду. Следовательно, должны быть науки. Самая главная и первая из них — наука о самих числах, но не об отвлеченных, а о зарождении вообще понятия „нечет“ и „чет“, об их знаD чении, которое они имеют по отношению к природе вещей. Кто это усвоил, тот может перейти последовательно к тому, что̀ носит очень смешное название геометрии. На самом же деле ясно, что это наука о том, как сделать соизмеримыми на плоскости числа, по своей природе несоизмеримые; кто может соображать, для того явным стало бы, что здесь чудо не человеческое, но прямо божественное. После этой науки, идет следующая, ей подобная; ее также назвали геометрией люди, ею E занимающиеся; эта наука изучает тела, имеющие три измерения, соизмеримых друг с другом или несоизмеримых в отношении своих кубических свойств.

Но что удивительно и божественно для вдумчивого наблюдателя, это закон двукратных возрастающих или убывающих отношений чисел, замечающийся во всех видах и родах вещей.
991 Первое двукратное отношение чисел есть отношение единицы к двойке; результат, в смысле своей значимости, получается вдвое больший. При переходе к телам трех измерений, ощутимым на ощупь, происходит опять-таки удвоение, причем здесь от единицы восходят к числу „восемь“[5]. Второе значение числа „два“ занимает среднее место между этими двумя преде-

лами, так как оно настолько превосходит себя самого; оно B
превосходит одну крайность, и в равной мере его превосходит другая крайность. Так, среди чисел, заключающихся в ряду чисел между шестью и двенадцатью, находятся два числа, образованные: первое прибавлением одной половины числа „шесть“, второе — прибавлением трети числа „шесть“ [6]. Значение самих этих чисел, занимающих среднее место между двумя крайностями, научило людей употреблению согласованности и соразмерности, ради ритмических игр и гармонии, и дало это в дар счастливому хороводу Муз.

14

Так вот, пусть именно в таком порядке совершается усвоение всех этих наук. Завершением их должно служить рассмотрение божественного происхождения и самой прекрасной и божественной природы зримых вещей, которую бог дал созерцать людям. Без только что разобранных наук никто не сможет
ее созерцать, хотя бы человек и хвалился тем, что он легко C
все схватывает. Вдобавок надо в любом общении людей, путем вопросов и изобличений, сравнивать отдельные явления с видовыми, каждый раз когда что-нибудь было высказано недостаточно хорошо. Это, действительно, во всех отношениях наилучший и первый у людей способ исследования; остальные же способы недостоверны, несмотря на свою привлекательность; следовательно, это самый тщетный из всех трудов. Далее, нам надо познать точность времени, с какою точностью совершаются все
небесные явления, чтобы поверить, что истинно то слово, кото- D
рое утверждает старшинство души над телом и, вместе с тем, ее более божественную сущность, чтобы считать прекрасным и достаточно обоснованным утверждение, что все полно богов, и что мы никогда не находимся в пренебрежении у высших сил из-за их забывчивости и незаботливости.

Во всех этих вещах надо мыслить так: правильное их понимание очень полезно в известном отношении для человека; в противном же случае лучше постоянно призывать бога. Вот в каком отношении — укажем хотя бы на это — они полезны:

E всякая геометрическая фигура, всякое сочетание чисел, всякое гармоническое соединение имеет сходство с круговым перемещением звезд; следовательно, любое единичное явление, для человека, надлежащим образом его усвоивающего, являет собою все остальные; впрочем, как мы и говорим, они явят ему все остальное только в том случае, если он правильно усвоивает, производя свое единичное наблюдение. Для людей вдумчивых
992 здесь обнаружится естественная связь между всеми этими явлениями. Если же человек как-нибудь иначе принимается за это дело, то ему надо, как мы и говорим, призвать на помощь счастье. В самом деле: без этих знаний человек с любыми природными свойствами не станет блаженным в государствах; есть только один этот способ, только эти науки — все равно, легки ли они или трудны. По этому направлению и должен итти человек. Нельзя пренебрегать богами, раз уже явным стало ведущее к счастью откровение о всех богах, указывающее, к тому же,
B способ их познавания. Я считаю поистине в высшей степени мудрым человека, охватившего таким путем все эти знания. И в шутку и всерьез я стану настойчиво утверждать, что такой человек, даже восполнив смертью удел своей жизни, даже на своем смертном одре, не будет иметь, как теперь имеет, множества ощущений, но достигнет только своего единого удела, из множественности станет единством, будет счастлив, чрезвычайно мудр и, вместе с тем блажен; все равно, пребывает ли он блаженным на островах блаженных или на материке — он всегда получит в удел такую судьбу; занимался ли он при жизни
C государственными делами или своими частными, — все равно, боги дадут ему одинаково эту участь. Впрочем, и сейчас остается в силе наше действительно истинное первоначальное утверждение, что людям, за редкими исключениями, невозможно стать в совершенстве блаженными и счастливыми; тогда это было правильно нами указано. Но люди божественные, здравомыслящие и, вместе с тем, по своей природе причастные всей остальной добродетели, вдобавок еще овладевшие всем, что̀
D имеет отношение к блаженной науке — в чем это состоит, мы уже указали — такие люди, и только они одни, получили в удел обладание всеми дарами благого божества. Итак, людям, именно так потрудившимся в этой области, и следует — мы сейчас

высказываем это частным образом, но установим это и как государственный закон — предоставлять самые главные государственные должности, лишь только они достигли престарелого возраста; а все остальные люди, вслед за ними должны благоговейно относиться ко всем богам и богиням.

Мы же, достаточно распознав и проверив членов Ночного
Собрания, призываем их всех к наиболее правильному пони- E
манию этой мудрости.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] (973 A). Диалог начинается нескладным периодом.

[2] (976 B). *πνεύματος ὀργὴν οὐδὲ φιλίαν* — выражение необычное в прозе; быть может, поэтическая реминисценция.

[3] (985 E). Вероятно, имеются в виду солнечный и лунный годы.

[4] (987 A). Ср. Цицерон, De divin. I, 1: „Первоначально ассирийцы... вследствие равнинности и огромности населяемых ими областей заметили перемещения и движения звезд, так как небо там ничем не заслонено и открыто для наблюдения“.

[5] (991 A). Согласно обычным представлениям платоников и пифагорейцев, единица соответствует точке, число два — линии, четыре — плоскости, восемь — телу трех измерений. Таким образом, смысл этого места следующий: *πᾶσα ἡ φύσις* — любая геометрическая форма, *εἶδος* и *γένος* — ее разновидности, частные и более общие, *τὸ διπλάσιον* — удвоение. Иными словами: если единица соответствует точке, то, умноженная на два, она дает линию, положение которой определяется двумя точками; четыре точки определяют плоскую поверхность и т. д.

[6] (991 B). *τὸ ἡμιόλιον*, в ряду натуральных чисел от 6 до 12, будет 9, так как $9 = 6 + 3$, раз $3 = {}^6/_2$; *τὸ ἐπίτριτον* — 8, так как $8 = 6 + 2$, а $2 = {}^6/_3$.